

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ФГАОУ ВО «КРЫМСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ В. И. ВЕРНАДСКОГО»

ТАВРИЧЕСКАЯ АКАДЕМИЯ (структурное подразделение)

ИНСТИТУТ ИНОСТРАННОЙ ФИЛОЛОГИИ

**КОНВЕРГЕНТНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ XXI:
ВАРИАТИВНОСТЬ, КОМБИНАТОРИКА,
КОММУНИКАЦИЯ**

Материалы II Международной
междисциплинарной научной конференции

Симферополь, 30 ноября — 4 декабря 2017 года

Симферополь
2018

УДК 81+82+130+338.48
ББК 81+71+26.89+65.43
К64

*Печатается по решению организационного комитета конференции
«Конвергентные технологии XXI: вариативность, комбинаторика, коммуникация»
(Симферополь, 30 ноября — 4 декабря 2017 года)*

Рецензенты:

Вахрушев Борис Александрович, декан географического факультета, заведующий кафедрой землеведения и геоморфологии географического факультета Таврической академии (с. п.) ФГАОУ ВО «КФУ имени В. И. Вернадского», доктор географических наук, кандидат геолого-минералогических наук, профессор

Чёрный Евгений Владимирович, декан факультета психологии, заведующий кафедрой социальной психологии факультета психологии Таврической академии (с. п.) ФГАОУ ВО «КФУ имени В. И. Вернадского», доктор психологических наук, доцент

Общая редакция:

Петренко Александр Демьянович, директор Института иностранной филологии Таврической академии (с. п.) ФГАОУ ВО «КФУ имени В. И. Вернадского», доктор филологических наук, профессор

Редакционный совет:

Кислицына Н. Н., заведующая кафедрой иностранных языков № 1 Института иностранной филологии Таврической академии (с. п.) ФГАОУ ВО «КФУ имени В. И. Вернадского», кандидат филологических наук, доцент

Храбскова Д. М., заведующая кафедрой романской и классической филологии, заместитель директора по НИР Института иностранной филологии Таврической академии (с. п.) ФГАОУ ВО «КФУ имени В. И. Вернадского», кандидат филологических наук, доцент

Черезова М. В., доцент кафедры иностранных языков № 1 Института иностранной филологии Таврической академии (с. п.) ФГАОУ ВО «КФУ имени В. И. Вернадского», кандидат педагогических наук, доцент

Подготовка материалов к изданию:

Службина А. Г., преподаватель кафедры иностранных языков № 1 Института иностранной филологии Таврической академии (с. п.) ФГАОУ ВО «КФУ имени В. И. Вернадского»

*За содержание статей, достоверность цитат, имён, названий и данных
ответственность несут авторы публикаций*

К64 **Конвергентные технологии XXI: вариативность, комбинаторика, коммуникация** : сб. материалов II Междунар. междисциплинар. науч. конф. (Симферополь, 30 ноября — 4 декабря 2017 г.) / под общ. ред. проф. А. Д. Петренко. — Симферополь : ООО «Антиква», 2018. — 272 с.

ISBN 978-5-6040169-3-0

В сборнике отражены направления работы и представлены статьи по докладам участников конференции «Конвергентные технологии XXI: вариативность, комбинаторика, коммуникация». Междисциплинарный подход к изложению материалов, представленных в сборнике, открывает перспективные направления исследований и научного диалога и полилога в различных научных сферах. Сборник, ориентированный на широкий круг исследователей в области естественно-научных и социогуманитарных наук, представляет интерес как для молодых учёных, студентов, магистрантов, аспирантов, так и для опытных исследователей.

Материалы сборника можно рекомендовать к использованию в качестве дополнительной литературы по различным направлениям подготовки в высших учебных заведениях.

УДК 81+82+130+338.48
ББК 81+71+26.89+65.43

ISBN 978-5-6040169-3-0

© Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского, 2018
© Коллектив авторов, 2018
© Оформление. ООО «Антиква», 2018

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие 9

РАЗДЕЛ 1. ТЕОРИЯ ЯЗЫКОЗНАНИЯ: КОНВЕРГЕНЦИЯ ПСИХО-, СОЦИО- И КОГНИТИВНЫХ ПРАКТИК

Кислицына Н. Н.

Конвергенция логического и лингвистического подходов
при изучении категории оценки 12

Князева Н. А.

Параметры систематизации сленга
в языке информационных технологий 17

Петренко Д. А., Соловьёва К. К.

Произносительные особенности немецкого языка
на территории Швейцарии 25

Норец Т. М., Дмитриева Е. Н.

Сокращение словосочетаний как один из методов аббревиации
(на примере французской прессы) 28

Норец Т. М., Каминская А. В.

Имя числительное в сленговых фразеологизмах английского языка ... 33

Сторожева В., Исаев Э. Ш.

Некоторые особенности социолингвистического аспекта анализа
языка рекламы 37

Рыжикова М. Д., Кузнецова Е. Ю.

Категория ценности в англоязычном политическом дискурсе 41

Ходаковская Л. А., Зеленцова М. Г.

К вопросу об особенностях перевода элементов комического
в художественном тексте 44

Брудик Л. В., Дорофеев Д. В.

Политическая лингвистика в историческом исследовании:
к изучению генезиса внешней политики США в XVIII веке 51

<i>Ткаченко Ю. С., Валеева Л. К., Чёрный Е. В.</i> Психосемантическое исследование мифологического пространства политического дискурса	54
<i>Чернобай С. Е.</i> Semantic Peculiarities of the American Idiomatic Slang	59
<i>Трунченкова Н. Н., Беловенцева М. В.</i> Отражение гетеростереотипов во фразеологизмах с компонентом-этнимом «Dutch»	62
<i>Эмирусейнова Э. Н.</i> Лексико-семантические особенности глагольных соматических фразеологизмов английского, русского и крымскотатарского языков	66
<i>Кушнарёва С. Е., Билокур Т. А.</i> Роль компьютерной лингвистики в современном языкознании	69
<i>Службина А. Г.</i> Виртуальный дискурс как предмет лингвистического изучения	73
<i>Буйневич М. И., Зильбершер А. Л., Службина А. Г.</i> Электронный текст. Общие и отличительные черты гипертекста и кибертекста	76
<i>Герман К. Д.</i> Британский повседневный дискурс первой половины XX века	81

**РАЗДЕЛ 2. МИРОВАЯ ЛИТЕРАТУРА,
КУЛЬТУРА, ИСТОРИЯ:
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИССЛЕДОВАНИЙ**

<i>Мазина Е. Н., Полховская Е. В.</i> О некоторых приёмах игры стилей: функционально-стилистический аспект	88
<i>Доминенко Н. В.</i> Религиозно-философская проблематика в эпистолярной прозе, её связь с романтической концепцией мира	92
<i>Экен О., Посохова Е. В.</i> Турецкая малая проза 1980–1990-х годов.....	99

<i>Ермоленко О. В., Халилова М. Ю.</i> Определение атрибуции художественных текстов на основе классификатора «Дерево решений» (на примере произведений Гора Видала и Джека Лондона)	102
<i>Ермоленко О. В., Маршалок М. М.</i> Особенности модуляции ритмики в поэтических текстах (на примерах оригинальных сонетов У. Шекспира и текстов перевода С. Я. Маршака)	107
<i>Петрова П. В., Полховская Е. В.</i> Специфика трактовки событий ипотечного кризиса 2007 года в творчестве Пола Остера	111
<i>Глухенькая Л. Н., Лукинова М. Ю.</i> Game of Codes in С. А. Duffy's Poetry	114
<i>Кучинская М. О., Мазина Е. Н.</i> Лексико-семантические и графические средства создания образности в феминистской поэзии Мэй Свенсон	117
<i>Аникеева Е. А.</i> Историко-культурный контекст немецкой «литературы поворота»	121
<i>Ломакина И. Н.</i> Квест как мифологема в романах Дона Делилло	124
<i>Радченко Т. А.</i> Основная проблематика отечественных литературных исследований творчества Мартина Эмиса	127
<i>Онищенко Ю. В.</i> Эволюция маскулинности в образах героев британского и американского кинодискурсов	131
<i>Унанян Р. Г.</i> Межъязыковая интерференция как проблема перевода в произведении Джека Лондона «Белый Клык»	136
<i>Денисенко О. А.</i> Психосемиотические аспекты патриотической музыки (постановка проблемы)	140

<i>Течнев И. И.</i> Феномен религиозного экстаза в культовых практиках суфийских орденов Северного Кавказа	143
<i>Житова Д. Е.</i> Вторая волна турецкого авангарда: культурно-исторический контекст	147
<i>Нечипас П. Ю.</i> Антитоталитарная направленность пьес Говарда Баркера	151
<i>Кондакова Ю. М., Дещенко М. Г.</i> Трансформация функциональности термина в зависимости от жанровой среды его использования	154

РАЗДЕЛ 3. ЧЕЛОВЕК И МИР: НАУЧНАЯ КОМБИНАТОРИКА, ВЫЗОВЫ ВРЕМЕНИ

<i>Телепова-Тексье М.</i> Мотивы наскальных рисунков в Центральных Кордильерах	160
<i>Максимова Е. М., Мостовой С. О., Наухацкий И. А., Черкасская К. В.</i> Рентгенодифрактометрическое исследование изменений кристаллической структуры костного гидроксиапатита под влиянием вредных факторов	165
<i>Чёрная С. Е., Калина Н. Ф., Валеева Л. К.</i> Developmental Paths of Marginal Personality	168
<i>Махин С. А.</i> Embodied Language of the Mirror Neurons	171
<i>Лисановская Ю. С., Козлова А. Т.</i> Quality of Atmospheric Air in Simferopol	175
<i>Дахабра К. В., Ильина В. Ю.</i> NBIC Technologies: the Socioeconomic Challenges of Human Performance Enhancement	179
<i>Сафонова Н. В., Фордук К. В.</i> О возможной методологической связи математики и лингвистики	182
<i>Орлова Т. И., Ермоленко О. В.</i> The Negative Effect Of Computer Technology on Teenagers and Students	187

<i>Киселёв Д. А., Ермоленко О. В.</i> Computer Addiction as an Actual Social and Pedagogical Issue	190
<i>Ибрагимов А. Э., Ильясова А. А., Рыбась А. Ф.</i> Моделирование модового состава излучения после двенадцатимодового волокна	193
<i>Карпенко А. В., Гольдберг Г. А.</i> Внеаудиторная работа с обучающимися как средство расширения межкультурной компоненты (из опыта работы)	196
<i>Семёнова Д. И., Скляренко А. В.</i> Виды речевой деятельности в аспекте лингводидактики (на примере изучения английского языка)	200
<i>Акопжян В. Ю., Хасанов И. Б., Шестакова Е. С.</i> It Project from Idea to Final Product	205
<i>Витковская Г. В., Кузьмина Т. Н.</i> A Voter Turnout Analysis in the Regions of the Crimea at the Elections to the State Council of the Republic of Crimea in 2014 and to the State Duma of the Russian Federation in 2016	209
<i>Витковская Г. В., Гончаренко Е. А.</i> Eurooptimism and Euroscepticism as Conceptual Approaches to Understanding European Integration Processes	214
<i>Витковская Г. В., Добренькая О. А.</i> The Social Divides in the Socio-political Life of the Municipalities in the Republic of Crimea	218
<i>Муравьёва Ю. В., Валеева Л. К.</i> The Content and Structure Specificity of the Internalized Object Relations in Antisocial Personality Disorder ...	223
<i>Костовски Г. Т., Абдурахманова А. З.</i> The Aspects of Construction in Seismic Zones	227
<i>Перфильева Л. Г., Скляренко А. В.</i> Modern Central Heating Systems	231
<i>Байрамов Ш. Р., Лукашова А. И., Скляренко А. В.</i> Bridge to the Future	235
<i>Гумиленко Т. В., Чернявская О. Г.</i> Russian Cheese Market	239

РАЗДЕЛ 4. ТУРИЗМ: КОНГЛОМЕРАТ ЭКОЛОГИИ, ГЕОГРАФИИ, КРАЕВЕДЕНИЯ

<i>Черезова М. В.</i> Экскурсия как педагогический процесс	244
<i>Байракова А. А.</i> Оптимизация рекреационной инфраструктуры на тропе Голицына Государственного природного ботанического заказника «Новый Свет»	252
<i>Гавриленко В. В., Гуров С. А.</i> Развитие гостиничного хозяйства Республики Крыма в условиях социально-экономических трансформаций	255
<i>Судьбина В. А., Трухин Д. С., Шестакова Е. С.</i> Анализ англоязычной версии туристических знаков навигации в Симферополе и Бахчисарае	259
<i>Бурмака А. С.</i> Анализ видов молодёжного туризма и их особенностей на территории Российской Федерации	264
<i>Влияев С. Л.</i> Проблемы и перспективы развития активных видов туризма в Республике Адыгея	268

ПРЕДИСЛОВИЕ

Сборник материалов II Международной научной конференции «Конвергентные технологии XXI: вариативность, комбинаторика, коммуникация» под общей редакцией доктора филологических наук, профессора А. Д. Петренко представляет собрание научных работ, выполненных в рамках складывающейся новой парадигмы представления знаний, а именно: конвергенции гуманитарных, социальных, естественно-научных, математических и технических наук.

Конференция, инициируемая Институтом иностранной филологии Таврической академии Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского, стала важным и уже традиционным событием в научной жизни университета, объединила представителей различных научных направлений и специальностей, выступила площадкой для обмена мнениями опытных учёных и тех, кто только начинает свой путь в научно-исследовательской деятельности.

В сборнике представлены результаты междисциплинарных исследований, проведённых отдельными авторами и авторскими коллективами практически всех структурных подразделений Крымского федерального университета: Таврической академии, Академии строительства и архитектуры, Академии биоресурсов и природопользования, Медицинской академии имени С. И. Георгиевского, Физико-технического института.

В статьях, содержащихся в сборнике, сформулированы базовые теоретические принципы конвергенции различных научных направлений и методик проведения совместных исследований в рамках NBIC-технологий, развиваемых успешно Курчатовским центром. Необходимо отметить, что при всём разнообразии научных подходов и тем, поливекторности научных интересов мы надеемся, что редакторскому коллективу удалось создать когерентную структуру сборника, в которой

последовательно и обоснованно отражены все представленные в рамках конференции работы.

Комбинаторика широкого спектра материалов современных отечественных и зарубежных исследований обуславливает включённость данной работы в мировую науку, а также её актуальность.

Сборник разделен на четыре раздела: 1) «Актуальные проблемы лингвистики: конвергенция психо-, социо- и когнитивных практик»; 2) «Мировая литература, культура, история»; 3) «Актуальные проблемы исследований, человек и мир: научная комбинаторика, вызовы времени»; 4) «Туризм: конгломерат экологии, географии, краеведения», названия которых отражают проблематику соответствующих работ, а также предполагаемые объекты конвергенции.

Интересны комплексные междисциплинарные приёмы, использованные для анализа эмпирического материала и обобщения полученных результатов. Практически за каждой статьёй стоит многолетний исследовательский интерес авторов, отражающий разнообразные научные интересы и приоритеты.

Следует отметить, что авторы статей привлекают для исследования актуальный материал, к которому применяют современную методологию, и реализуют различные методологические принципы анализа.

Знакомство со сборником материалов II Международной научной конференции «Конвергентные технологии XXI: вариативность, комбинаторика, коммуникация», несомненно, будет полезным как молодым учёным, студентам, магистрантам, аспирантам, так и опытным исследователям, а также позволяет взглянуть на многие устоявшиеся понятия и явления под новым углом зрения, открыть и теоретически обосновать перспективные направления исследования.

*Председатель организационного комитета:
Александр Демьянович Петренко,
доктор филологических наук, профессор,
директор Института иностранной филологии
Таврической академии (с. п.)
ФГАОУ ВО «КФУ имени В. И. Вернадского»*

Раздел 1
ТЕОРИЯ ЯЗЫКОЗНАНИЯ:
КОНВЕРГЕНЦИЯ ПСИХО-, СОЦИО-
И КОГНИТИВНЫХ ПРАКТИК

Н. Н. Кислицына,

кандидат филологических наук, доцент,

заведующая кафедрой иностранных языков № 1,

Институт иностранной филологии, Таврическая академия (с. п.),

Крымский федеральный университет

имени В. И. Вернадского, Симферополь

КОНВЕРГЕНЦИЯ ЛОГИЧЕСКОГО И ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ПОДХОДОВ ПРИ ИЗУЧЕНИИ КАТЕГОРИИ ОЦЕНКИ

Освещается эффективность комплексного подхода к изучению категории оценки, в частности, демонстрируется логическое и лингвистическое рассмотрение данного феномена. Анализируются сходные и противоречивые установки каждого из направлений относительно объекта рассмотрения. Конвергенция данных установок позволяет холистично представить изучаемое явление.

Ключевые слова: логический подход к языку, семантика, оценка.

CONVERGENCE OF LOGICAL AND LINGUISTIC APPROACHES TO THE STUDY OF CATEGORY OF EVALUATION

The efficiency of an integral approach to the study of category of evaluation is covered, in particular, logical and linguistic consideration of this phenomenon is shown. Similar and contradictory regulations of each field concerning the subject of consideration are analyzed. Convergence of these regulations allows to present the studied phenomenon holistically.

Keywords: logical approach to language, semantics, evaluation.

Осознание необходимости использования междисциплинарного подхода при изучении сложных явлений обусловлено невозможностью проведения дальнейших исследований в определённой сфере и получения валидных результатов, опираясь исключительно на сложившиеся ранее подходы и методы. Категория оценки — это одна из сложнейших синергетических систем, изучение которой требует конвергенции, т. е. слияния, взаимопроникновения естественных, точных и гуманитарных наук и оказание, таким образом, многомерного синхронного воздействия на объект исследования.

Ценностный подход к действительности свойственен каждому человеку и обществу в целом. Поэтому вопросы ценности и оценки

занимали умы учёных, принадлежащих к разным научным направлениям, с древних времен. Для изучения оценки как лингвистической категории важны достижения в исследовании данного явления логики, философии, психологии и ряда других наук. Целью данной работы является конвергированное рассмотрение категории оценки в аспекте взаимоотношения логики и лингвистики.

Концепции логического подхода к языку менялись на протяжении многих веков вплоть до высказывания противоположных суждений (например, принцип «доверия к языку», свойственный древнегреческим мыслителям V–I вв. до н. э., и принцип «недоверия к языку», характерный для Л. Витгенштейна, Б. Рассела на рубеже XIX–XX вв.; поворот от изучения предложения-суждения как центральной единицы логического анализа языка к элементарным единицам языка — морфеме, семе).

Изучение литературы, освещающей взаимодействие логики и лингвистики (А. А. Ивин, Дж. Мур, Г. П. Грайс, Р. М. Хэар, П. Х. Ноуэл-Смит), позволило сформулировать ряд положений, важных для изучения оценки: существование универсальных свойств языка, присущих всем или большинству естественных языков; поиск связи между универсальными категориями логики и грамматическими категориями языка; выработка единых принципов анализа языка.

Представляется, что при решении задач лингвистического исследования полезным оказывается сочетание разных методов и подходов, дополняющих друг друга, позволяющих уточнять полученные результаты. Автоматический перенос терминов, категорий и исследовательских процедур, выработанных одной наукой, на материал другой является не совсем корректным. Проблема содержательного несоответствия терминов, применяемых как в логике, так и в лингвистике, была затронута П. Х. Ноуэлом-Смитом. Автор предлагал заменить логический аппарат, приспособленный для рассуждений в области логики, на «новый логический аппарат, который может оказаться более удачным» [8, с. 155].

Слишком залогизированные описания конкретного языкового материала не допускают выделение таких аспектов речи, как оценочный или эмоциональный. Так, в частности, логическая терминология не позволила в своё время Дж. Муру описать должным образом существенное различие между *good* и другими качественными прилагательными. Критикуя стремление некоторых учёных определить понятие «хорошести» (*goodness*) через совокупность естественных свойств, присущих определяемому слову (такую точку зрения исследователь назвал «натуралистической ошибкой»), Мур определил «хорошесть» как внеестественное свойство [7, с. 67].

Критический анализ данного «внеестественного свойства» подводит нас к рассмотрению аксиологических предикатов с точки зрения их прагматического содержания. «В целостной структуре субъективного значения во всевозможной комбинации могут быть представлены чувственные образы, отвлечённые понятия, имплицативный потенциал и оценочно-прагматическая значимость» [2, с. 131]. Иллокутивная направленность оценки заключается не в описании свойств, но в предписании, выражении отношения, эмоций, рекомендаций, убеждений, согласия, похвал и т. д.

Разграничение «естественных» и «неестественных» свойств, выражаемых качественными прилагательными, проявляется, например, в последовательности прилагательных-определений перед определяемым словом: «Хороший (1), овальный (2), желтый (3), пластмассовый (4) стол».

Порядок определений в этом предложении нельзя назвать свободным. Ближе к определяемому слову находятся прилагательные, которые являются более существенными для объекта — они обозначают «естественные» свойства. Их изменение влияет на само «существо» объекта. Чем далее от определяемого слова находятся определения, тем более они факультативны. Оценочные прилагательные занимают в этой цепочке, как видно, последнее место (начало отсчёта ведётся от определяемого объекта). Аналогичные наблюдения, но связанные с понятием «ранга прилагательных», отмечены у Р. Ziff [13, с. 203].

Высокая степень абстрактности общеоценочной лексики с точки зрения формальной логики, по словам Г. П. Грайса, характеризуется «наличием неясности понятий», что «неприятно с точки зрения логики». Анализируя взаимоотношения логики и речи, автор отмечает, что выражения естественного языка, которые «не могут быть строго определены... представляют собой не более чем нежелательные наросты» [5, с. 217–219]. Оценочные высказывания часто отличаются именно неоднозначностью и отсутствием точности, что в текстах и речи может компенсироваться дополнительными пояснениями и комментариями:

«*My husband is so good — I don't think I could watch him making out with some gorgeous woman*» (Cosm. N 3, p. 232). — «*Мой муж такой хороший — я представить себе не могу, что он встречается с какой-нибудь роскошной женщиной*» (перевод наш. — Н. К.).

Отсутствие в данном примере дополнительных комментариев могло бы повлечь за собой вопрос: чем же он хорош? «Хороший муж» — это и умелый хозяин, и верный друг, и заботливый отец.

Возможно поэтому Т. Гоббс «настаивал на исключении из логического рассуждения лексикона, связанного с субъективной оценкой» [Цит. по: 1, 139].

По сути дела, называя предмет хорошим, мы не говорим о нём ничего конкретного, а лишь подготавливаем слушателя или читателя к правильному, с нашей точки зрения, восприятию сообщения. Так, Р. М. Хэар пишет: «Иногда мы используем их (слова. — *Н. К.*) не для передачи информации, а для того, чтобы научить слушающего использовать слова «хороший» или «красный» в целях последующей передачи или получения информации» [9, с. 185]. Р. М. Хэар считал, что «логик не в состоянии учесть все тонкости использования языка, он может указать только на основные тонкости. Полное понимание логики оценочных терминов может быть достигнуто лишь при постоянном и точном *анализе языковых употреблений* (курсив наш. — *Н. К.*) соответствующих слов и выражений» [9, с. 194].

Сложные взаимоотношения логического и лингвистического подхода к изучению семантики оценки проявляются в выборе разных точек зрения на это явление: предпочтение логикой изучения оценочной семантики *суждений* (*de dicto*) оценочной семантике *определений* (*de re*) [4, с. 13–15]; восприятие логикой «хорошо» и «плохо» как симметричной взаимопредполагающей друг друга пары (в лингвистических исследованиях обычно придерживаются иного мнения [4, с. 19; 11, с. 33; 12, с. 357]).

Хорошо известна важность «истинности» для логики и относительность этого понятия для такого субъективного явления, каким является оценка. Вопрос об «истинности» оценочных высказываний является дискуссионным, но в нашей работе мы придерживаемся точки зрения Е. М. Вольф: «...оценочные высказывания могут быть истинными или ложными в зависимости от их отношения к «возможным мирам» субъекта оценки» [4, с. 36]. По мнению автора, «такой подход представляется наиболее адекватным для лингвистического анализа, так как он привлекает внимание к ряду собственно языковых особенностей оценочных структур» [Там же, с. 36]. Сравнивая логические структуры и их модификации с лингвистическими, Е. М. Вольф считает, что «лингвистические структуры сложнее логических и могут представлять собой различные их варианты и комбинации» [3, с. 120].

Значительным вкладом логики в изучение оценки как лингвистической категории является выделение составных компонентов оценочного суждения: субъект, объект/предмет, характер оценки, основание оценки [6, с. 21–34]. К основным позитивным моментам логического рассмотрения языковедческих проблем также относится тенденция *к упорядочению и системности используемых понятий*.

Представление семантических отношений в лексике как системного образования на первый взгляд кажется невозможным по причине необозримости словарного состава языка. Однако создание моделей

семантических отношений в лексике, упорядочение языкового материала определённым образом всегда открывало широкие перспективы и возможности для лингвистов. Одним из древнейших способов систематизации лексики, а вместе с тем и человеческих представлений о мире, является составление словарей и, в частности, идеографических словарей, которые в теоретическом отношении могут быть приняты как одна из возможных моделей семантической системы лексики.

Список источников

1. *Арутюнова Н. Д.* Оценка в механизмах жизни и языка // Язык и мир человека. М. : Языки рус. культуры, 1998. 896 с.
2. *Бубнова И. А.* Неопсихолингвистика, или психолингвистика личности: новое направление психолингвистических исследований // (Нео)психолингвистика и (психо)лингвокультурология: новые науки о человеке говорящем. М. : ГНОЗИС, 2017. С. 97–179.
3. *Вольф Е. М.* Прилагательное в тексте: («Система языка» и «картина мира») // Лингвистика и поэтика. М. : Наука, 1979. С. 118–135.
4. *Вольф Е. М.* Функциональная семантика оценки. М. : Наука, 1985. 288 с.
5. *Грайс Г. П.* Логика и речевое общение // Новое в зарубежной лингвистике. М. : Прогресс, 1985. Вып. 16 : Лингвистическая прагматика. С. 217–237.
6. *Ивин А. А.* Основания логики оценок. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1970. 230 с.
7. *Мур Дж.* Принципы этики. М. : Мысль, 1984. 336 с.
8. *Ноуэл-Смит П. Х.* Логика прилагательных // Новое в зарубежной лингвистике. М. : Прогресс, 1985. Вып. 16 : Лингвистическая прагматика. С. 155–182.
9. *Хэар Р. М.* Дескрипция и оценка // Новое в зарубежной лингвистике. М. : Прогресс, 1985. Вып. 16 : Лингвистическая прагматика. С. 183–195.
10. *Cosmopolitan*. 2000. Vol. 229, No 3. 364 p.
11. *Geach P. T.* Good and Evil // *Analysis*. 1956. N 1. P. 33 ; *Geach P. T.* Good and Evil // *Analysis*. 1956. N 1. P. 33.
12. *Searle J.* *Speech Acts: An Essay in the Philosophy of Language*. Cambridge (Mass.) : Univ. Press, 1969. 203 p.
13. *Ziff P.* *Semantic Analysis*. Ithaca, NY : Cornell Univ. Press, 1960. P. 203.

*Н. А. Князева,
кандидат филологических наук,
доцент кафедры английской филологии,
Институт иностранной филологии,
Таврическая академия (с. п.),
Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского, Симферополь*

ПАРАМЕТРЫ СИСТЕМАТИЗАЦИИ СЛЕНГА В ЯЗЫКЕ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

В статье ставится проблема возможности выделения компьютерного сленга в отдельную область словаря компьютерного подъязыка с учётом факторов его системной организации при наличии тематических связей различных лексем, а также ассоциативно-парадигматических и синтагматических отношений лексико-фразеологической коллокации, словообразовательных моделей и, наконец, экспрессивной оценочности. Внимание исследователя сосредоточено на анализе источников формирования современного сленга, демонстрирующего тенденцию к интеграции языковых единиц из различных пластов лексики на основе переосмысления, упрощения и профессиональной стандартизации языковых средств; таким образом подтверждается тезис о наличии функционально-стилистической дифференциации компьютерного сленга.

Ключевые слова: информационные технологии, термин, сленг, лексема, нестандартность, вариативность, компьютерный подъязык, профессиональная специфика, социум.

PRINCIPLES OF SYSTEMATIC ORGANIZATION OF SLANG IN 'IT' LANGUAGE

Following theoretical foundations on the problem of slang, this piece of research gives an insight into the layer of computer slang, intended to communicate effectively specific IT information. Close analysis of collected word items brought the author to the conclusions regarding lexicosemantic features, which make them as a self-contained subsystem of the computer metalanguage. The main evidence presented in the article suggests that this kind of English vocabulary can be arranged in the following way: systematic organization of the vocabulary with the focus on associative/paradigmatic relations realized as derivatives, synonymic/antonymic series, pairs of general vs particular sets of related items around IT topical areas, as well as syntagmatic relations reproduced in recurrent patterns of lexical-phraseological collocation and syntactic colligation. The IT vocabulary under consideration, being professionally induced, is affected by

peculiarities of the particular register on account of certain conditions of communication.

Keywords: information technology, computer metalanguage, term, slang, lexeme, irregularity, functional variability, professional specification, social group.

На данном этапе общественного развития вошедшие в повседневное употребление компьютерные технологии требуют развития нового пласта компьютерного лексикона, где особое место отводится сленгу, словам и фразам, противопоставленным стандартному языку по принадлежности к определённому социуму и отличающимся экспрессивной стилистической маркированностью: *crumb, bullfighter, geek speak, sneakernet, packet monkey, prophead, open-source, Ubuntu, banner, apps, Apple store, Google Play, case, motherboard, fan, expansion cards, power supply, heat sink, alias* [8]. Быстро меняющаяся языковая картина данного явления требует пристального внимания к современным истокам формирования единиц компьютерного сленга и прослеживания изменений в его словарном составе. Автор статьи не ставит перед собой задачу дать их лексикографический перечень; научный интерес вызывает выявление функционально-смыслового потенциала определённых классов словесных единиц компьютерного лексикона с учётом путей формирования специфической терминологии. Предпринимается попытка разобраться в её систематизации, дабы не запутаться как пользователю в огромном количестве информации, представленной во всемирной паутине через компьютерный сленг. Главная цель проводимого исследования усматривается в определении объёма понятия и содержания компьютерного сленга, чтобы показать его нестандартность, стилистическую значимость, словообразовательный потенциал и семантические законы функционирования на иллюстративном материале, отобранном из электронных ресурсов [8, 9, 10]. Собранный словарь компьютерного сленга не в состоянии зафиксировать всё многообразие его речевого объёма, но даёт возможность выявить ряд характерных признаков, позволяющих отнести сленг к особой стилевой группе компьютерного подязыка, что и является предметом проводимого исследования.

В лингвистической литературе установилась прочная традиция определять в природе сленга признак специфики нестандартной лексики, точнее — степени её выразительности с точки зрения упрощения устной речи, очень часто ассоциируемой с её вульгаризацией [6]. Очевидным является то, что сленговые новообразования могут быть стилистически нейтральными и стилистически сниженными: стилистическая сниженность провоцирует переход на нецензурную лексику.

Может быть, поэтому стереотип «нецензурной разговорной речи» определяет сленг как язык простонародья [4]. Именно на этих понятиях основывается взаимосвязь между культурой речи и сленговой лексикой: стилистически нейтральные сленговые новообразования не засоряют речь, а стилистически сниженные считаются явлением негативным. Сленг рассматривается как лексико-семантическая подсистема, объединяющая слова и сочетания, которые по своей семантике и экспрессивно-стилистической оценочности характеризуются ограниченностью сферы их употребления, что позволяет выявить их жаргонную, профессиональную и, наконец, терминологическую специфику [1]. На общем фоне нейтральной лексики они выделяются своей особенностью, находящейся вне норм литературного языка и обслуживающей определённый социум, в частности, в качестве профессиональных наименований. При этом нельзя не отметить возможность их проникновения в литературный язык, несмотря на нестандартность (оставляем за пределами фактор непристойности или грубой фамильярности). Важной представляется ещё одна отличительная черта — вторичное образование в сравнении с жаргоном, что определяет его своеобразную форму выражения, построенную на многочисленных случаях переноса значений.

Для данного исследования сленг интересен тем, что он входит в словесный багаж IT-специалистов, отождествляющих себя с компьютерными технологиями, прогрессивные изменения которых пополняют и расширяют границы используемой лексики, когда каждое новое явление в этой области должно получить своё словесное обозначение, своё название: *Jelly Bean (Android operating system)*, *Ice Cream Sandwich (Android Operating system)*, *LED (light-emitting diode)*, *UEFI (Unified Extensible firmware interface)*, *Black Tuesday (Patch Tuesday)*, *Cygwin (collection of tools)*, *Darwin (core of OSX)*, *Raspberry pi (mobile PC)*. Выделению компьютерных сленгов в отдельную область словаря способствовало то обстоятельство, что его элементы обладают признаками и характеристиками, отличительными от языковой нормы, что проявляется в смысловых изменениях, словообразовательных процессах, нестандартном использовании слов, а также появлении необычной оценочности. Обратимся к примерам: *zombie (bot)*, *bounce email (email returned to the sender)*, *betch (friend)*, *chizz (cool)*, *crash (stupid)*, *duppy (crazy)*, *fenfen (stupid)*, *script kiddie*. Сосредоточенность сленговых выражений на реальности мира компьютеров отделяет пользователей от действительности, делая их язык зачастую непонятным для окружающих: *BURN-Proof (Buffer Under Run Error Proof)*, *hyper (keyed up/overwrought)*, *bacn (an email which can't be read instantly)*, *shelfware (a software which is bought)*, *snail mail (post service)*, *mouse miles (user*

time at a computer), *kernel panic* (*fatal error of OS*), *Greasemonkey* (*web plug-in*), *mickey* (*unit for mouse movement*). Вместе с тем очевидным является то, что пользование компьютером становится обиходным явлением, в силу чего допускается узуализация значений лексики в общепотребительной речи, а компьютерный жаргон следует рассматривать как основной источник пополнения компьютерного лексикона, показывающий взаимопроникновение различных лексических единиц. В английском языке, таким образом, наблюдается процесс взаимообмена лексикой между различными профессиональными и групповыми жаргонами, а также общим сленгом, подтверждающий тенденцию к интеграции языковых единиц из различных пластов лексики на базе общелитературного стандарта [2]. Компьютерный жаргон воспринял многие элементы из других нелитературных социолектов и сам является источником новых слов для других языковых систем, демонстрируя расширение значения на семантическом уровне. Например: *down* — «неработающий», *crash* — «отключиться» (о любых механизмах и приборах); сленговое слово *nerd* из компьютерной сферы вошло в общее употребление, и теперь его используют не только компьютерщики, но и обыватели, говоря о скучном и неинтересном человеке; широко известный компьютерный термин *user* используется как абсолютно любой пользователь компьютера, новичок или профессионал. Таким образом, наблюдается миграция лексики из сленгового слоя в слой лексики общелитературного стандарта, употребляющейся в ситуациях неформального общения,

Сложность создания оптимального определения компьютерного сленга продиктована также лексико-стилистической вариативностью словесных единиц, употребляемых как в узком специальном значении: *geek speak*, *sneakernet*, *cruft*, *applet*, *Ping* (*message*), *mind-rain* (*explosion of creativity*), так и в широком переносном смысле, порой не имеющих отношение к компьютерам: *Can't Open*, *Invalid Request*, *System halted*, *workbench*, *fan*, *heat sink*, *bullfighter*, *Grease monkey*, *host*. Кроме того, нельзя не заметить переход 'притёртых' слов в ряд профессионализмов: *front-end* (*back-end*) *development*, *hackathon*, *outsourcing*, *mainframe*, *burn*, *log*. В целом компьютерному сленгу присуща тенденция к упрощению, минимизации и стандартизации языковых средств, а также эмотивной оценочности, что позволяет судить о наличии четырёх основных функций сленга: **оценочной** (выражающей отношение говорящего к предметам и явлениям действительности): *geek*, *prophead*, *cracker*, *celebrity*; **манипулятивной** (как волеизъявление, адресованное пользователю, и употребляющееся с целью оказать на него влияние, побудить к каким-либо действиям): *LOL*, *noob*, *nerd*, *dude*, *scanbox*, *crumbly* (*elderly person*); **творческой**

(которая проявляется в тех случаях, когда возникает потребность выразить то, чему нет подходящего эквивалента): *bang on (perfect)*, *barf (disgusting)*, *133t (elite)*, *chrome (fine)*, *LMFAO*; и коммуникативной (в качестве языка внутригруппового общения): *copy-pasta*, *craplet*, *crash*, *cruft*, *dehose*, *dinky*.

Попытка систематизировать накопленный иллюстративный материал позволила провести его распределение по параметрам, излагаемым ниже.

1. Выстраивание лексико-тематических парадигм словесных единиц, объединённых семантическим сходством и принадлежностью к одной и той же тематической сфере. Парадигмы слов организуются на основе интегрально-дифференциальных семных взаимодействий, являющихся основанием системных связей слов: а) компьютерные специалисты и оценка их деятельности по уровню компетентности: *doco*, *netter*, *tourist*; *flamer*, *pain in the net*, *script kiddie*, *read-only user*, *weasel*, *twink*; *guru*, *wizard*, *UNIX weenie*, *muddle*, *Quake*; *chomper*, *loser*; б) действия пользователя и компьютера, удача/неудача в работе с компьютером: *beam*, *grovel*, *crack*, *geek*, *braino*, *mouso*, *chrome*; в) детали компьютера и периферийных устройств (качество аппаратного обеспечения): *steam powered*, *iron*, *toaster*, *tree-killer*, *heat sink*, *fan*, *expansion card*, *I/O*, *case*, *RAM*, *CPU*, *bridge*; г) названия программных продуктов, команд, файлов, игр с эмоционально-оценочной коннотацией: *tarball*, *three-finger salute*, *fps (First person shooter)*, *shooter*, *simulator*, *online-fps*, *sandbox*, *EA (Electronic Games)*, *DICE*, *Activision*, *Bandai*, *Sony*, *Square Enix*, *Ubisoft*, *Blizzard*, *Bethesda*, *CDПРОЕКТ*; д) наименования во всемирной сети Интернет: *cobweb site*, *whack-a-mole windows*, *spam*, *gun*, *Internet Relay Chat*, *firewall*; е) компьютерные преступления: (взломщики чужих систем) *dark-side hacker*, *samurai*, *guru*, *techie*, *emgineer*; (программы для взлома) *sniffers*, *exploits*, *attacks*, *icebreakers*; (получение несанкционированного доступа и порчи) *social engineering*, *team attack*, *crashing a kernel*, *smashing a stack*, *getting root*, *DOS*, *DeDOS*, *XSS (Cross-Site scripting)*; (компьютерные вирусы) *Trojan Horse*, *worm*, *Hoax*, *Virus-companion*, *Dropper*, *Script virus*.

2. Системная организация лексики с учётом ассоциативно-парадигматических отношений, а также словообразовательных моделей:

а) синонимические/антонимические ряды по соотнесённости с общими и конкретными смыслами, основанными на интегральной семе, в процессе исследования выделенные как лексико-семантические группы с интегральными семами *computer*, *programming*, *network*, *electronics*, *internet*. В качестве примера приведём синонимический ряд из слов *toaster-box*, *bitty box*, *home-box*, *case*, *tower*, *chassis*, *base unit*, которые сообщают о качественном отличии называемого ком-

пьютера и состоят в отношении частичной синонимии к терминам *computer*, *PC*; ряды качественных прилагательных, расположенных по убыванию или возрастанию какого-либо признака положительной/отрицательной оценки: *broken* — *flaky* — *dodgy* — *fragile* — *brittle* — *solid* — *robust* — *bullet proof* — *armour* — *plated*; названия через синонимию с выраженной образностью: *confuser*, *fuzzbal*, *beige toaster*.

б) лексемы, образованные по словообразовательным моделям на основе: аффиксации, с использованием сленговых суффиксов: *-o*, *-ie*, *-y*, *-er*: *thinko*, *braino*, *typo*, *mouso*, *weenie*, *kiddie*, *scanno*; словосложение из двух основ на основе ассоциации, аналогии, сходства: *bloatware*, *careware*, *charityware*, *crapware*, *cripplewirc*, *cibandonware*; сокращение (усечение конца слова, начала или середины): *cruffy-cruft*; *hacker-hack*; *mete-met*; стяжение (контаминация), когда оба слова из литературного стандарта или технические термины: *cmdlet (script)*, *fizt (physics tool)*, *gzip (GNU zip)*. Следует отметить, что одновременно со словообразовательным значением новообразованные слова приобретают дополнительную окраску, основанную чаще всего на метафорическом или метонимическом переносе. У некоторых производных наблюдается расширение их семантики и образование новых лексико-семантических вариантов: *hacker-hackerazzi*, *Trojan-RAT*, *malware-ransomware* [4].

3. Системная организация лексики на основе синтагматических отношений лексико-фразеологической коллокации, где преобладающее положение занимают фразеологические сочетания со связанностью по определённой шкале сочетаемости: *page out*, *hack on*, *batch up*; фразеологические единства с синтаксической целостностью и мотивированностью значения, часто с эмоционально-экспрессивной коннотацией: *stand-up (moral)*, *No clock for this (haven't got time for this)*, *Plug-and-Play (an adept)*, *GOOD job («Get-Out-Of-Debt» job)*.

4. Экспрессивно-вариативная лексика, воплощённая в метафорах и идиомах как результат словесной игры, отражающий стремление придать яркость и новизну привычным названиям: *toaster*, *tree-killer*, *eye candy*, *feature creep*, *leet*, *GOTY (Game of the year)*, *Mezz (mesmerize)*, *Easter Egg (hidden items)*. Подобная образность воспринимается без технической нагрузки, но у слов при этом возникают дополнительные оттенки, характерные для компьютерного контекста, что отражает новую ассоциативную соотносённость с ситуацией метафорического переноса. В этом случае происходит замена дифференциальных сем исходного общелитературного значения на семы нового значения при наличии одной общей семы, служащей основанием для переноса. Так, в компьютерной терминологии произошла терминологизация через метафору, например, такого широко

употребительного слова как *to click*, что означает нажимать на клавиши мыши. Базой для метафорического переноса послужила аналогия между характерным звуком при нажатии мыши, который похож на щёлканье. Очевидным является присутствие процесса релаксализации, что ведёт к игре с языком.

Опираясь на выполненный компонентный, когнитивный, трансформационный анализ словесных единиц, удалось проследить некоторые источники пополнения лексики компьютерного сленга, среди которых выделяются следующие: использование сленга другой профессиональной группы, в результате чего значение слова приобретает специфический компьютерный смысл: *streamer, microassembler programmer, Camping (1st person shooter), RROD (Red Ring of Death), Teabag (FPS player), lag*; процесс переосмысления в результате иронически экспрессивной переоценки приобретает фамильярно-разговорную окраску: *Big Room craplet, dogfoot, beermat, bot, zombie (bot), noob/newb*, а также с дополнительными значениями, имеющими нейтральные омонимы в составе литературного языка: *coaster (CD unsuccessfully burned), toaster (case), copy-pasta (repeatedly posted*; использование стандартной лексики в особом значении: *wine (software), wolf (biometric verification), safari (web browser), Siri (voice-recognition service)*; наличие слов с тождественными или предельно близкими значениями: *PC, home-box, bitty box; defriend, unfriend*; размытость значения, обозначающая только характер действия или явления: *FTW (for the win), FMV (full motion video), K (ok)*; возникающие ассоциации или метафоры (по форме предмета, устройства, работы, действия); акронимы как сложно-сокращённые слова: *AFAIK — as far as I know, BTV — by the way, FYI — for your information, TTUI — talk to you later*; акронимия, когда слово заменяется тождественно звучащим названием буквы или цифры: *CU — see you, L8R — later, 2U — to you*; сокращение длинных профессионализмов, универбизация (сведение словосочетания к одному слову): *Corel Draw, Aldus PageMaker, AutoCAD*; использование аббревиатуры (если полные названия состоят из нескольких слов): *EQ (Everquest), FF (Final Fantasy), WoW (World of Warcraft), WoT (World of Tanks)*; фонетическая мимикрия, основанная на совпадении семантики несхожих слов и совпадении части слов и компьютерных терминов: *ware — software — malware — crapware — ransomware*.

При детальном рассмотрении накопленного иллюстративного материала отмечается вариативность проявления общих для сленга признаков, отражающих расширение/сужение объёма их значений, равно как и обрастания значения оттенками. Изменения в лексико-семантическом содержании способствует функционально-стилистической дифференциации как различию, определяемому внешними факторами,

обусловленными стремлением к оригинальности, экспрессивности, а также экономии времени и усилий для коммуникации, спонтанности, ситуативности.

С авторской точки зрения, оправданным является выделение компьютерного сленга как подсистемы компьютерной жаргонной системы с мотивированным или условно закреплённым значением, зафиксированным в одном синхронном срезе для функционирования в определённой сфере общения с наличием стилистически маркированной коннотации, что выводит лексикон за пределы профессиональной тематики. Суть единицы языка в номинативной функции обозначения специального понятия расширяется за счёт образности, что допускает совпадение денотата, но отличается наличием дополнительных коннотативных сем экспрессии и оценки, придающих оттенок яркости, новизны, порой шутовности. Рамки данной статьи не позволяют остановиться на проблеме вариативности компьютерного сленга, связанной с рядом специфических факторов, таких как графическое обозначение эмоций, стимуляция речевой фонологии, синтаксическая пунктуация, нестандартное правописание, воссоздание голоса, жеста, тона и т. д. Именно в этой проблематике авторы усматривают дальнейшую перспективу проводимого исследования.

Все названные особенности явления, установленные в процессе анализа и классификации, позволяют сделать главный вывод о способности единиц сленга вступать между собой в отношении семантической оппозиции и формировать лексико-семантические поля, отражающие их смысловую, стилистическую, функциональную вариативность. Проведённый анализ показал, что формирование компьютерного сленга во многом повторяет присущие языку этапы развития и в дальнейшем возможно его развитие в полноправный языковой стиль.

Список источников

1. *Беликова. И. А.* Особенности образования терминов-неологизмов в подязыке компьютерной техники : автореф. ... дис. канд. филол. наук. Омск, 2004. 37 с.

2. *Виноградова Н. В.* Компьютерный сленг и литературный язык: проблемы конкуренции // Исследования по славянским языкам. СПб., 2001. С. 203–216.

3. *Кармызова О. А.* Компьютерная лексика : автореф. ... дис. канд. филол. наук. Винница, 2003. 34 с.

4. *Хомяков В. А.* Введение в изучение сленга — основного компонента английского просторечия. М. : Либроком, 2009. 108 с.

5. *Хомяков В. А.* Нестандартная лексика в структуре английского языка ка национального периода. СПб. : Проспект, 2001. 95 с.

6. The American Thesaurus of Slang / A complete reference book of colloquial speech / ed. By Lester V. Berry and Melvin Van Den Bark. NY, 1982. 67 p.

7. Career Paths: Information Technology / Express Publishers: V. Evans, J. Dooley S. Wright. United Kingdom, 2011. 45 p.

8. The Online Slang Dictionary: (American, English, and Urban Slang) [Электронный ресурс]. URL: <http://onlineslangdictionary.com> (дата обращения: 06.11.2017).

9. Urban Dictionary [Электронный ресурс]. URL: <http://www.urbandictionary.com> (дата обращения: 06.11.2017).

10. WhatIs.com [Электронный ресурс] // WhatIs.target.com–2014. URL: <http://whatis.techtarget.com> (дата обращения: 06.11.2017).

УДК 811.112.2

Д. А. Петренко,

кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой немецкой филологии, Институт иностранной филологии, Таврическая академия (с. п.), Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь

К. К. Соловьёва,

обучающаяся кафедры немецкой филологии, Институт иностранной филологии, Таврическая академия (с. п.), Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь

ПРОИЗНОСИТЕЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА НА ТЕРРИТОРИИ ШВЕЙЦАРИИ

В работе был рассмотрен вопрос о территориальной дифференциации немецкого языка и о его полицентрическом функционировании, а также произносительных особенностях на территории современной Швейцарии. Практическим материалом для исследования послужила программа прогноза погоды по телеканалу Sat. 1, где и были выявлены и проанализированы произносительные отклонения от Hochdeutsch.

Ключевые слова: швейцарский немецкий, литературный немецкий язык, фонетика, социофонетика, Швейцария, диалект.

CHARACTERISTICS OF SWISS GERMAN DIALECTS

The article discusses the issue of a territorial differentiation of the German language and its pluricentric functioning, as well as pronunciation peculiarities on the territory of Switzerland. The practical material for the

study was the weather forecast on Sat. 1, where the pronounced deviations from Hochdeutsch were identified and analyzed.

Keywords: Swiss German, Hochdeutsch, Phonetics, Sociophonetics, Switzerland, Dialect.

Вопрос о территориальном распространении немецкого языка был и до сих пор остаётся актуальным, так как немецкий, как и любой другой современный язык, имеет тенденции к развитию и ареальному распространению по причине всеобщей глобализации. Так, на сегодняшний день, немецкий язык относят к полицентрическим языкам [3].

В. М. Бухаров в своих работах указывает, что в современной лингвистике принято традиционно выделять несколько типов вариаций. Первым типом является диатопический, вторым — диастратный и, наконец, третьим, последним типом — диафазный, или стилистический [1]. Диатопические вариации языка, по мнению современных отечественных и зарубежных лингвистов, формируются в процессе развития и становления народностей и национальностей, а также социальных объединений, то есть национальных государств [1]. А. И. Домашнев полагает, что в случае формирования в языковом ареале нескольких государств возникает языковая ситуация, то в дальнейшем её будут определять как полицентрический язык [2]. Основными признаками такого языка является то, что он будет представлен в двух и более суверенных государствах, официально признан в определённых странах как государственный либо второй государственный язык, а также как язык национального меньшинства [5]. Немецкий язык считается официальным языком в следующих шести государствах: Германия, Австрия, Лихтенштейн, Швейцария, Люксембург и Бельгия. Хотелось бы также отметить, что, например, в Австрии и Швейцарии были сформированы собственные варианты немецкого языка, где будут замечены явные отличия в фонетическом и грамматическом строях от немецкого кодифицированного языка Hochdeutsch [4]. Современная Швейцария является действительно страной многообразия. Государство является по своей форме устройства федерацией, в состав которой входит 20 кантонов и 6 полукантонов. Из этих 26 кантонов 19 являются немецкоязычными, 6 — франкоязычными и 1 — италоязычным. Так, на территории государства официальными языками являются немецкий, французский и итальянский. В своё время основоположник швейцарской диалектологии Франц Йозеф Штальдер обращал внимание на языковое многообразие государства и писал, что в Швейцарии каждый дом, каждая семья имеют свои особенности в языке [6]. По состоянию на 2002 год немецкий является

самым употребляемым языком из трёх официальных. На нём говорит 63,7%, когда на французском — 19%, на итальянском — всего 6,5% и около 9% на других языках. В ходе проведенного исследования было выявлено, что, например, речь телеведущих на каналах ARD, Sat. 1, ProSieben (Германия) и ProSieben, Sat. 1 (Швейцария) имеют характерные отличия. Это можно объяснить тем, что всё-таки национальные варианты языка вырабатывают свои определённые нормы, которые в дальнейшем будут восприниматься носителем как единственный и правильный языковой вариант нормы. В качестве примера хотелось бы привести небольшой отрывок из речи ведущей прогноза погоды Л. Гролимунд (Leila Grolimund) (SD) на телеканале Sat. 1 в сравнении с Hochdeutsch (HD) [7].

SD: [gʷy etsi: mi:tənant unt həʊtsliç vilkəmə tsu: i:vəm fʷi itsvətə]

HD: [gu:tən a:bənt mit anandə unt həʊtsliç vilkəmən tsu: i:vəm fʷaitsvətə];

SD: [di: hy:ti:gi: naxt di: fʷastət fʷɛnəkla:ə fʷoetə tsi:nt dən fom nɔʊstvɛtə he:ə es pa:ə dʷni: vʊlçə:fɛldə anə]

HD: [di: hɔytigə naxt di: fʷastət fʷɛnənklɑ:ə fʷo:ɛtə tsi:ən dan fom nɔʊtvɛstən he:ə aɪn pa:ə dʷnə vɔlkənfeldə hɛʷan];

SD: [ɛs blipt a:bə y:bə al tʰɔkə ɪn es pa:ə tɛ:lə kɔ:ntis əlɛdɪŋs əʊtliç tsu: nɛ:bəl kɔ:]

HD: [ɛs bliɪpt a:bə y:bə al tʰɔkən ɪn aɪn pa:ə tɛ:lə kɔɛntə es əlɛdɪŋs əʊtliç tsu: nɛ:bəl kɔmən];

SD: [tʷy ʷfʷtʷɛ:ət liçət bi: vʊnt fi:ɛtsɛ: bis tse: gʷɑ:t]

HD: [ti:fstʷɛ:ətə li:gən baɪ vʊnt fʷɪtse:n tse:n gʷɑ:t];

SD: [ɪn gʷɑʊbʷndə kɔmɛt mɛ de: nʊlgʷɑ:tɡʷɛntse fʷo: gɑ fœɛliç nœt œç bi: tsʷai gʷɑ:t vʷɪts fʷo: ʷiçtiç tsɑfʷiç]

HD: [ɪn gʷɑʊbʷndən kɔmən vi:ə de:ə nʊlgʷɑ:tɡʷɛntse fʷo:n gœfɛ:ɛliç na: baɪ tsʷai gʷɑ:t vʷɪts fʷo:n ʷiçtiç aɪskalt];

SD: [dɛ zʊntiç de: fʷastət dən fʷɛle:vi ɪs mit dɪkə nɛ:bəlfɛldə di: lœt zɛt zɪç dən a:bə pɔy i:pɔy u:f unt fʷɑ:ləndə zʊnɛfi i: vʷɛtət u:f ɔys]

HD: [de:ə zɔntɑ:k de:ə fʷastət dan fʷɛlənvaɪzə mit dɪkən nɛ:bəlfɛldən di: lɔ:zən zɪç dan a:bə əlmɛ:liç əʊf unt fʷɑ:ləndə zɔnənʃaɪn vʷɛtət əʊf ʊns].

Подводя итоги, хотелось бы выделить основные особенности швейцарского немецкого. Немецкие дифтонги *au*, *eu*, *ei* будут соответствовать швейцарским *uu*, *üü*, *ii*, например *Lüüt* = *Leute*, *Ziit* = *Zeit*.

Второй характерной особенностью является то, что немецкие приставки *be-*, *ge-* сокращаются до краткого *b-*, *g-*, например, *bhalte* = *behalten*. Что касается грамматики, то в Швейцарии уже давно отказались от использования прошедшего времени *Präteritum*, и вместо него используют только *Perfekt*. Также следует отметить то, что больше не используют и *Genetiv*, и вместо родительного падежа будет употреблен предлог *vo* = *von* или вообще *Dativ*.

Список источников

1. Бухаров В. М. Кластер в полицентрическом языке // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. Н. Новгород, 2012. С. 21–28.
2. Домашнев А. И. Очерк современного немецкого языка в Австрии. М. : Высш. шк., 1967. 180 с.
3. Петренко Д. А., Соловьёва К. К. Особенности функционирования немецкого языка в Республике Намибия // Вестник науки и образования. № 6 (29). М., 2017. С. 71–74.
4. Ярцева В. Н. (гл. ред.) Языкознание. Большой энциклопедический словарь. М. : Большая рос. энцикл., 1998. 685 с.
5. Ammon U. Vorschläge zur Typologie nationaler Zentren und nationaler Varianten bei plurinationalen Sprachen / U. Ammon. ÖBV. 1995. S. 112–147.
6. Особенности языковой ситуации современной Швейцарии [Электронный ресурс]. URL: <https://www.booksite.ru/fulltext/1/001/001/026/1.htm> (дата обращения: 01.10.2017).
7. Wetter Schweizerdeutsch. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=E3-UfPCubsE> (дата обращения: 01.10.2017).

УДК 811.133.1

Т. М. Норец,

кандидат филологических наук, доцент

Е. Н. Дмитриева,

студентка 1-го курса магистратуры кафедры теории языка, литературы и социолингвистики, Институт иностранной филологии, Таврическая академия (с. п.), Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь

СОКРАЩЕНИЕ СЛОВСОЧЕТАНИЙ КАК ОДИН ИЗ МЕТОДОВ АББРЕВИАЦИИ (НА ПРИМЕРЕ ФРАНЦУЗСКОЙ ПРЕССЫ)

Целью данной статьи является изучение практического использования сокращённых словосочетаний в современных печатных изданиях Франции. В ходе исследования были использованы такие методы, как теоретический анализ лингвистической литературы, аналитический метод, наблюдение, сравнение, описание. В процессе исследования были определены классификация сокращений, используемых в прессе, степень их распространения и причины использования в тексте. Анализ практической базы позволяет сделать вывод о том, что сокращение лексических единиц путём сокращения словосочетаний является достаточно популярным на страницах печатных изданий.

Ключевые слова: сокращение, словосочетания, аббревиация, пресса, язык, краткость.

The purpose of this work is to study the practical using of abbreviated collocations in the modern printed editions of France. As a result of work, such methods as theoretical analysis of linguistic literature, analytic method, observation comparison, description were used. In the research process the classification of reductions, used in press, the extent of their dissemination and the reasons for using in the text were determined. Analysis of practical base allows to draw a conclusion that the reduction of lexical units by abbreviating of collocations is enough popular on the pages of publications.

Keywords: reduction, collocations, abbreviation, press, language, brevity.

С течением времени объём информации, потребляемой социумом, многократно увеличивается. На сегодняшний день газеты и журналы с трудом вмещают на своих страницах необходимое количество новостей, которые способны удовлетворить читателя. Данный факт послужил причиной того, что авторы статей французской прессы всё чаще стали прибегать к письменным сокращениям, в частности к процессу аббревиации.

Аббревиация является одним из продуктивных способов словообразования и делится на три подгруппы: усечение, сокращение словосочетаний и словослияние. Все указанные способы аббревиации активно используются в прессе, рекламе, объявлениях, а также в бытовом общении. Такая популярность сокращений объясняется стремлением авторов сохранить место на страницах издания, а в устной речи аббревиатуры используют для сохранения времени и речевых усилий говорящего.

Метод аббревиации путём сокращения словосочетаний во французском языке носит название *la siglaison*. Этот вид аббревиатур характеризуется сокращением каждой из лексем словосочетания до инициальной, то есть начальной, буквы. Данный способ сокращения уходит корнями ещё в латинский язык. Из этого периода нам знакомы такие аббревиатуры, как *P. S.* (*Post Scriptum*) или *NB* (*Nota Bene*). Однако с течением времени этот вид аббревиации не утратил своей популярности и в период средневековой Франции появились такие сокращения как, например, *S. A. R.* (*Son Altesse Royale*) или *S. M.* (*Sa Majesté*). На сегодняшний день сокращение словосочетаний получило широкое распространение и рассматривается как полноценный способ словообразования наряду с другими его видами.

Тем не менее не все аббревиатуры, образованные данным видом сокращения, считаются новыми лексическими единицами. Так, новой лексемой можно назвать лишь те аббревиатуры, которые при сокращении формируют самостоятельную лексическую единицу, которая не

является одним из видов исходного варианта слова. Исходя из этого, можно выделить две группы инициальных сокращений, которые различаются по своей фонемной структуре, а точнее, по присутствию или отсутствию гласной буквы в составе сокращённого словосочетания: алфаветизмы и акронимы. С помощью взаимодействия гласной и согласных букв создаётся лексема, состоящая из одного или нескольких слогов, что облегчает чтение и произношение аббревиатуры.

Отличительной чертой алфаветизмов является отдельное чтение каждой буквы в соответствии с её алфавитным названием. Подавляющее большинство алфаветизмов состоят исключительно из согласных звуков, однако встречаются и сокращения, включающие в себя только гласные звуки. Тем не менее последние встречаются достаточно редко в силу того, что количество словосочетаний, состоящих из слов, начинающихся на гласную букву, ограничено, а также они неудобны для произношения.

Несмотря на то что алфаветизмы приносят некоторые неудобства в устной речи, на письме они являются очень эффективным способом сокращения, так как заменяют объёмные конструкции и экономят большое количество места. Авторы многих изданий используют данный приём в своих статьях. Например, во французском издании *Le Figaro* можно встретить следующие алфаветизмы: «...*des vues divergentes et non réconciliables sur la stratégie de la CRF*» (Croix-Rouge française) [Le Figaro, 2015]; «*Dara Khosrowshahi a émergé comme candidat leader pour être PDG à l'issue de réunions...*» (Président-directeur général) [Le Figaro, 2017]; «*Assurance-chômage: toujours pas de taxation des CDD*» (Contract à durée déterminée) [Le Figaro, 2017].

Всемирно известная газета *Le Monde* также использует аббревиатуры в своих статьях: «...*les réserves d'or représentaient à elles seules plus de 8% du PNB et le bilan total plus de 20%*» (Produit national brut) [Le Monde, 2017]; «...*ces bons résultats ne se fassent aussi au prix d'une réduction de la quantité de connaissances à acquérir, QCM obligent* (Questionnaire à choix multiple)» [Le Monde, 2017]; «...*en dépit des vives oppositions des Républicains et du FN d'un côté...*» (Front National) [Le Monde, 2017].

Французская газета *L'Humanité* употребляет следующие сокращения при освещении новостей: «*"Il nous faut toutes les vérifier, plan Vigipirate oblige"*, expliquait hier soir la *SNCF*» (Société nationale des chemins de fer) [L'Humanité, 2017]; «...*le réévaluer, dans la limite de 15% du coût réel des travaux TTC, si des travaux d'amélioration ou de mise aux normes ont été réalisés*» (Toutes taxes comprises) [L'Humanité, 2017]; «...*90 transportent des VTT à la belle saison, les clubs se multiplient, les adeptes pullulent*» (Vélo tout-terrain) [L'Humanité, 2017].

«Акронимы — аббревиатуры, образованные из начальных букв каждого слова сокращаемого словосочетания и читаемые как слова» [1, с. 9]. Отличительной чертой данного вида сокращений является наличие в их составе одного или более гласных звуков. Несмотря на то что для образования акронимов требуются начальные буквы слов, составляющих словосочетание, иногда в аббревиатуру могут также включать служебные частицы, дополнительные буквы или даже первые несколько букв того или иного слова. Это делается для лучшего восприятия, чтения и произношения акронимов. Данный факт подтверждает исследователь А. П. Шаповалова: «При создании каждого конкретного акронима решается лишь частный вопрос: какую конкретную фонетическую структуру слова следует избрать в данном случае. Фонетическая структура инициальной аббревиатуры крайне специфична, она с трудом вписывается в фонологическую систему языка. Вследствие этого инициальные аббревиатуры стремятся к обычной, типичной фонетической структуре слова» [2, с. 26].

Существуют также аббревиатуры, относящиеся одновременно и к алфавитизмам, и к акронимам. Данный вид сокращений, несмотря на присутствие гласной буквы в составе, могут произноситься и как единая лексическая единица, и как алфавитизм, то есть побуквенно. Следует обратить внимание на то, что большое количество аббревиатур относятся к разряду существительных.

При составлении акронима для благозвучия и удобства произношения в словосочетаниях могут опускаться малозначимые частицы, такие как предлоги, союзы, артикли, иногда могут опускаться слова. Основанием для этого служит тот факт, что использование этих частиц в аббревиатуре приводит к потере благозвучности, образованию громоздкого алфавитизма и невозможности образования акронима.

Подобные сокращения часто встречаются на страницах печатных изданий Франции. Например, газета L'Equipe использует следующие акронимы: «...*les 220 millions du transfert de Neymar par rapport à la richesse dégagée par un SMIC*» (Salaire minimum interprofessionnel de croissance) [L'Equipe, 2017]; «*Les deux hommes s'étaient associés en 2004 au sein de la SARL Croissance Foot...*» (Société à responsabilité limitée) [L'Equipe, 2017]; «*Les 12% restant appartiennent à l'association ASSE*» (Association Sportive de Saint-Etienne) [L'Equipe, 2017].

В печатном издании Libération можно встретить такие сокращения: «...*des directeurs d'école et des agents de l'ANPE refusent de ficher leurs élèves ou les chômeurs étrangers*» (Agence nationale pour l'emploi) [Libération, 2017]; «...*d'un master en études européennes à l'université de Cardiff et d'un DESS de communication politique du Celsa*»

(Diplôme d'études supérieures spécialisées) [Libération, 2017]; «*Mais l'URSSAF prélevant une grande partie de sa retraite...*» (Unions de Recouvrement des Cotisations de Sécurité Sociale et d'Allocations Familiales) [Libération, 2017]. Последняя аббревиатура демонстрирует на практике возможность опущения слова для более удобного чтения и благозвучия акронима.

Региональная газета Midi Libre также активно использует метод аббревиации на письме: «*Alors que le SIDA tue depuis près de dix ans...*» (Syndrome d'immunité Déficitaire Acquise) [Midi Libre, 2017]; «*...ce même service sera également amené à traiter les PACS et les dissolutions de PACS...*» (Le pacte civil de solidarité) [Midi Libre, 2017]; «*...Christian Eckert interrogé par le Parisien sur la baisse des APL*» (Aide Personnalisée au Logement) [Midi Libre, 2017].

Рассматривая функцию словообразования в процессе аббревиации, следует отметить, что инициальные слова способны образовывать производные. Примечательно, что более способными к формированию производных являются акронимы, хотя и алфавитизмы составляют определённую часть от общего количества образованных слов. Во французской прессе возможно встретить следующие производные: «*Le fait politique du jour — Prendre un cégétiste par la main...*» (CGT — Confédération générale du travail) [Le Figaro, 2016]; «*Redonner du sens au projet onusien, c'est aussi œuvrer pour son adaptation aux nouvelles réalités*» (ONU — Organisation des Nations unies) [Le Monde, 2017]; «*...est en difficulté pour se doter d'une politique extérieure, tant pèse le tropisme otanien*» (OTAN — Organisation du Traité de l'Atlantique Nord) [L'Humanité, 2011].

Таким образом, инициальные сокращения пользуются большой популярностью как в письменной, так и в устной речи. Данные сокращения существуют не только во французском, но также и в русском, английском и других языках. Количество этих аббревиатур настолько велико, что существуют специальные словари аббревиатур, где приводятся их расшифровки. Такая популярность сокращений обуславливается стремлением к экономии места на страницах печатных изданий и упрощению произношения сложных объёмных словосочетаний. Инициальные аббревиатуры существуют во всех сферах деятельности, как в узконаправленных профессиях, так и в общеизвестных областях знаний. Из этого следует, что некоторые аббревиатуры способны понять и расшифровать лишь ограниченное количество людей, а другие являются широкоупотребимыми и не нуждаются в расшифровке. Существует явление, когда аббревиатура превосходит по употребимости исходную лексическую единицу и люди не могут расшифровать сокращение, хотя отлично понимают его смысл.

Список источников

1. Розенталь Д. Э., Теленкова М. А. Словарь-справочник лингвистических терминов. М. : Просвещение, 1985. 400 с.
2. Шаповалова А. П. Опыт построения общей теории аббревиации (на материале французских сокращённых лексических единиц) : автореф. дис. ... д-ра филол. наук (10.02.19). Волгоград. гос. пед. ун-т. Нальчик, 2004. 46 с.
3. Чекалина Е. М. Язык современной французской прессы: Лексико-семантические аспекты. Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1991. 168 с.
4. L'Humanité [Электронный ресурс] // Journal Électronique. 2011–2017. URL: <http://www.humanite.fr/> (дата обращения: 26.09.2017).
5. Le Figaro [Электронный ресурс] // Journal Électronique. 2015–2017. URL: <http://www.lefigaro.fr/> (дата обращения: 24.09.2017).
6. Le Monde [Электронный ресурс] // Journal Électronique. 2017. URL: <http://www.lemonde.fr/> (дата обращения: 24.09.2017).
7. L'Equipe [Электронный ресурс] // Journal Électronique. 2017. URL: <http://www.lequipe.fr/> (дата обращения: 25.09.2017).
8. Libération [Электронный ресурс] // Journal Électronique. 2017. URL: <http://www.liberation.fr/> (дата обращения: 26.09.2017).
9. Midi Libre [Электронный ресурс] // Journal Électronique. 2017. URL: <http://www.midilibre.fr/> (дата обращения: 26.09.2017).

УДК 811.111

Т. М. Норец,

кандидат филологических наук, доцент

А. В. Каминская,

*магистр кафедры теории языка, литературы и социолингвистики,
Институт иностранной филологии, Таврическая академия (с. п.),
Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского, Симферополь.*

ИМЯ ЧИСЛИТЕЛЬНОЕ В СЛЕНГОВЫХ ФРАЗЕОЛОГИЗМАХ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

Статья посвящена изучению имён числительных в составе сленговых фразеологизмов английского языка. Данные единицы фразеологического фонда отображают специфические черты культуры и мировоззрения носителей английского языка, раскрывая особенности семантики и отношения к числительным. На основе представленного материала сделан вывод о том, что семантика имён числительных в сленговых фразеологизмах английского языка отличается от общепри-

нятого традиционного значения чисел, что предопределено специфическим использованием сленговых фразеологизмов.

Ключевые слова: сленг, сленговый фразеологизм, компонент, имя числительное, семантика, лингвокультурология, социолект, нумерология.

THE NUMERALS IN SLANG PHRASEOLOGICAL UNITS OF ENGLISH LANGUAGE

The analysis of numerals in slang phraseological units of English language is considered in the article. These units of phraseological corpus reflect specific features of English culture and world view, revealing semantic characteristics and the attitude to numerals. As a result of the research the thematic semantics of numerals in slang phraseological units of English language differs from the general traditional sense, that is predetermined with the specific usage of slang phraseological units

Keywords: slang, slang phraseological unit, component, numeral, semantics, linguo culturology, sociolect, numerology.

Каждый язык обладает фондом фразеологических единиц, которые являются отображением культуры и мировоззрения носителей языка. Понимая под языком код, с помощью которого происходит коммуникация, необходимо особое внимание уделять компонентам — составляющим данного кода — словам. Компонентный состав фразеологических единиц является достаточно обширным и разнообразным, включая слова из различных сфер жизни людей, поскольку фразеологизмы формируются на основе особенностей жизни, наблюдений за окружающим миром. Однако если в свободных сочетаниях каждый компонент несёт собой закреплённое за ним смысловое значение, то во фразеологизмах многие лексемы подвергаются переосмыслению. Таким образом, фразеологические единицы являются особенным и специальным пластом каждого национального языка, поскольку в данном случае компоненты кода несут в себе не только лексическое, но и коннотативное значение, сформированное экстралингвистическими факторами.

Например, фразеологизмы с именами числительными составляют отдельную компонентную группу во фразеологическом фонде, которая представляет большой интерес для изучения когнитивной составляющей. Изучение чисел является предметом исследований в различных науках: математике, психологии, лингвистике, социологии и др. Специальная наука нумерология изучает семантику и воздействие чисел на судьбу человека, окружающий мир. Каждое число является символом определённых свойств, качеств.

Лингвистика рассматривает числительные в свободных словосочетаниях, где данные компоненты обозначают количественную характеристи-

тику, а во фразеологических единицах данные лексические единицы приобретают вторичную семантику, которая уже исходит из общего значения всей единицы. Таким образом, такие ФЕ раскрывают скрытые значения имён числительных, которые связаны с особенностями экстралингвистических факторов и менталитета носителей того или иного языка. Более того, фразеологические единицы, относящиеся к сленговому фонду языка, предоставляют ещё больше информации о языковой картине мира, поскольку субстандартные фразеологизмы являются более эмоционально-экспрессивными и специфичными в силу функций сленга языка.

Отношение и восприятие семантики имён числительных может отличаться в разных языках в силу разных экстралингвистических составляющих (религия, социальное устройство, культурное наследие), что доказывает исключительность и оригинальность ФЕ с именами числительными. В английском языке сленговый фразеологический фонд активно использует числительные для образования новых единиц.

Например, в нумерологии числительное «один» отождествляется с такими качествами, как лидерство, мужественность, храбрость. Оно олицетворяет уникальность, единство, поскольку этому числу нет равных и похожих [3]. В сленговых фразеологизмах английского фонда *one* выступает носителем семы «недостаток, маленький», «граница» в: *one and half* (шарф), *one foot in the grave* (старый), *one for the road* (на посошок), *one-way pockets* (злой скряга). Однако активизируется и традиционное значение «уникальности» числа *one*: *one-armed bandit* (игровой автомат), *one nighter* (случайный половой партнёр), *number one* (я) [1; 2].

Числительное «два» в традиционной нумерологии является символом перемен, которые присущи жизненному циклу, а также олицетворяет двойственность как результат вечных перемен [3]. В сленговых фразеологизмах *two* (два) приобретает характеристику сем «несвежий», «двойственный»: *two-timer* (обманщик), *number two* (экскременты), *two thirty* (грязный), *to two-time* (обманывать) [1; 2].

В нумерологии существует теория числа «три», согласно которой число «один» — это отец, число «два» — мать, а «три» является их сыном, поэтому обладает характеристиками двух чисел. Такое слияние противоположных свойств даёт в результате противоречивость самого числа «три» [3]. Данная семантика имени числительного *three* (три) достаточно чётко прослеживается в сленговых фразеологизмах, олицетворяя значение «излишнее», «огромное»: *third age* (старость), *third degree crime* (особо тяжкое преступление), *third leg* (мужской половой орган), а в других единицах символизируя недостаток качества или количества: *third world* (третий мир), *threepenny bits* (маленькая женская грудь), *three sheets in the wind* (слегка пьяный) [1; 2].

Число «четыре» фигурирует в различных культурах мира, олицетворяя продолжение развития материи, последовательность действий. Данному числу свойственны стабильность и решительность. Итак, общая характеристика числа «четыре» в нумерологии имеет положительную динамику [3]. Однако значение числа *four* (четыре) приобретает в сленговых фразеологизмах отрицательную коннотацию, символизируя избыточность, упадок: *four-eyes* (очкарик), *four-letter man* (негодяй), *four-penny one* (удар), *four pounds* (проститутка), *four flusher* (карточный жулик) [1; 2].

В нумерологии числу «четыре» противопоставляется «пять», которое олицетворяет подростковый этап жизни человека. Данному периоду жизни свойственны любознательность, поиски себя, поэтому число «пять» символизирует изменения и подвижность, соблазн. Оно также имеет и негативную характеристику, которая свойственна подросткам, — безответственность и гиперэмоциональность [3].

В английских сленговых фразеологизмах за числительным «пять» закрепилась отрицательная коннотация, развивая сему «безответственность», «пять» отождествляется с недостатками человека во внешнем виде, характере: *five o'clock shadow* (небритое лицо), *five to two* (еврей) [2].

Число «шесть» отождествляется с гармонией, а «семь» — с совершенством, мышлением, но данные символы числа имеют отрицательную характеристику, поскольку в ходе стремления к идеалу можно перейти грань, достигнув фанатизма, а в процессе мышления возникают умозаключения различного характера [3]. В сленговой фразеологии имя числительное *six* (шесть) и *seven* (семь) отождествляются с загробным миром и несут в себе отрицательную эмоционально-экспрессивную оценку: *six feet under* (могила), *six to four* (проститутка), *deep six* (смерть), *sixes and sevens* (неразбериха), *sixth sence* (интуиция), *seven and six* (трудное положение), *seven out* (умереть), *seven-year itch* (жгучее желание изменить супруге), *chuck a seven* (умереть) [1; 2].

Нумерологический концепт числительного «восемь» представляет бесконечность происходящего, символизируя единство духа и материи [3]. В сленговых ФЕ английского фонда данное значение накладывается на сему «безысходность», что создаёт более эмоциональный образ всей лексической единицы: *behind the eighth* (в трудном положении), *one over the eight* (сильно выпивший), *ring eight bells* (умереть) [1; 2].

Число «девять» является последним простым числом, олицетворяя собой вершину духовного развития, умения мыслить. Однако нумерология рассматривает число «девять» как третий цикл числа «три», то есть все качества и характеристики, присущие «тройке», в три раза сильнее проявляют себя в числе «девять». Таким образом, семантика данного числа наиболее противоречивая в нумерологии. Фразеологический фонд английского сленга подтверждает данные характеристики

числительного «девять» [3]. Существуют ФЕ с положительной характеристикой сем «плодородие», «богатство»: *cat has nine lives* (у кошки девять жизней), *to the nines* (лучшим образом). Также существуют фразеологизмы, где «девять» активизирует сему «наказание», «недостаток»: *cat-o'-nine tails* (плётка), *number nine* (слабительное) [2].

Таким образом, представление о числах как лишь о количественной характеристике неотъемлемо сопряжено с символическим смыслом, который отражает специфическое видение и восприятие мира человеком. Особенно ярко данную символичность можно проследить через фразеологические единицы национального языка. В ходе исследования удалось выявить, что в сленговых фразеологизмах числительное приобретает дополнительные коннотации, которые являются проявлением культурных аспектов в силу принадлежности ФЕ к определённому языку, так и эмоционально-экспрессивных характеристик, что свойственно как фразеологизмам, так и самой подсистеме языка — сленгу, в которую входят данные языковые единицы.

Список источников

1. Ричард А. Словарь американского сленга. М. : Рус. яз., 1991. 528 с.
2. Семиволкова С. В. Современный англо-русский словарь живого английского языка. М. : АСТ ; Астрель ; Полиграфиздат, 2010. 896 с.
3. Хейсс Й. Секреты нумерологии для начинающих. М. : ФАИР, 2008. 176 с.

УДК 811.11; 81-119

В. Сторужева,

обучающаяся кафедры теории языка, литературы и социолингвистики

Э. Ш. Исаев,

доцент кафедры теории языка, литературы и социолингвистики,

Институт иностранной филологии, Таврическая академия (с. п.),

*Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского, Симферополь*

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКОГО АСПЕКТА АНАЛИЗА ЯЗЫКА РЕКЛАМЫ

Цель данного исследования — социолингвистический анализ языка рекламы и особенностей её восприятия разными социальными группами на материале англоязычной рекламы. В ходе выполнения поставленных задач были проведены сбор, сравнение, обобщение

и классификация полученного языкового материала. С помощью методов социолингвистического анализа были собраны и систематизированы данные о восприятии рекламных текстов, а также необходимые характеристики говорящих: социальное положение, этническое происхождение, возрастные и гендерные параметры. Присутствие рекламы в средствах массовой информации оказывает сильное влияние на формирование гендерных стереотипов и сильно влияет на гендерные роли.

Ключевые слова: социолингвистика, реклама, социальная группа, гендер, социолингвистический анализ.

PECULIARITIES OF SOCIOLINGUISTIC ANALYSIS OF THE ADVERTISING LANGUAGE

The purpose of the research is to make a sociolinguistic analysis of the advertising language and peculiarities of its perception by different social groups on the material of English advertisement. Fulfilling the tasks collection, comparison, generalization and classification of the obtained language material was made. Using the methods of the sociolinguistic analysis the data about the perception of the advertisement were collected and systematized, as well as the speakers' necessary characteristics: social status, ethnic origin, age and gender parameters. The presence of advertising in the mass media influences greatly on the formation of the gender stereotypes and intensively influences on the gender roles.

Keywords: sociolinguistics, advertising, social group, gender, sociolinguistic analysis.

Социолингвистикой называется раздел языкознания, который изучает язык в рамках социальных условий его существования. Социальными условиями называют комплекс внешних обстоятельств, где язык реально функционирует и получает развитие. Также важны различия между носителями языка с точки зрения возраста, социального статуса, уровня культуры и образования.

Социолингвистика охватывает ряд специфических понятий. В их число включают языковое сообщество, языковую ситуацию, социально-коммуникативную систему. Важными для неё терминами являются языковая социализация и коммуникативная компетенция, языковой код и переключение кодов. Также необходимо упомянуть билингвизм (двуязычие), диглоссию и языковую политику. Ряд понятий взят из других отраслей лингвистики: язык-посредник, смешение языков, языковой контакт, речевой акт, речевое поведение, речевое общение, языковая норма и др. Из социологии и социальной психологии заимствованы такие термины, как социальный фактор, социальная роль, социальный статус, социальная структура общества.

Социолингвистические методы принято делить на методы, связанные со сбором материала; методы его обработки; методы, нацеленные на оценку достоверности полученных данных и их содержательную интерпретацию [1].

Первая группа состоит из методов, которые заимствованы из социологии, социальной психологии, а также отчасти из диалектологии. Вторая и третья группы в значительной мере формируются методами математической статистики. Специфика есть и в представлении социолннгвистических материалов. Помимо этого, материал, который получен, обработан и оценен посредством критериев статистики, нуждается в социолннгвистическом толковании. Оно даёт возможность выявить закономерности между языком и социальными институтами.

Рекламой считается однонаправленная форма неличной коммуникации, которая осуществляется за плату и ставит цель привлечь внимание к объекту рекламирования.

В настоящее время есть два главных подхода к определению этого термина. В узком смысле он означает объявление в средствах массовой информации. Эта точка зрения более всего распространена в западной практике. В рамках российской действительности понятие «реклама» видится более широко. Этот термин включает также и выставочные мероприятия, плакаты, коммерческие семинары, каталоги, проспекты и так далее.

Функция рекламы в качестве инструмента коммуникации состоит в том, что она информирует потребителей как о товарах, так и об услугах. Реклама — это одна из особых форм массовой коммуникации, то есть это безличный обмен информацией. Она реализует конкретную коммуникативную функцию, которую воплощает с помощью уже имеющихся практических путей создания и трансляции целевым группам маркетинговой информации в виде рекламных сообщений [2].

Композиционные блоки в рамках рекламных текстов много раз использовались в качестве предмета исследований разных учёных. Большая часть из них поддерживала классическую схему, которая характерна для всех типов текстов. Они выделяли следующие структурные части: заголовок, вступление (зачин, экспозиция), основная часть и концовка (заключение).

Анализ рекламы в общем, в том числе и печатной, требует учёта фактора адресата. Рекламный текст воспринимается исходя из той необходимости и тех закономерностям, которые содержатся в нём. У каждого рекламного текста должна быть направленность на конкретно определённую группу потребителей. Он должен быть как можно менее абстрагированным и обращаться к конкретным потребностям людей.

На основе результатов анкетирования можно утверждать, что отсутствуют глобальные различия в отношении эмоционального восприятия рекламы между мужчинами и женщинами. Значительные различия видны по показателям такого плана: создаваемый образ (5% и 11%) и цвет (1% и 7,5%). Женщины в большей степени, чем мужчины, любят рекламу, где участвуют дети (11,5% и 7%) и животные (15,5% и 5,5%). Полученные данные свидетельствуют о том, что женщины имеют большую степень социальной адаптации, обладают большим количеством привязанностей.

Фоновый визуальный видеоряд, который является частью рекламного текста, участвует в поддержке и развитии вербальной части рекламного сообщения через акцентирование различий по гендерному аспекту.

В англоязычных журналах применяется образ «романтической особы» и «романтического героя», «секс-символа» (в мужском и женском варианте).

При создании рекламных образов лингвокультуры вводится образ «бизнесумен» и «бизнесмен». Он подаётся опосредованно в статьях или рубриках типа «Гость (гостя) номера».

В 2000-е годы фиксируется появление так называемой гендерно-направленной лексики. Формируемые женские образы в рекламе получают вербализацию с помощью ключевых лексических единиц, которые в подавляющем большинстве представлены именами прилагательными: *fantastic, beautiful, smooth, sexy, youthful, tempting, attractive*.

Типичная особенность репрезентации мужских образов в рекламе, что отличает их от женских, — это применение гендерноокрашенной лексики, которая представлена именами существительными: *passion, love, success, satisfaction, imagination, winner, drive, finish, see, inspire, surprise, imagine*.

Список источников

1. Социолингвистическая вариативность национального языка как целостной структуры: кол. монограф. / А. Д. Петренко [и др.]. Севастополь : Укр. мор. ин-т, 2009. 182 с.

2. Розенталь Д. Э., Кожтев Н. Н. Язык рекламных текстов : учеб. пособие для фак. журналистики вузов. М., 1981. 236 с.

М. Д. Рыжикова,
кандидат филологических наук, доцент,
кафедра теории языка, литературы и социолингвистики,
Институт иностранной филологии, Таврическая академия (с. п.),
Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского, Симферополь

Е. Ю. Кузнецова,
магистрант третьего года обучения,
кафедра теории языка, литературы и социолингвистики,
Институт иностранной филологии, Таврическая академия (с. п.),
Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского, Симферополь

КАТЕГОРИЯ ЦЕННОСТИ В АНГЛОЯЗЫЧНОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Исследование ценностей представляется ключевым фактором в формировании человеческой личности в отдельности и социума в целом. Цель работы заключается в определении политических ценностей американского общества на материале интервью Б. Обамы. Все ценности классифицируются на такие, которые объединяют коллектив, и такие, которые порождают конфликты. Используя общелингвистические методики и прагматический метод, выделяются такие ценности, как «свобода», «уважение международного законодательства», «сотрудничество», которые в своей совокупности составляют категорию «свой — чужой», типичную для политического дискурса.

Ключевые слова: политический дискурс, ценность, аксиологический подход, оппозиция «свой — чужой», прагматический метод.

CATEGORY OF VALUE IN ENGLISH POLITICAL DISCOURSE

Research into values is seen as a key factor in formation of a human individuality and society. The purpose of the paper is to identify political values of the American society on the data of interview with its ex-president Barak Obama. Generally, all the values are classified into the ones uniting people and the ones leading to conflicts. By means of common linguistic techniques and pragmatic method, the following values are emphasized: “freedom”, “respect to international law”, “cooperation”, which comprise a typical for political discourse category of oppositions called “strange / non-strange”.

Keywords: political discourse, value, axiological aspect, opposition “strange / non-strange”, pragmatic method.

Актуальность лингвистических исследований в аксиологическом аспекте находит подтверждение в ряде современных разработок (среды которых — труды И. И. Докучаева, Н. Н. Казыдуба, Д. Р. Шварца и др. [4]) и заключается в определении факторов формирования и развития общества. Цель исследования заключается в определении на примере жанра интервью основных ценностей, характерных англоязычному политическому дискурсу. Среди поставленных задач следует отметить следующие: обозначить рамки лингвистического анализа в аксиологическом аспекте, рассмотреть существующие классификации ценностей политической коммуникации, выявить ценности, типичные для исследуемого жанра. Методика исследования включает использование общелингвистических методов, а также прагматический метод.

Материалом исследования послужили 20 интервью с американским президентом Бараком Обамой за период с 2004 по 2017 год, открытых для доступа в источниках сети Интернет.

Объект аксиологических исследований в лингвистике не однозначен. Так, Е. Ф. Серебренникова выделяет три основных направления такого анализа: отдельные слова и выражения, тексты — источники с явно выраженным оценочным суждением (в том числе имплицитно) и неявные оценочные тексты-источники [3, с. 53]. Д. А. Леонтьев, ссылаясь на антрополога Дороти Ли, различает «конкретную ценность или систему ценностей конкретной культуры и ценность чего-либо вообще как абстрактного понятия, синонимичного значимости» [цит. по: 8, с. 10]. В данном исследовании ценности рассматриваются как маркеры культуры, «осознанное или неосознанное, характерное для индивида или для группы индивидов представление о желаемом...» [цит. по: 1, с. 140].

Аксиологическая значимость политического дискурса подчёркивается в научных трудах И. А. Батаниной, Е. В. Бродовской и др., которые отмечают корреляцию динамического политического развития с социальными ценностями. Последние представляются «фундаментом» политических институтов, а также ориентиром для индивидуума в социальной и политической среде [2, с. 111–114].

На сегодняшний день существует несколько точек зрения по поводу типологии ценностей политического дискурса. Так, Е. И. Шейгал в этом отношении предлагает оппозицию «свой — чужой» [9]. Е. Н. Молодыхенко и Т. В. Митрохина выделяют другую оппозицию: «мы — они» [8; 7]. Н. И. Лапин классифицирует ценности следующим образом: такие, которые сплачивают общество («ценности высшего статуса»), которые вызывают конфликты между индивидом и социальной группой, несовместимые оппозиционные ценности, стабильные ценности, унаследованные исторически и отличающиеся от ценностей большинства

[5, с. 7]. В данном исследовании поддерживается существование категории оппозиций «свой — чужой», которая представлена ценностями, объединяющими людей и вызывающими конфликтную ситуацию.

Изучение практического материала показало, что Барак Обама в целом не склонен выстраивать жёсткую оппозицию «свой — чужой», тем не менее иногда он прибегает к этому приёму, используя метафору (например: «...*a lot of chemical weapons that are not right now in the hands of ISIL...*») и метонимию (например: «*So it was always my belief that Iraq was a mistake*»). Среди ценностей, которые были выявлены в ходе анализа интервью Б. Обамы, отмечаются такие: «свобода» (например: «*I came in office is I said if somebody's put on a uniform of this country and fought for our freedom, they cannot be homeless*»); «равенство» (например: «*the number of people who have a strong belief in a fair, just, equal, inclusive America is the majority and is growing*»); «уважение международных законов» (например: «*The United States is committed to a regional order rooted in international rules and norms, including freedom of navigation, and the peaceful resolution of disputes*»), «сотрудничество» (например: «*And there's gotta be a lot more cooperation*», «*For more than 60 years, the United States has stood by our allies and partners in the Asia Pacific*»). Что касается оппозиции «мы — они», в данной работе не было выявлено отчётливой тенденции к активному использованию этого противопоставления.

Таким образом, в жанре интервью оппозиция «свой — чужой» реализуется посредством ценностей «свобода», «равенство», «уважение международного законодательства», «сотрудничество». Направлениями дальнейших исследований может быть сопоставление ценностей, заявляемых в политическом дискурсе, в диахроническом аспекте.

Список источников

1. Абишева А. К. О понятии «ценность» // Вопросы философии. 2002. № 3. С. 139–146.

2. Батанина И. А. Категории «ценности» и «ценностные ориентации» в дискурсе политологического сообщества: к истории вопроса // Среднерусский вестник общественных наук. М. : ФГОУ ВО «Рос. акад. народ. хоз-ва и гос. службы при Президенте Российской Федерации». Вып. 3. 2013. С. 110–123.

3. Ивин А. А. Аксиология. М. : Высш. шк., 2006. 390 с.

4. Гречишкина С. В. Аксиологический подход к изучению эколитературы [Электронный ресурс]. URL: <http://izron.ru/articles/novye-tendentsii-razvitiya-gumanitarnykh-nauk-sbornik-nauchnykh-trudov-po-itogam-mezhdunarodnoy-nauch/sektsiya-12-literatura-narodov-stran-zarubezhya-s-ukazaniem-konkretnoy-literatury-spetsialnost-10-01/aksiologicheskiiy-podkhod-k-izucheniyu-ekoliteratury/> (дата обращения: 12.06.2017).

5. *Ларин Н. И.* Модернизация базовых ценностей россиян [Электронный ресурс] // Академическая трибуна. 1996. URL: <http://ecsocman.hse.ru/data/865/662/1216/002Larin.pdf> (дата обращения: 09.09.2016).

6. Лингвистика и аксиология: этносемиотрия ценностных смыслов : кол. монограф. М. : Тезаурус, 2011. 352 с.

7. *Митрохина Т. В.* Ценности и смыслы современной российской политики: дискурс-анализ пресс-конференций главы государства [Электронный ресурс] // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. Вып. 2. 2014. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/tsennosti-i-smysly-sovremennoy-rossiyskoj-politiki-diskurs-analiz-press-konferentsiy-glavy-gosudarstva> (дата обращения: 09.10.2016).

8. *Молодыхенко Е. Н.* Аксиологические основания политического дискурса // Научно-технические ведомости СПбГУ. Гуманитарные и общественные науки. Вып. 1 (215). 2015. С. 9–17.

9. *Шеигал Е. И.* Театральность политического дискурса // Единицы языка в их функционировании : межвуз. сб. науч. тр. Саратов : СГАП. 2000. С. 92–96.

УДК 81'25

Л. А. Ходаковская,

студентка Института иностранной филологии,

Таврическая академия (с. п.),

Крымского федерального университета

имени В. И. Вернадского, Симферополь

М. Г. Зеленцова,

кандидат филологических наук, доцент кафедры теории

и практики перевода, Институт иностранной филологии,

Таврическая академия (с. п.), Крымский федеральный университет

им. В. И. Вернадского, Симферополь

К ВОПРОСУ ОБ ОСОБЕННОСТЯХ ПЕРЕВОДА ЭЛЕМЕНТОВ КОМИЧЕСКОГО В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ

Данная работа посвящена исследованию особенностей перевода комического и основных форм его выражения (юмора, иронии и сатиры) в художественном тексте. В ходе работы определены переводческие стратегии, используемые при переводе комического, а также рассмотрены особенности их реализации на материале двух переводов пьесы «Венецианский купец» У. Шекспира, для этого проводится их критический анализ.

Ключевые слова: перевод, комическое, юмор, ирония, сатира, стратегии перевода, Шекспир, Венецианский купец.

TRANSLATION PECULIARITIES OF THE COMIC ELEMENTS IN LITERARY TEXTS

This article is devoted to the study of translation peculiarities of the comic and its main forms (humour, irony and satire) in literary texts. In the course of the work strategies of translation of the comic were detected as well as peculiarities of these strategies' implementation on the material of two translations of the play "The Merchant of Venice" by W. Shakespeare were considered for which purpose they were critically analysed.

Keywords: translation, the comic, humour, irony, satire, strategies of translation, Shakespeare, The Merchant of Venice.

На сегодняшний день проблеме перевода комического посвящено множество исследований, однако эта тема не теряет своей актуальности. Прежде всего это обусловлено той сложнейшей задачей, которую подчас представляет собой перевод элементов комического, задачей, которая является особенно важной как для теории, так и для практики перевода. В настоящее время исследованием перевода комического занимаются многие отечественные учёные: М. А. Кулинич, Е. С. Абаева, В. Я. Задорнова, А. С. Кобяшова, К. А. Ланина, Л. В. Молчанова, Е. Г. Подгрушная, О. В. Цепордей, Н. А. Абросимова, А. В. Гарамян и др. При этом внимание исследователей сосредоточено как на изучении комического в целом, так и на рассмотрении различных аспектов, связанных с этой категорией. Так, научные статьи Д. А. Павлюк, М. С. Сергеевой и М. Н. Смирновой раскрывают специфику передачи англоязычного юмора при переводе, В. А. Луков, О. И. Федотов и С. Е. Марченко исследуют особенности сатиры и т. п. Однако, несмотря на множество исследований, посвящённых проблеме перевода комического, стратегии передачи комического в переводе, а также особенности их практической реализации, всё ещё недостаточно изучены, что в свою очередь приводит к тому, что при переводе текста с элементами комического переводчику приходится в каждом конкретном случае изобретать их заново, что нередко приводит как к временным, так и к художественным потерям. Данная проблема выявляет необходимость создания перечня практических инструментов, которые позволили бы специалистам максимально эффективно и полно передавать элементы комического в переводе.

На основании существующих формулировок для данной статьи был разработан ряд определений. Комическое — это эстетическая категория, в основе которой лежат несоответствие между буквальным (форма) и подразумеваемым (содержание) значениями высказывания, нарушение пропорций, которое осознаётся реципиентом и вызывает у него улыбку или смех. Оно находит своё выражение в трёх катего-

риях: юморе, иронии и сатире. Юмор, как одна из форм выражения комического, отличается своим миросозерцательным, скорее положительным и относительно мягким отношением к изображаемому. Как отмечает Н. А. Абросимова, «в узком смысле юмор обозначает один из видов комического, который, как правило, характеризуется сочувственным отношением к объекту насмешки. В широком значении под юмором понимают способность человека или социальной группы воспринимать комическое во всём его разнообразии» [1, с. 13]. Ирония — это вид комического, в основе которой лежит субъективно выражаемая оценка автора преимущественно негативного характера, скрывающаяся под видом положительного высказывания. Нередко ирония выражает завуалированное чувство превосходства или скептицизма, смешное в ней скрыто под маской серьёзного. Сатира — вид комического, отличающийся резкостью изобличения, остротой насмешки над слабостями и пороками. Она всегда имеет характер разоблачения и призвана бороться с изображаемым явлением, неизменно эксплицирована, выражается бурно, с негодованием и презрением.

Таким образом, под элементами комического в данной статье понимаются случаи проявления любого из видов комического в тексте, которые в силу своих особенностей, составляющих предмет настоящего исследования, требуют особого подхода к процессу перевода.

Объектом исследования особенностей перевода комического, а также основных форм его выражения (юмора, иронии и сатиры) в художественном тексте стала пьеса У. Шекспира «Венецианский купец» и два её перевода — Т. Щепкиной-Куперник и О. Сороки. В результате анализа теоретических исследований по данной теме, а также работы с фактическим материалом удалось установить, что переводчик, столкнувшийся с трудностями при переводе комических элементов, имеет в своём арсенале несколько вариантов действий.

Прежде всего переводчик может исключить из текста комический элемент, в процессе перевода которого возникли трудности, однако этот путь не отвечает необходимости сохранения прагматического воздействия на читателя — категории, имеющей первостепенное значение для всякого художественного текста. При этом возможно как полное исключение комического элемента, если его отсутствие в переводе не влияет на общий смысл высказывания, так и его буквальный перевод, что позволит сохранить информационную составляющую, однако практически неизбежно приведёт к потере комической составляющей.

Ещё одним вариантом, наиболее приемлемым с точки зрения прагматики, является адаптация комического элемента к языку перевода. В этом случае переводчик создаёт в тексте перевода атмосферу, ана-

логичную исходной. Кроме того, в случае, когда эмоционально-смысловая потеря всё же неизбежна ввиду невозможности адекватной передачи комического элемента, переводчик может трансформировать в юмористическом ключе другую единицу, находящуюся в непосредственной близости от него, что позволяет сохранить юмористический характер описываемой ситуации, а значит, сохранить прагматическое воздействие на читателя.

В ходе анализа переводов пьесы «Венецианский купец» за основу были взяты следующие типы реализации комического в тексте, выделенные В. Я. Задорновой и А. С. Кобяшовой [2]: ситуативное комическое; комическое, основанное на концептуальном несоответствии; языковое комическое; комическое, зависящее от фоновых знаний. Ситуативное комическое реализуется в тексте путём описания смешной или нелепой ситуации и в большинстве случаев не требует применения каких-либо специальных приёмов прагматической адаптации, так как подобные ситуации обычно носят универсальный характер и понятны любому человеку. Зачастую такая ситуация, даже описанная в нейтральном тоне, смешна сама по себе, но автор может усилить комический эффект с помощью введения в текст повествования стилистически/эмоционально окрашенной, разговорной лексики и т. д. Необходимо отметить, что в случае использования автором ситуативного комического в качестве элемента комического следует рассматривать всю ситуацию в целом. Такая ситуация в свою очередь может быть выражена достаточно большим отрывком текста.

Анализ пьесы позволил сделать вывод о том, что ситуативное комическое более всего присуще произведениям, в которых повествование ведётся от третьего лица, так как здесь автор обладает наиболее широкими возможностями для описания ситуации в юмористическом ключе, в то время как формат драматургического произведения, где текст представляет собой последовательность реплик, обыкновенно сводит разного рода описания к минимуму (здесь юмор немедленно эксплицируется в языке). Однако в пьесе всё же встречаются ситуации, которые можно отнести к ситуативному юмору. Так, главная героиня пьесы, описывая одного из неугодных ей женихов, говорит о нём так: *«You know I say nothing to him, for he understands not me, nor I him: he hath neither Latin, French, nor Italian, and you will come into the court and swear that I have a poor pennyworth in the English... How oddly he is suited! I think he bought his doublet in Italy, his round hose in France, his bonnet in Germany and his behaviour everywhere»* [6, с. 39]. В переводе этот фрагмент передан следующим образом:

«Знаешь, ничего не могу ни о нём, ни ему сказать, потому что ни он меня не понимает, ни я его. Он не говорит ни по-латыни, ни по-французски, ни по-итальянски, а ты смело можешь дать на суде присягу, что я ни на грош не знаю по-английски... И как странно он одевается! Я думаю, он купил свой камзол в Италии, широчайшие штаны — во Франции, шляпу — в Германии, а манеры — во всех странах мира» (Т. Щепкина-Куперник)

«Ничего не скажу я ему — ни он меня не понимает, ни я его. Он не знает ни латыни, ни французского, ни итальянского, а можешь под присягой показать, что я в английском швах... И как чудачки он одет! По-моему, камзол куплен им в Италии, раздутые штаны — во Франции, шляпа — в Германии, а манеры собезьянены отовсюду» (О. Сорока)

Гораздо более непростой задачей для переводчика является комическое, основанное на концептуальном несоответствии, основой которого является столкновение понятий. Данный тип комического включает в себя: парадоксальные высказывания, нарушение сочетаемости слов, эффект обманутого ожидания, комические сравнения и т. п. В пьесе «Венецианский купец» комическое, основанное на концептуальном несоответствии, встречается наиболее часто, поэтому реплики героев столь остроумны и смешны, как, например, в описании ещё одного жениха героини: «*Very vilely in the morning when he is sober and most vilely in the afternoon when he is drunk. When he is best he is a little worse than a man, and when he is worst he is little better than a beast*» [Там же, с. 40]. В переводе этот фрагмент передан следующим образом:

«Он отвратителен по утрам, когда трезв, и ещё отвратительнее после обеда, когда пьян. В лучшие свои минуты он немножко хуже, чем человек, а в худшие — немного лучше, чем животное» (Т. Щепкина-Куперник)

«Очень он мне мало нравится с утра, когда он трезв, а ещё того меньше к обеду, когда пьян. В лучшем своём виде он до человека не дотягивает, а в худшем — мало чем лучше скота» (О. Сорока)

Оба перевода представляются оправданными, и в полной мере передают комизм ситуации, выраженный с помощью цепочки парадоксов, которые, в свою очередь, объединены автором в единый элемент комического.

Перевод языкового комического, к которому относятся элементы, неотделимые от ткани текста и в определённой мере утратившие связь с понятием как таковым (говорящие имена, каламбуры, окказионализмы, игра слов, стилистически неверные сочетания слов, использование экспрессивных слов и т. д.), является наиболее непростой задачей для переводчика. Примером языкового комического в тексте пьесы (элементы комического подчёркнуты нами) может послужить следующая фраза: «*but he — why, he hath a horse better than the Neapolitan's,*

a better bad habit of frowning than the Count Palatine; he is every man in no man» [Там же, с. 39]. В данном отрывке автор дважды использовал игру слов: «*a better bad habit of frowning*» и «*he is every man in no man*». В переводе этот фрагмент передан следующим образом:

«Но этот! Да, у него лошадь лучше, «Но этот! Конь у него похлеще, чем у неаполитанца; гадко хмурить чем у принца Неаполитанского, а брови он умеет лучше, чем пфальц- хмуриться умеет он кислей пфальц- граф; он — все и никто» (Т. Щепки- графа. Он — кто угодно и никто)
на-Куперник) (О. Сорока)

Анализ вариантов перевода показал, что первая игра слов — «*a better bad habit of frowning*» — в обоих случаях перевода передана описательно, с потерей изящества фразы оригинала, однако с полноценной передачей комического эффекта. Однако вторая игра слов — «*he is every man in no man*» — в обоих случаях переведена с полным сохранением смысловых, стилистических и прагматических черт оригинала.

При переводе комического, зависящего от фоновых знаний, переводчика ожидает, по меньшей мере, два препятствия: прежде всего, он сам должен обладать необходимыми познаниями, чтобы обнаружить в тексте элемент комического (в виде аллюзии, переработанной цитаты и т. п.); кроме того, нередко возникает проблема возможного отсутствия соответствующих фоновых знаний со стороны читателя. Таким образом, переводчик должен передать аллюзию, по возможности сохраняя юмористический подтекст, а также решить, ориентируясь на читателя, в каком виде она должна быть передана (стоит ли давать к ней сноску, переводить описательно, заменить другой аллюзией и т. п.).

Примером комического, зависящего от фоновых знаний, является следующий фрагмент (элементы комического подчёркнуты нами): главной героине сообщают, что прибыл принц Марокканский, на что она отвечает: «*If he have the condition of a saint and the complexion of a devil, I had rather he should shrive me than wive me*» [Там же, с. 41]. Для полноценного понимания этой аллюзии, необходимо учитывать родину принца, а именно — Марокко, Африка. Кроме того, необходимо знать, что дьявола часто изображали с чёрным цветом кожи. Следовательно, в этой реплике содержится ироническое сравнение принца с дьяволом на основе устоявшейся художественной традиции, а также парадоксальное сочетание: дьявол — святой, дьявол — способный исповедать, отпустить грехи (словарное значение глагола *shrive* — исповедовать, отпустить грехи). В переводе этот фрагмент передан следующим образом:

«Будь у него нрав святого, а лицо дьявола, так лучше бы он меня взял в духовные дочери, чем в жёны!» «При этой наружности чёрта, будь у него хоть и душа святого — и тогда лучше бы он не женихом, а духовником моим приехал» (Т. Щепкина-Куперник) (О. Сорока)

Таким образом, особенности передачи комического в переводе обусловлены типами его реализации в тексте: в случае, если переводчик сталкивается с ситуативным комическим, ему достаточно сохранить комизм ситуации в целом; перевод комического, основанного на концептуальном несоответствии, обуславливает необходимость сохранения парадоксальности и неожиданности элемента комического при переводе; использование автором языкового комического требует создания в тексте перевода элемента, который был бы адекватен исходному элементу, и сохранял бы прагматическое воздействие на читателя; для перевода комического, зависящего от фоновых знаний, от переводчика требуется умение улавливать национальную специфику юмора, особенности менталитета и эпохи (как описываемой в произведении, так и эпохи написания произведения).

Список источников

1. *Абросимова Н. А.* Языковые особенности переводов комических текстов (на материале рассказов М. Твена, О. Генри и С. Ликока): дис. ... канд. филол. наук. Казань, 2007. 172 с.

2. *Задорнова В. Я., Кобяшова А. С.* Прагматический подход к переводу юмора // Вестник Московского университета. Сер.: Теория перевода. 2013. № 4. С. 66–83.

3. *Зеленцова М. Г., Ходаковская Л. А.* Особенности перевода юмора, иронии и сатиры в художественной литературе // Переводческий дискурс: междисциплинарный подход : материалы I всерос. науч.-практ. конф. Симферополь, 2017. С. 134–139.

4. *Шекспир У.* Венецианский купец / пер. О. Сороки [Электронный ресурс]. URL: http://lib.ru/SHAKESPEARE/shks_mercant3.txt.

5. *Шекспир У.* Полное собрание сочинений в восьми томах. Т. 3 / под ред. А. Смирнова, А. Аникста. М. : Искусство, 1958. С. 211–309.

6. Shakespeare W. The Merchant of Venice. Hertfordshire : Wordsworth Classics, 2006. 128 p.

Л. В. Брудик,

*старший преподаватель, кафедра иностранных языков № 1,
Институт иностранной филологии, Таврическая академия (с. п.),
Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского, Симферополь*

Д. В. Дорофеев,

*кандидат политических наук, доцент,
кафедра новой и новейшей истории, исторический факультет,
Таврическая академия (с. п.), Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского, Симферополь*

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА В ИСТОРИЧЕСКОМ ИССЛЕДОВАНИИ: К ИЗУЧЕНИЮ ГЕНЕЗИСА ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ США В XVIII ВЕКЕ

В исследовании рассматривается постепенный разрыв политических связей между «мятежными» колониями Северной Америки с Великобританией с 26 октября 1774 по 10 мая 1775 года. Методология политической лингвистики сделала возможным проанализировать исторический процесс при помощи её понятийного аппарата: «политическая коммуникация», «политический язык», «политический текст», «политический дискурс», «ценности и антиценности». Результаты исследования по истории зарождения первой политической нации в Западном полушарии проиллюстрировали ключевой элемент — появление языка «политической коммуникации» в формировании национальной идентичности.

Ключевые слова: генезис внешней политики США, Континентальный конгресс, политическая лингвистика, политическая коммуникация, политический язык, политический текст, политический дискурс, ценности и антиценности.

THE POLITICAL LINGUISTICS IN THE HISTORICAL RESEARCH: THE STUDY OF THE GENESIS OF THE U. S. FOREIGN POLICY IN THE XVIII CENTURY

The study addresses the gradual break of political connections between the rebellious colonies of North America and Great Britain within period: October 26, 1774 — May 10, 1775. The methodology of political linguistics has made possible to analyze a historical process with a help of its concepts: “a political communication”, “a political language”, “a political text”, “a political discourse”, “values and anti-values”. The results of the

study on the origin of the first political nation in the Western hemisphere illustrated the key element — the emergence of the «political communication» language in the formation of national identity.

Keywords: the genesis of U. S. foreign policy, the Continental Congress, political linguistics, political communication, political language, political text, political discourse, of values and anti-values.

В современных реалиях XXI века конвергенция методологий наук открывает неограниченный горизонт для осуществления научного поиска и открытий. Сближение исторической науки и политической лингвистики позволяет вычлениить из исторической ткани прошлого факты, которые были ранее недоступны из-за несовершенства инструментария научного познания. Использование практических и теоретических наработок политической лингвистики в поле исторического исследования позволяет по-новому дать оценку прошедшим событиям, личностям, эпохам [1–6].

В данном исследовании рассматривается процесс постепенного разрыва политических связей между «мятежными» колониями Северной Америки с их метрополией — Великобританией на протяжении 5,5 месяца. Методология политической лингвистики позволила по-новому провести анализ исторического процесса, при помощи её понятийного аппарата: «политическая коммуникация», «политический язык», «политический текст», «политический дискурс», «ценности и антиценности».

В промежутке между закрытием и началом работы двух Континентальных конгрессов, с 26 октября 1774 по 10 мая 1775 года, имели место процессы, оказавшие воздействие на формирование и реализацию внешнеполитического курса колоний в последующие месяцы 1775–1776 годов.

Выполнение решений о прекращении вывоза американских товаров в Великобританию и ввоза британских товаров в колонии, зафиксированных в принятом 20 октября 1774 года «Плане Ассоциации», шло одновременно с созданием революционных органов власти — конвентов и провинциальных конгрессов, которые не пребывали в подчинении у колониальных институтов управления империи — губернаторами и так называемыми старыми ассамблеями, члены которых были тори-лоялисты и не признавали легитимность работы Первого Континентального конгресса.

Функционирование революционных органов власти обусловило изменение состава делегатов Второго Континентального конгресса. Выборы в общеколониальный институт, неподконтрольный метрополией и её представителями, ослабили воздействие тори-лоялистов на процесс принятия решений в последующем: к весне 1775 года баланс сместился в пользу вигов-патриотов. Революционные конвенты и ассамблеи избрали сторонников более эффективных, а фактически — более радикальных действий. В то время как тори-лоялисты были представлены группой делегатов с умеренными взглядами. Этот процесс наглядно

демонстрировал вытеснение старых ценностей и замещение их новыми ценностями. Происходившие изменения не могли не менять «политическую коммуникацию», «политический язык», «политический дискурс». Трансформация отразилась в содержании «политических текстов».

Усиление позиций виггов-патриотов затрагивало напрямую внешнеполитическую сферу: складывались предпосылки ослабления скрепа для рассмотрения и принятия решения по вопросам об иностранной помощи, союза с иностранными державами, провозглашения независимости, позиционирования Соединённых Колоний в качестве субъекта международных отношений. Назревавшие изменения проявились в новых инструкциях делегатам. Если в 1774 году колониальные институты поручили делегатам на Первый Континентальный конгресс принять участие в поиске решений для нормализации отношений с метрополией, а также восстановить права и свободы колоний, то спустя менее полугода большая часть революционных институтов уполномочили представителей действовать исключительно на реализацию интересов колоний. Этой позиции придерживались восемь из тринадцати колоний: Нью-Хэмпшир, Коннектикут, Пенсильвания, Мэриленд, Южная Каролина, Северная Каролина, Род-Айленд, Делавэр. Четыре из тринадцати колоний не уточняли полномочия делегатов: Виргиния, Джорджия, Массачусетс, Нью-Джерси. Только в Нью-Йорке ратовали за восстановление гармонии с Великобританией. По сравнению с 1774 годом в 1775-м установка на примирение отношений колоний с метрополией сократилась в 3,6 раза [7, р. 256–264].

Результаты контент-анализа «политических текстов» — текстов инструкций делегатов на Второй Континентальный конгресс — показали изменение символов политической коммуникации. На протяжении семи месяцев 1774–1775 годов сократилось использование слов-символов «Великобритания», «британский», «Англия» на 63%. Обратный процесс наблюдается с использованием слов-символов, имеющих отношение к Соединённым Колониям: их количество возрастает на 29%. Изменялось соотношение слов-символов, относящихся к институтам власти в Британской Америке и Великобритании: на 57% увеличилось употребление «Континентальный конгресс», в то время как «Британский парламент» и «Его величество король Георг III» употреблялись на 51% меньше [7, р. 456–468].

Рождение первой политической нации в Западном полушарии требовало специфического языка «политической коммуникации» для формирования её идентичности. Уменьшение использования семантического поля, связанного с Великобританией, проходило одновременно с зарождением новых языковых средств внутри североамериканского населения Британской Северной Америки.

Список источников

1. Будаев Э. В., Чудинов А. П. Зарубежная политическая лингвистика. М. : Наука ; Флинта, 2008. 352 с.
2. Будаев Э. В., Чудинов А. П. Современная политическая лингвистика. Екатеринбург : УрГПУ, 2006. 252 с.
3. Ворошилова М. Б. «Политическая лингвистика»: вехи развития // Педагогическое образование в России. 2014. № 1. С. 45–48.
4. Пименова М. В. Политическая концептуальная система // Политическая лингвистика. 2010. № 2 (32). С. 47–57.
5. Романов А. А. Политическая лингвистика: функциональный подход. М. ; Тверь : ИЯ РАН ; ТвГУ, 2002. 191 с.
6. Синельникова Л. Н. Политическая лингвистика: координаты междисциплинарности // Политическая лингвистика. 2009. № 30. С. 41–47.
7. Journals of the Continental Congress, 1774–1789: in 34 vols. Vol. 1. / ed. by J. Edwin Hendricks. Washington : U. S. Govt. Print. Off., 1904. 650 p.

УДК 159.9.072.43

Ю. С. Ткаченко,

*магистрант кафедры глубинной психологии и психотерапии,
психологический факультет, Таврическая академия (с. п.),
Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского, Симферополь*

Л. К. Валеева,

*старший преподаватель кафедры иностранных языков № 2,
Институт иностранной филологии, Таврическая академия (с. п.),
Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского, Симферополь*

научный руководитель — Е. В. Чёрный,

*доктор психологических наук, профессор,
декан психологического факультета, Таврическая академия (с. п.),
Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского, Симферополь*

ПСИХОСЕМАНТИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ МИФОЛОГИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

В данной работе исследуется структура операционального кода политического сознания личности, являющегося предметом исследования. Операциональный код политического сознания включает знания и представления о политической реальности и формируется в про-

цессе политической социализации. Однако формирование и последующая трансформация политического сознания происходит также под влиянием мифологического компонента политического дискурса. В связи с этим исследовательская работа проводится в два этапа и включает следующие результаты: 1) изучение операционального кода политического сознания с помощью психосемантического подхода; в рамках политического дискурса «Крымской весны» было выявлено наличие ключевых концептов: «свой» — «чужой»; 2) структурно-морфологическое исследование мифологического пространства политического дискурса «Крымской весны». На данном этапе исследования были выявлены ключевые сказочные функции, по которым строится политический дискурс «Крымской весны».

Ключевые слова: политический дискурс, политическое сознание, концепт, мифологическое пространство, сказочные функции, психосемантический подход, личность.

The research article investigates the structure of the operational code of the political consciousness of the personality. The operational code of political consciousness includes the knowledge and ideas about political reality and is formed in the process of political socialization. However, the formation and subsequent transformation of political consciousness also occurs under the influence of the mythological component of political discourse. In this regard, the research work is carried out in two stages and includes the following results: 1) the research of the operational code of political consciousness by the psychosemantic approach; two main concepts, within the framework of the political discourse of the “Crimean Spring”, were identified: “own” — “alien”; 2) the structural and morphological research of the mythological space of the political discourse of the “Crimean Spring”. At this stage of the research, the key fairy-tale functions were identified, as a result the political discourse of the “Crimean Spring” was developed.

Keywords: political discourse, political consciousness, concept, mythological space, fairy-tale functions, psychosemantic approach, personality.

Введение

В ходе практически-деятельностного усвоения личностью особой формы социальной культуры общества — политики, весьма интересным объектом исследования является человек, активно интересующийся социально-политической сферой. У личности, вовлечённой в политическую жизнь страны и находящейся в сфере влияния политического дискурса, формируется политическое сознание. Политический дискурс имеет структуру волшебной сказки, общим компонентом которых являются сказочные функции.

Научная проблема исследования основывается на двух ключевых положениях: 1) специфическое отражение политического дискурса

«Крымской весны», его категоризация фиксируется в политическом сознании крымчан с помощью концептов «свой» — «чужой»; 2) выявление сказочных функций в структуре политического дискурса позволяет говорить о наличии мифологического пространства в политическом дискурсе.

Первый этап исследования представляет собой психосемантический анализ политического дискурса «Крымской весны». Под политическим дискурсом «Крымской весны» мы понимаем ряд текстов президента В. В. Путина, связанных с совокупностью социальных, культурных и психологических факторов в событийном поле «Крымской весны», в которых базовыми концептами являются концепты «свой» — «чужой». Под концептом понимается «ментальная единица, то есть то, что индивид думает, воображает, предполагает, знает об объектах мира, и то, что зафиксировано в языке при помощи слов, составных наименований и фразеологизмов» [4]. Актуализация концептов «свой» — «чужой» в политическом дискурсе является одной из основных форм манипуляции политическим сознанием адресата [3; 11].

С целью выявления особенностей блоков политического сознания крымчан были применены ассоциативный эксперимент и психосемантический метод цветowych метафор и ассоциативный эксперимент [2; 10]. Результаты ассоциативного эксперимента показали несущественную разницу в ассоциациях исследуемых групп относительно объектов политической реальности «Крымской весны». Нам удалось выявить характер представленности определённых компонентов концептов «свой» — «чужой» в политическом сознании крымчан, выявить их субъективное сходство друг с другом, а также получить объективную информацию о представлениях и отношениях крымчан к объектам политической реальности «Крымской весны». В частности, можно утверждать следующее.

1. Объекты политического мира, содержащиеся в концепте «свой» и отражённые в политическом дискурсе «Крымской весны», воспринимаются автором политического текста и крымчанами положительно. Народ Украины — это «братский народ», «братская страна», «жалость», «слёзы», «переживания». Тем не менее Украина является компонентом концепта «свой» только для тех студентов, для которых она ассоциируется с домом. В представлении остальных студентов, служащих и пенсионеров Украина — это слабая, агрессивная, циничная и нестабильная страна, вызывающая ощущения несправедливости и недоверия, ассоциируется с обманом и украинскими властями до государственного переворота. Из этого следует, что компонент «Украина» для групп служащих и пенсионеров входит в структуру концепта «чужой».

2. Объекты политического мира, содержащиеся в концепте «чужой», воспринимаются автором политического текста и крымчанами в основном отрицательно. Исключением являются народ Германии, Китай и Индия. Данные компоненты, представляющие периферию концепта «чужой» в политическом дискурсе В. Путина в контексте «Крымской весны», вытесняются крымчанами из политического сознания. Представители власти США для крымчан — это агрессивные, хитрые и циничные люди, имеющие непосредственную связь с государственным переворотом на Украине, вызывающие чувства тревоги и недоверия, а такие компоненты концепта «чужой», как «государственный переворот на Украине» и «украинские власти после государственного переворота», тесно связаны между собой и вызывают у крымчан чувство тревоги и недоверия.

3. Метафоры «Родства» и «Дома», выявленные в политическом дискурсе В. Путина в контексте «Крымской весны» с помощью концептуального анализа, употребляются как автором политического текста, так и крымчанами по отношению к таким компонентам концепта «свой», как «Россия» и «Крым». Данное сходство объясняется тем, что успешность политического дискурса зависит от умения автора политического текста актуализировать те знания, представления, ценности и установки, которые уже существуют в сознании адресата в той или иной форме.

Второй этап исследования включает в себя структурно-морфологический анализ политического дискурса «Крымской весны», с помощью которого были выделены действующие лица и их сказочные функции: а) главные герои — Крым, Россия; антагонисты — США, коммунисты, новые власти Украины; б) обман, подвох для героя; герой покидает дом; вредительство герою; пространственное перемещение героя между двумя царствами; испытания героя выпрашиваниями, просьбами, нападениями; ложный герой, антагонист, вредитель изобличается; получение героем волшебного средства (помощь от России); герой (Крым) подвергается преследованию; вредительство (США) герою (России); начинающееся противодействие; герой и его антагонист вступают в непосредственную борьбу; ложный герой (новая власть Украины — антагонист) предьявляет необоснованные притязания; задача решается; герою даётся новый облик.

Выводы

Таким образом, с помощью психосемантического метода исследования было выявлено, что политический дискурс «Крымской весны» влияет на политическое сознание крымчан, актуализируя концепты «свой» — «чужой». В итоге проведённого исследования доказано, что в политическом сознании крымчан:

а) Россия и В. В. Путин очень связаны;

б) Россия, в значительной мере отождествляемая крымчанами с её лидером, является сильным, уверенным и справедливым государством, которое обеспечило мирный переход Крыма в состав России, пришло на помощь в трудную для крымских властей и крымского народа минуту;

в) сформировано новое для крымского политического дискурса понятие «Крымская весна», значение которого формулируется как процесс присоединения Крыма к России;

С помощью структурно-морфологического анализа были выявлены сказочные функции действующих лиц политического дискурса как структурирующие его мифологическое пространство элементы. Структурно-морфологический метод исследования показал, что структурное строение политического дискурса соответствует структуре волшебной сказки, а действующие политические герои выполняют определённые функции.

Таким образом, данная статья раскрывает новые пути исследования политического дискурса, а также выявляет элементы русского фольклора в политической культуре.

Список источников

1. *Аскольдов С. А.* Концепт и слово // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста. Антология. М., 1997. С. 267–279.
2. *Калина Н. Ф., Чёрный Е. В., Шоркин А. Д.* Лики ментальности и поле политики. Київ : Агропромвидав України. 1999. 184 с.
3. *Карасик В. И.* Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград : Перемена, 2002. 477 с.
4. *Лихачёв Д. С.* Концептосфера русского языка // Известия РАН. Сер. лит. и. яз. 1993. Т. 52. № 1. С. 3–9.
5. *Ольшанский Д. В.* Основы политической психологии. Екатеринбург : Деловая книга, 2001. 496 с.
6. *Попова З. Д., Стернин И. А.* Очерки по когнитивной лингвистике. 3-е изд. Воронеж, 2003.
7. *Петренко В. Ф.* Психосемантика сознания. М., 1988.
8. *Пропп В. Я.* Морфология сказки. Л. : Academia, 1928.
9. *Пропп В. Я.* Исторические корни волшебной сказки. М. : Лабиринт, 2000. 416 с.
10. *Соломин И. Л.* Современные методы психологической экспресс-диагностики и профессионального консультирования. СПб. : Речь, 2006.
11. *Шейгал Е. И.* Семиотика политического дискурса. М. : ИТДГК «Гнозис», 2004. 326 с.

С. Е. Чернобай,
старший преподаватель кафедры английской филологии,
Институт иностранной филологии, Таврическая академия (с. п.),
Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского, Симферополь

SEMANTIC PECULIARITIES OF THE AMERICAN IDIOMATIC SLANG

The growing interest of the linguists in the end of XX — in the beginning of XXI centuries to the issues of studying modern literary languages variability as well as the stylistic differentiation of their vocabulary define the topicality of the research. The aim of the paper is to reveal the semantic peculiarities of the American idiomatic slang using the methods of componential and semantic analyses. The results got can be used in the further researches in Linguistic Culturology, Stylistics and Inter-cultural communication.

Keywords: the English language, semantics, method of semantic analysis, method of componential analysis, idiom, slang.

СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ АМЕРИКАНСКОГО ИДИМАТИЧЕСКОГО СЛЕНГА

Возрастающий интерес лингвистов конца XX — начала XXI века к проблемам изучения вариативности современных литературных языков, а также их стилистической дифференциации определяет актуальность исследования. Цель работы состоит в выявлении семантических особенностей идиоматического американского сленга с помощью методов компонентного и семантического анализа. Полученные результаты могут быть использованы в дальнейших исследованиях по лингвокультурологии, стилистике и межкультурной коммуникации.

Ключевые слова: английский язык, семантика, метод семантического анализа, метод компонентного анализа, идиома, сленг.

Many distinguished linguists of the first half of XX century wrote about the social determination of the language phenomena. They critically argued the necessity of the language study only in its ideal (literary, standard, normative) variant. It has become undoubtable that the choice of the language norm, style, and definite grammatical, lexical or phonetic units is relevantly predictable on the basis of speech genre, situation, speech act conditionality

or such extralinguistic factors as gender, age, education, social origin or position of the speaker [1, p. 20]. Traditionally the scientists divide the English vocabulary into three layers: neutral, literary, and colloquial ones. The stylistic differentiation of the language determines the norm of the speech behaviour and simultaneously gives the possibility of violating this norm [5, p. 266]. New lexical and phraseological units (including slang) are located in the periphery of the language system, mainly on its border. If they denote important social notions or realia, these units can penetrate the centre of the language system [2].

Although the idiomatic slang of the American variant of English has already become the object of the scientific researches it still needs further scrutiny because of constant vocabulary replenishment. The national variant of the language is a kind of the national language used by different ethnoses in definite countries; it gets its national autonomy without having significant systematic and structural divergence [3, p. 411–412]. The scientists also highlight the power of American English to influence other national variants of English.

It is necessary to stress that the American phraseology has developed on the territory of the USA, thus comprising the facts and realia of geography, history, social, cultural, political, and other factors. The democratization of American English leads to the growing interaction of a literary language norm and slang idiomatics; to the active usage of slang idioms in the Mass Media, literary prose and everyday speech [2].

Slang is “1. very informal usage in vocabulary and idiom that is characteristically more metaphorical, playful, elliptical, vivid, and ephemeral than ordinary language. 2. speech or writing characterized by the use of vulgar and socially taboo vocabulary and idiomatic expressions. 3. the jargon of a particular group, profession, etc. 4. the special vocabulary of thieves, vagabonds, etc.; argot; cant” [7, p. 1257]. Slang words and expressions are “intentional substitutes for neutral or elevated words and expressions” [4, p. 68]. Their appearance and existence psychological reason can be the striving for novelty of expression. Idiom is “an expression whose meaning is not predictable from the usual grammatical rules of a language or from the usual meanings of its constituent elements” [7, p. 668].

New slang idioms better reveal the changing situation, new cultural and historical conditions, and realia of the linguacultural community. This can be proved by the magazines, lexicographical resources and informants' survey. Thus, American idiomatic slang is an integral part of the phraseological system of the language. Constant replenishment of the vocabulary and phraseological stock contributes greatly to the fulfilling of the main language function, i. e. a communicative one [2].

Using the method of continuous selection, 180 idioms were chosen [6]. According to their semantics the idioms can be classified into several groups:

1) “achieving success” by all means, which may include both honest and dishonest ways: *to get into the act; a hard/tough act to follow; to get one’s act together; ace in the hole; to bat a thousand; big time; to cook with gas/electricity/radar*. Some of the actions lead to one’s “failure” which is the opposite of success: *dead duck; to get/have the deadwood; no dice; to get/have the drop on; behind the eight ball; fall guy; to fix someone’s wagon; Chinaman’s chance*, etc.;

2) “people’s characteristics” which includes both the appearance of people, their features of character and actions: *bad mouth; an old dog; basket case; (strictly) for the birds; cat’s whiskers; cheap Charlie; couch potato; cracker jack; crazy like a fox; fancy Dan; sack rat*;

3) “illegal activities and their participants”: *bag job; beltway bandit; to put the bite on; to blow someone away; chicken ranch; con artist; on/at the creep; creep joint; to dust off; to do a/the Dutch act; to pull a fast one; five-finger discount*;

4) “feelings and emotions”: *up in the air; to have ants in one’s pants; to go ape; bad hair day; to ball it up; to blow one’s stack; to break someone up; to have a case on; drop dead!*;

5) “sexual activity”: *AC/DC; to beat meat; blow job; booty bandit; to lose one’s cherry; date rape; diesel dyke; easy rider; f*ck buddy*;

6) “social position”: *big boy; big bug; big shot; big cheese; big daddy; big enchilada; big fish; big noise; Dickless Tracy; fat cat*;

7) “social relations”: *ace boon coon; arm candy; to bawl someone out; bitch slap; on the carpet; to chew someone out; to do dirt; to give someone the finger*;

8) “drugs”: *Acapulco gold; angel dust*;

9) “money”: *big bucks; dead president; funny money*;

10) “social injustice”: *bum rap; camel jockey; in Dutch*.

The most numerous groups are “achieving success”, “people’s characteristics”, “illegal activities and their participants”, “feelings and emotions” and “sexual activity”. The groups “social position”, “social relations”, “drugs”, “money”, “social injustice” are less numerous.

The research proves that the idiomatic layer of the language, especially including slang, depicts the social processes going on in the society. The idioms also contain some cultural and historical information. Being the result of the cognitive activity of witty people, phraseology gets its own role in the process of categorization and conceptualization of the human’s reality.

Список источников

1. *Петренко А. Д.* Проблемы социальной дифференциации языка в современной лингвистике // Социолингвистические проблемы вариативности языка как целостной структуры. М. : Перо, 2015. С. 18–101.
2. *Прошина Т. А.* Номинация американского сленга посредством фразеологии [Электронный ресурс] // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2 : Филология и искусствоведение. 2010. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nominatsiya-amerikanskogo-slenga-posredstvom-frazeologii-retsenzirovana> (дата обращения: 15.11.2017).
3. *Селіванова О.* Сучасна лінгвістика : термінологічна енциклопедія. Полтава : Довкілля-К, 2006. 716 с.
4. *Скребнев Ю. М.* Основы стилистики английского языка. 2-е изд., испр. М. : ООО «Изд-во АСТ» ; ООО «Изд-во Астрель», 2000. 224 с.
5. *Стилистика английского языка : учебник / А. Н. Мороховский [и др.].* Київ : Выща шк., 1991. 272 с.
6. *Ayto J., Simpson J.* Oxford Dictionary of Modern Slang. 2nd ed. NY : Oxford University Press, 2010. 408 p.
7. *Random House Webster's College Dictionary.* NY : Random House, 1992. 1568 p.

УДК 811.111

М. В. Беловенцева,

*ассистент кафедры английской филологии,
Институт иностранной филологии, Таврическая академия (с. п.),
Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского, Симферополь*

Н. Н. Трунченкова,

*старший преподаватель кафедры английской филологии,
Институт иностранной филологии, Таврическая академия (с. п.),
Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского, Симферополь*

ОТРАЖЕНИЕ ГЕТЕРОСТЕРЕОТИПОВ ВО ФРАЗЕОЛОГИЗМАХ С КОМПОНЕНТОМ-ЭТНОНИМОМ «DUTCH»

В работе исследуется происхождение коннотаций этнонима «Dutch» («голландский») в составе фразеологических оборотов на материале, полученном методом сплошной выборки из лексикографических источников. Делается вывод, что наличие пренебрежительной коннотации не является отражением отрицательного отношения к конкретной группе, а иллюстрирует феномен межгрупповой дискриминации, обобщённо маркируя иностранное как чуждое и непонятное.

Ключевые слова: этноним, фразеологизм, гетеростереотип.

VERBALIZATION OF HETEROSTEREOTYPES THROUGH IDIOMS WITH AN ETHNONYMIC COMPONENT “DUTCH”

The paper examines the origin of connotations the ethnonym ‘Dutch’ has developed as an idiom constituent as exemplified in the selection from lexicographic sources by means of the continuous sampling method. It has been concluded that presence of pejorative connotations doesn’t reflect negative attitude towards a group, but illustrates the phenomenon of out-group derogation and generally characterizes something foreign as alien and incomprehensible.

Keywords: ethnonym, phraseological unit, heterostereotype.

Согласно теории социальной идентичности Генри Тэджфела, индивиды склонны видеть свою этническую общность в положительном свете (внутригрупповой фаворитизм), что является естественным социально-психологическим механизмом поддержания самоуважения и сохранения этнической культуры [5]. Обратной стороной этого феномена является межгрупповая дискриминация — отрицательная оценка других этнических групп.

Одним из проявлений внутригруппового фаворитизма и межгрупповой дискриминации является существование этнических стереотипов. Гетеростереотипы (стереотипы других этнических групп) вызывают появление у этнонимов коннотаций, часто отрицательных, что наиболее ярко проявляется в их функционировании в качестве компонентов ФЕ. Как отмечает Г. П. Гулик, «причины образования определённых коннотаций у этнонимов носят экстралингвистический характер: они связаны с историческим, политическим, религиозным и психологическим контекстом существования данных лексем и их референтов» [1, с. 87].

В результате отбора методом сплошной выборки из англо-русских и англо-английских фразеологических словарей ФЕ с компонентом «Dutch» мы пришли к выводу, что данный этноним является одним из самых продуктивных с точки зрения способности входить в состав фразеологизмов (14 ФЕ).

В составе фразеологизмов ‘Dutch’ приобретает коннотацию «неанглийский, неподдающийся пониманию»: *double Dutch* — тарабарщина; *or (unless) I’m a Dutchman, I’m a Dutchman if* — «провалиться мне на этом месте, если...». Кроме того, данное слово обрело пренебрежительную коннотацию «ненастоящий, поддельный, противоречащий установленному порядку»: *a Dutch treat* — развлекательное мероприятие, например ужин в ресторане или посещение кинотеатра, в ходе которого общий счёт делится поровну на всех или каждый оплачивает за себя;

Dutch auction — аукцион с понижением цены; **Dutch courage** — смелость во хмелю; **Dutch comfort (consolation)** — слабое утешение.

Отрицательную коннотацию в первую очередь объясняют историческим противостоянием Англии и Голландии как ведущих морских держав. Соперничество за господство на море и контроль над торговыми путями привело к тому, что в XVII–XVIII веках эти страны сразились в четырёх Англо-голландских войнах, причём три из них произошли в период между 1652 и 1674 годами. Каждый раз объявление войны провоцировало новый виток пропаганды, которая оказывала влияние на мнение обоих народов друг о друге, что в конечном счёте привело к появлению стереотипичного образа голландца как скупого, бесчестного и злоупотребляющего алкоголем. На самом деле лишь некоторые ФЕ с компонентом «Dutch» являются современниками тех конфликтов, например: **Dutch feast** (пирушка, на которой хозяин напивается раньше гостей), **Dutch reckoning** (неоправданно завышенный счёт за товары или услуги, сумма которого ещё больше увеличивается, если клиент высказывает возмущение) и **Dutch widow** (проститутка) [3].

Прочие «голландские» фразеологизмы возникли не ранее XVIII века по старой памяти как имитация фраз более раннего происхождения. **Dutch concert** (коллективное пение, при котором каждый поёт своё), **Dutch comfort**, **Dutch feast** и **Dutch reckoning** обнаруживаются в изданном в 1811 году *Dictionary of the Vulgar Tongue* Френсиса Гроуза [2].

Тем не менее утверждение, что коннотации, которые имеет этноним «Dutch» в современном английском языке, возникли исключительно вследствие традиционного антагонизма между Англией и Голландией, было бы поспешным обобщением. По мнению Майкла Квиниона, британского этимолога и соавтора Оксфордского словаря английского языка, происхождение некоторых ФЕ с компонентом «Dutch» часто неверно соотносят со временем и местом [3]. Учёный утверждает, что ФЕ **go Dutch** (платить поровну) и **a Dutch treat** впервые возникли в Америке в XIX веке. Эти фразы вошли в обиход в результате наблюдений за голландскими иммигрантами, которые имели привычку настаивать на том, чтобы самостоятельно оплатить свой счёт. Таким образом, данные фразеологизмы не обязательно несут пренебрежительную коннотацию: *Last term the pair (Prince William and Kate Middleton), who were housemates, dodged attention by going out for early dinners at favorite local spots like the Oak Rooms, where they especially enjoyed the chicken fajitas. "They're always very affectionate and smoochy," reports one observer. And, just like ordinary college kids, he adds, they "always go Dutch on the check"* [4, с. 78].

Ряд ФЕ с компонентом «Dutch», в частности вышеназванные **Dutch feast** и **Dutch courage**, несут пейоративную коннотацию «вызванный

употреблением алкоголя» и предполагают намёк на стереотипный образ голландцев как злоупотребляющих выпивкой. В этом же ряду стоит выражение *Dutch bargain*, которое, согласно словарю Мерриам Вебстер, означает сделку, заключённую в процессе совместного распития алкогольных напитков, в то время как Кембриджский словарь определяет *Dutch bargain* как нечестный договор продажи, в результате подписания которого одна сторона договора получает преимущество над другой. Хотя фраза *Dutch courage* и могла возникнуть как намёк на то, что голландцы способны демонстрировать храбрость только в нетрезвом состоянии, существует несколько других возможных путей появления этой ФЕ. Один из вариантов гласит, что голландские купцы были единственными, кто отважился войти в лондонские порты во время Великой чумы. Другая версия связывает *Dutch courage* с голландским джином, поскольку этот напиток был изобретён голландским химиком Франциском Сильвием в XVII веке. Английские солдаты высоко оценили успокаивающее действие джина перед битвами Тридцатилетней войны, а к началу XVIII века джин получил в Англии такое распространение, что пришлось ввести ограничения на его продажу.

Таким образом, «Dutch» как компонент фразеологических оборотов обладает пейоративной коннотацией, которая возникла в результате исторических контактов англичан и американцев с голландцами в разные периоды и при разных обстоятельствах. Эта коннотация отражает гетеростереотип голландцев как прижимистых и склонных к злоупотреблению алкоголем. Однако изучение происхождения некоторых ФЕ позволяет сделать вывод, что наличие пренебрежительной коннотации не является отражением отрицательного отношения к конкретной группе, а иллюстрирует феномен межгрупповой дискриминации, обобщённо маркируя иностранное как чуждое и непонятное.

Список источников

1. Гулик Д. П. Вторичные этнонимы и отэтнонимические дериваты английского языка в свете языковой картины мира // Ономастика и диалектная лексика: сб. науч. тр. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 1999. Вып. 3. С. 81–96.
2. Grose F. 1811 Dictionary of the Vulgar Tongue [Electronic resource]. URL: <http://www.gutenberg.org/cache/epub/5402/pg5402-images.html> (date of reference: 08.11.2017).
3. Quinion M. World Wide Words. Investigating the English language across the globe [Electronic resource]. URL: <http://www.worldwidewords.org/qa/qa-goi3.htm> (date of reference: 08.11.2017).
4. Schindehette S. Princes in Love // People, 2005. Vol. 64, Iss. 6. P. 78–81.
5. Tajfel H. Social identity and intergroup relations. Cambridge University Press, 1982. 528 p.

Э. Н. Эмирусейнова,

*старший преподаватель кафедры № 3,
Институт иностранной филологии, Таврическая академия (с. п.),
Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского, Симферополь*

ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ГЛАГОЛЬНЫХ СОМАТИЧЕСКИХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ АНГЛИЙСКОГО, РУССКОГО И КРЫМСКОТАТАРСКОГО ЯЗЫКОВ

Проведён анализ общего и специфического в структуре, лексико-морфологическом составе и семантике английских, русских, крымскотатарских глагольных соматических фразеологизмов. Выявлены закономерности в их структурной организации.

Ключевые слова: анализ общего и специфического в структуре, лексико-морфологическом составе и семантике фразеологизмов, фразеологические соответствия.

The comparative analysis of verbal somatic phraseologic units of the English, Russian and Crimean Tatar languages is conducted in the article. The common and specific features in the structure, lexico-morphological content and semantics of English, Russian and Crimean Tatar verbal somatic phraseologic units have been identified.

Keywords: lexico-morphological content and semantics of English, Russian and Crimean Tatar verbal somatic phraseologic units, the common and specific features in the structure.

В данной статье рассматривается один из самых многочисленных типологически однородных разрядов соматической фразеологии английского, русского, крымскотатарского языков — глагольные соматические фразеологизмы номинативного и номинативно-коммуникативного классов, которые могут выступать в предложении в функции сказуемого, например, англ. lose one's head; break smb's heart; ср. рус. потерять голову, разбить сердце; ср. кр.-тат. башыны джоймакъ, юре-гени парчаламакъ.

Самым распространённым типом фразеологизмов сопоставляемых языков являются лексические варианты. Для них характерна замена одного из компонентов, чаще глагольного, как, например, англ. get (put, set) smb.'s back up; trample (tread) smb., smth. under foot; ср. рус. защищать (стоять) грудь; ср. кр.-тат. кокуюсь (кьорчаламакъ) гечирмек. Встречается и варьирование именных компонентов,

ср. рус.: не сходить с языка (с уст); ср. англ. find one's feet (legs); ср. кр.-тат. элинъи (аягъыны) тутмакъ.

Взаимозаменяемые лексемы в большинстве случаев находятся в отношениях семантической или ассоциативной близости; а) синонимической: ср. англ. lay (put) one's finger on smth.; ср. рус.: держать себя в руках; ср. кр.-тат. элинъи (аягъыны) тутмакъ, б) метонимической: ср. англ. shorten the arm (hand) of smb.; ср. рус. нести на плечах ношу, в) принадлежащие к одной тематической группе: ср. англ. break the back (neck) of smb., smth.; ср. рус. показать зубы (когти); ср. кр.-тат. тиш (тырнакъ) костермек.

Грамматические варианты свойственны фразеологизмам в сопоставляемых языках, они чаще встречаются среди исследуемых единиц русского языка, что обусловлено богатой грамматической синонимией, многочисленными параллельными формами на разных уровнях: фонетическом, морфологическом, синтаксическом. Для грамматических вариантов глагольных фразеологизмов языка самыми характерными являются морфологические варианты: они включают образования с уменьшительно-ласкательными суффиксами; ср. рус.: погладить по голове (головке); расправить крылья (крылышки); ср. кр.-тат.: башынъы (башчыгъынъы) сыйпамакъ. Варианты подобного типа не свойственны фразеологизмам английского языка. Среди английских фразеологизмов самыми распространёнными грамматическими вариантами являются синтаксические варианты с постпозитивным определением типа in smb's hand; with the head of smb, которые не характерны для исследуемых единиц русского и крымскотатарского языков.

В составе фразеологизмов существуют полные и сокращённые разновидности одной и той же фразеологической единицы, так называемые квантитативные варианты: ср. англ. put one's shoulder (to the wheel), и ср. кр.-тат. табанларыны ягъламакъ, ср. рус. стоять на своих ногах; совать свой нос; зарубить у себя на носу; ср. кр.-тат. бурнынъы сокъмакъ, аягъынъынъ чорабы олмакъ (тур.).

Среди рассматриваемых фразеологизмов английского языка преобладает простая вариантность, преимущественно лексическая.

Анализ лексического состава исследуемых фразеологизмов показывает, что в сопоставляемых языках большинство именных соматических и значительная часть глагольных компонентов принадлежат к древнейшему слою исконной лексики, характеризующейся особой устойчивостью, высокой частотностью и богатой семантической структурой.

В большинстве случаев потенциал слова находится в прямой зависимости от его смысловой структуры: чем больше значений имеет полисемантическое слово, тем больше фразеологизмов, в которых это слово выступает компонентом. Так, например, англ. head входит в состав 30 фразеологизмов исследуемого типа, hand — 193, heart — 95,

ср. рус.: рука — 90, сердце — 108; ср. кр.-тат. агъыз — 45, баш — 35, аякъ — 20, козь — 65. Продуктивность соматизмов определяется функциональной активностью и исключительно важной ролью в жизни человека их референтов.

Продуктивность лексических соматизмов как в английском, так и в русском, крымскотатарском языках характеризуется активным использованием многих соматических лексем в составе глагольных соматических фразеологизмов сопоставляемых языков. Самыми продуктивными именными компонентами глагольных соматических фразеологизмов сопоставляемых языков выступают одни и те же соматические лексемы, лишь в иной последовательности относительно частотности употребления во фразеологической единице (англ.: head, leg/foot, head, eye, heart; рус.: глаза, рука, сердце, голова, нога; ср. кр.-тат.: баш, козь, агъыз, аякъ). Вокруг высокочастотных соматических компонентов в сопоставляемых языках группируются около половины всех исследуемых фразеологизмов.

Специфической особенностью использования лексических соматизмов в сопоставляемых языках является разный, контрастный образовательный потенциал некоторых соматических лексем. Так, например, в английском языке можно встретить фразеологизмы с соматическими лексемами stomach, spleen, chin, knuckles, jaw (have no stomach for smth.; keep one's chin up); в русском языке — желудок, селезёнка, в крымскотатарском языке — къурсакъ не принимают участия в образовании фразеологизмов. В крымскотатарском языке много соматических фразеологических единиц с соматизмом аркъа (спина), кокюс (грудь).

В составе исследуемых фразеологизмов преобладают различия, специфические для каждого языка черты. Среди фразеологизмов английского языка больше по сравнению с русским активных глагольных компонентов. Ряд глагольных лексем рассматриваемых фразеологизмов характеризуется неодинаковой, контрастной продуктивностью: ср. англ. be, get, set, cut, come, make и их русские соответствия: быть, доставать, ставить, приходить, делать; и их крымскотатарские соответствия: корюнмек, олмакъ, бармакъ, бермек, тутмакъ. Оформление и значение категории вида глагольных фразеологизмов коренным образом отличаются в сопоставляемых языках: в английском языке она имеет комбинированный видовременной характер, в русском — обычно представлена парами совершенного и несовершенного вида, в крымскотатарском языке — только активным залогом.

В характеристике глагольных компонентов исследуемых единиц наблюдаются и некоторые сходства: набор высокочастотных глагольных лексем в целом совпадает (ср. англ.: have, put, take, keep, give и ср. рус.: иметь, положить, брать, держать, давать, и ср. кр.-тат.: алмакъ, котеръмек, бермек, этмек, тутмакъ); в составе фразеологизмов

сопоставляемых языков чаще всего встречаются глаголы, обозначающие положение, действие на объект, овладение.

Среди фразеологизмов сопоставляемых языков встречается немало единиц, лексический состав которых совпадает полностью или частично. Напр.: англ. *come to one's head* / рус. прийти в голову; *close one's eyes to smth.* / закрывать глаза на что-то; *lick smb.'s feet* / лизать пятки кому-то / кр. -тат. козь багъламакъ. Совпадения лексического состава объясняются рядом лингвистических и экстралингвистических факторов, среди которых следует назвать гомогенность частей и органов тела представителей разных этнических групп, общечеловеческий характер логического мышления.

Список источников

1. Буранов Д. Сравнительная типология английского и тюркских языков. М. : Высш. шк., 1983. 267 с.
2. Derlenen D. Турецкий фразеологический словарь. «Turk ata sozleri». Ankara : Milliyet, 1990. 359 с.
3. Кунин А. В. Курс фразеологии современного английского языка. М. : Высш. шк., 1967. 250 с.
4. Кунин А. В. Англо-русский словарь. М. : Высш. шк., 1967. 366 с.
5. Шанский Н. М. Фразеология современного русского языка. М. : Высш. шк., 1985. 240 с.

УДК 81'33

С. Е. Кушнарёва,

*преподаватель кафедры иностранных языков № 1,
Институт иностранной филологии, Таврическая академия (с. п.),
Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского, Симферополь*

Т. А. Билокур,

*студентка 4-го курса факультета математики и информатики,
направление подготовки 01.03.01 — математика,
Таврическая академия (с. п.), Крымский федеральный университет
им В. И. Вернадского, Симферополь*

РОЛЬ КОМПЬЮТЕРНОЙ ЛИНГВИСТИКИ В СОВРЕМЕННОМ ЯЗЫКОЗНАНИИ

В данной статье рассматриваются особенности функционирования и взаимодействия элементов компьютерной лингвистики (КЛ) — области знаний, связанной с решением задач автоматической обработки информации, представленной на естественном языке.

Целью работы является определение роли компьютерной лингвистики в современном языкознании как технологического средства XXI века; обозначение достижений и проблем компьютерной лингвистики в области программного обеспечения текстовых программ. Среди основных **задач** исследования необходимо выделить: 1) изучение системы построения оптимального компьютерного интерфейса средствами компьютерной лингвистики при проведении лингвистических исследований; 2) рассмотрение двух составляющих компьютерной лингвистики: декларативной и процедурной; 3) представление системы RETRANS как инноватора в компьютерной лингвистики по вопросу работы с текстовыми программами. Среди основных **методов исследования** экспериментально-теоретического уровня необходимо выделить системный анализ текстов; выделение и синтез главных компонентов; сравнение.

Ключевые слова: компьютерная лингвистика, информация, автоматизация, индексация, реферирование, концептуальный синтез, модификация.

ROLE OF COMPUTER LINGUISTICS IN MODERN LANGUAGE SCIENCE

In this article, the features of functioning and interaction of the elements of Computer Linguistics (CL) — a field of knowledge related to solving problems of automatic processing of information presented in natural language — are considered. **The aim** of the work is to define the role of computer linguistics in modern linguistics as a technological tool of the XXI century; identify the achievements and problems of computer linguistics in the field of text-based software. Among **the main tasks** of the study, it is necessary to single out: 1) studying the system of constructing an optimal computer interface using computer linguistics in carrying out linguistic research; 2) consideration of two components of computer linguistics: declarative and procedural; 3) presentation of the RETRANS system as an innovator in computer linguistics on the issue of working with text programs. Among **the basic methods of investigation** at the experimental-theoretical level, it is necessary to single out a system analysis of texts; isolation and synthesis of the main components; comparison.

Keywords: Computer linguistics, information, automation, indexing, abstracting, conceptual synthesis, modification.

Известно, что в КЛ применяются *лингвистические декларативные и лингвистические процедурные* виды средств. Декларативными видами называются словари, грамматические таблицы, тексты и другая текстовая информация. Процедурная же часть — это средства манипулирования единицами первой части, т. е. этими текстами, словарями — компьютерный интерфейс [1, с. 54].

Декларативные и процедурные средства взаимосвязаны между собой в процессе запроса обработки и в выдаче текстовой информации. Чем лучше организована взаимосвязь между ними, тем эффективнее решение прикладных задач.

Россия, США, Япония и ряд других стран — лидеры в научных и практических разработках экспериментальных и промышленных систем машинного перевода текста. Между учёными, занимающимися данным вопросом, ведутся споры, что предпочтительнее: мощные вычислительные процедуры или же мощный декларативный текстовый компонент [4, с. 179]. Считается, что интенсивная разработка компьютерных интерфейсов эффективнее и ведёт к быстрому достижению практических целей. В данный момент технологии ориентированы как раз на развитие этой части компьютерной лингвистики, но необходимо решать проблемы прикладных задач при помощи развития декларативных средств КЛ, а именно создания мощных словарей единиц языка и речи, базовых процедур лингвистического анализа и синтеза текста [6].

Намечены задачи лингвистического обеспечения процесса сбора, накопления, обработки и поиска информации, такие как автоматизация и составление текста, исправление ошибок, индексирование, классификация и реферирование документов и другое.

Важной и перспективной задачей КЛ является построение процессоров, помогающих пользователю взаимодействовать с интеллектуальными автоматизированными информационными системами (АИС) [5, с. 21].

Лингвистические процессоры, как посредники между человеком и ЭВМ, в идеале должны решать следующие задачи:

- переход от текста информационного запроса на естественный язык, к выдаче смысла данного запроса на формализованном языке;
- от исходного формализованного представления выданных сообщений доведённого смысла при выдаче информации человеку на естественном языке.

Анализ проводится после запроса, а концептуальный синтез — когда сообщение выдаётся человеку и формируется в синтаксическом и морфологическом оформлении [3, с. 201]. В данном случае для разработки компьютерного интерфейса используются двуязычные и многоязычные словари.

Система RETRANS, которая занимается работой с машинными словарями, выявила проблемы в структуре словарей [2, с. 170]. В результате были введены дополнительные словари пользователей (СП). СП нужны при машинном переводе по конкретной тематике, поскольку он может изменяться самим пользователем, а не программистом.

Разработана новая версия системы фразеологического системного перевода — программа Vista, которая реализуется в нескольких модификациях: Word Vista, Web Vista, Net Vista, Clip Vista.

Очевидным является тот факт, что КЛ играет важную роль в обработке различного рода информации, содержащейся в текстовых документах, словарях, базах данных.

Главными вопросами данной отрасли современного языкознания, связанного с компьютерной лингвистикой текстов, являются технологии индексирования смысла текста, а также синтеза при выдаче версий пользователей.

Представленная статья отражает методологическую проблему КЛ, которая заключается в соотношении декларативной и процедурной частей автоматической обработки текстов.

Учёные рекомендуют делать основной акцент на декларативные средства, т. е. усовершенствование смысловой структуры текстовой информации, поскольку на данное время компьютерный интерфейс, т. е. процедурные средства, у разработчиков доминируют.

Список источников

1. Белоногов Г. Г., Калинин Ю. П., Хорошилов А. А. Компьютерная лингвистика и перспективные информационные технологии. М. : Рус. мир, 2004. 246 с.

2. Системы фразеологического машинного перевода. Состояние и перспективы развития / Г. Г. Белоногов [и др.] // Научно-техническая информация / ВИНТИ. Сер. 2. 1998. № 12.

3. Метод аналогии в компьютерной лингвистике / Г. Г. Белоногов [и др.] // Научно-техническая информация / ВИНТИ. Сер. 2. 2000. № 1.

4. Панов Д. Ю., Ляпунов А. А., Мухин И. С. Автоматизация перевода с одного языка на другой: Сессия по научным проблемам автоматизации производства. М. : Изд-во АН СССР, 1956.

5. Убин И. И. Современные средства автоматизации перевода: надежды, разочарования и реальность // Перевод в современном мире. М. : ВЦП, 2001.

6. Компьютерная лингвистика. Мир знаний [Электронный ресурс]. URL: <http://mirznanii.com/a/115457/kompyuternaya-lingvistika> (дата обращения: 01.11.2017).

*А. Г. Службина,
преподаватель, кафедры иностранных языков № 1,
Институт иностранной филологии, Таврическая академия (с. п.),
Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского, Симферополь*

ВИРТУАЛЬНЫЙ ДИСКУРС КАК ПРЕДМЕТ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ

Данная статья направлена на изучение виртуального дискурса, его развитие и становление. В статье объясняется, чем обусловлен интерес к виртуальному дискурсу в современном мире и что даёт его изучение.

Ключевые слова: дискурс, виртуальный дискурс, лингвистика, коммуникационная среда, интернет-технологии, интернет-дискурс.

VIRTUAL DISCOURSE AS A SUBJECT OF LINGUISTIC STUDY

This article is aimed at studying of virtual discourse, its development and formation. The article explains the reasons for the interest in virtual discourse in the modern world and what its study gives to the linguists.

Keywords: discourse, virtual discourse, linguistics, communication environment, Internet technologies, Internet discourse.

Лингвистика в контексте виртуального дискурса предполагает изучение особенностей определённых выражений и слов, используемых в интернет-общении людей. Данная дисциплина является актуальной в современном мире в связи с бурным развитием высоких технологий и появлением новых жаргонов, диалектов и различных разговорных стилей.

Средства коммуникаций предоставляют широкие возможности в плане обмена информацией, благодаря чему речь людей претерпевает серьёзные изменения. В первую очередь это касается произношения, смысла слов и даже их правописания. Это определённо вызывает интерес у такой науки, как лингвистика.

Становление и развитие виртуального дискурса

Считается, что первые предпосылки виртуальных дискурсов стали появляться в 1957 году. Именно тогда специалисты из Министерства обороны США начали разрабатывать компьютерные сети, что, собственно, и стало переломным моментом во всей истории представленной дисциплины.

Наконец, в 1969 году удалось передать сигнал с одного компьютера на другой на расстоянии около 600 км. Конечно, назвать это предметом изучения лингвистики тогда не представлялось возможным. Однако с появлением первого программного обеспечения (в 1971 г.), позволявшего совершать обмен письмами, все состоятельные люди из стран Запада уже начинали формировать крупнейшую сеть для общения, внутри которой есть свои собственные стили, жаргоны, диалекты и другое.

Таким образом, виртуальный дискурс в 70–80-х годах становится всё более обширным. Происходит это благодаря непрерывной генерации контента и привлечению новых пользователей из других стран.

Что способствует расширению дискурса в виртуальной сети

По данным Международного союза электросвязи от 22 июля 2016 года, число людей в мире, имеющих доступ к интернету, составляет 3,5 миллиарда человек. Данные измерялись в процентном и количественном соотношении. Например, в Китае — около 730 тысяч пользователей интернета (рекордное количество), Европа пока также является рекордсменкой, но уже в плане процентов (75% европейцев обладают доступом к Всемирной паутине).

Основным фактором в данном вопросе является степень развитости того или иного государства. Если сравнить долю пользователей из США (около 65%) и Африки (25%), разница будет очевидна — 40%.

Другими факторами, влияющими на количество людей в интернете в разных странах, являются культура, ценности, а также уровень жизни. От них зависит формирование контента и расширение виртуального дискурса в плане лингвистики.

Особенности виртуального дискурса в России

Россия занимает шестое место по количеству людей, использующих интернет. Соответственно, Рунет (российский интернет) также обладает немалым количеством контента, чем и объясняется появление новых слов и разнообразных стилей.

Приведём примеры изменённых русскоязычными пользователями смыслов и произношения слов из русского словаря:

- «собсна» — краткая форма слова «собственно»;
- «шляпа» — обозначение того предмета, который является нелепым или непонятным («это не пицца, а шляпа какая-то»);
- «офигеть» — слово, имеющее смысл «удивиться» (например: «я просто офигел!»);
- «пивас» — видеоизменённое название напитка «пиво» (например: «давайте-ка по пивасу!»);

- «присобачить» — разговорное слово, обозначающее действие присоединения (например: «присобачить полку к стене»);

- «геймер» — жаргонное слово, обозначающее человека, играющего в видеоигры (от англ. слова «gamer/game»).

Подобных слов тысячи. Они могут появляться и быть характерными только для определённых территорий, профессиональных сфер или для одного круга общения.

Особенность именно русского виртуального дискурса заключается в том, что русский и так является одним из самых сложных и многообразных языков в мире. Потому здесь существует гораздо больше видоизменённых слов, жаргонов, диалектов и прочего.

Наиболее известными русскими лингвистами, занимающимися изучением виртуального дискурса, являются такие личности, как Л. Ю. Иванова, Е. Н. Галичкина, В. Ю. Нестеров, Д. В. Галкина.

Заключение

Бурное развитие интернет-технологий способствует появлению новых жаргонов, диалектов и видоизменённых слов. По причине появления нового контента, непрерывного обмена информацией и общения виртуальный дискурс становится всё более сложным и обширным.

Это привлекает лингвистов всего мира изучать лексику, постоянно претерпевающую изменения, и систематизировать полученные знания.

В статье приведены примеры изменённых (или позаимствованных из другого языка) русских слов, применяющихся в разговорной письменной речи, и в кратком общем виде описан виртуальный дискурс.

Список источников

1. *Байчибаев А. Ф.* Интернет-дискурс как особая разновидность дискурса // Молодёжный научный форум: гуманитарные науки : электр. сб. ст. по материалам XXV студ. междунар. заочной науч.-практ. конф. М. : МЦНО. 2015. № 6 (24). URL: [https://nauchforum.ru/archive/mnf_humanities/6\(24\).pdf](https://nauchforum.ru/archive/mnf_humanities/6(24).pdf)

2. *Асмус Н. Г.* Лингвистические особенности виртуального коммуникативного пространства / Челябин. гос. ун-т. 2005. URL: <http://www.lib.csu.ru/texts/diss/002689.pdf>

3. Неизвестный автор. Пользователи интернета в мире // сайт <http://www.bizhit.ru>. URL: http://www.bizhit.ru/index/polzovateli_interneta_v_mire/0-404.

М. И. Буйневич,

*бакалавр направления подготовки 01.03.01 — математика,
Таврическая академия (с. п.), Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского, Симферополь*

А. Л. Зильбершер,

*бакалавр направления подготовки 01.03.01 — математика,
Таврическая академия (с. п.), Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского, Симферополь*

Научный руководитель — А. Г. Службина,

*преподаватель кафедры иностранных языков № 1,
Таврическая академия (с. п.), Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского, Симферополь*

ЭЛЕКТРОННЫЙ ТЕКСТ. ОБЩИЕ И ОТЛИЧИТЕЛЬНЫЕ ЧЕРТЫ ГИПЕРТЕКСТА И КИБЕРТЕКСТА

В данной статье проводится исследование двух видов организации текста, который хранится в электронной среде. «Гипертекст» и «кибертекст» систематизируются по определённым параметрам и имеют совсем разные значения. В работе описываются общие и отличительные черты «гипертекста» и «кибертекста», рассматриваются их преимущества, проводится параллель с реальной жизнью.

Ключевые слова: электронный текст, гипертекст, кибертекст, текст, корпусная лингвистика.

ELECTRONIC TEXT. COMMON AND DISTINCTIVE FEATURES OF HYPERTEXT AND CYBERTEXT

The article is devoted to two types of the organization of the text which is stored in the electronic environment. “Hypertext” and “cybertext” are systemized according to certain parameters and have very different meanings. In this research common and distinctive features of “hypertext” and “cybertext” are mentioned and their advantages are examined, a parallel with a real life is drawn.

Keywords: electronic text, hypertext, cybertext, text, corpus linguistics.

Всё началось с появления в 1941 году первого компьютера. Бурно развиваются информационные технологии и компьютерная техника. В 1971 году появляется первая электронная книга Майкла Харта

«Декларация независимости США». Именно эту книгу считают первым электронным текстом. Что же такое электронный текст? В чём его преимущества?

Электронный текст — это текст, который хранится в электронной среде. В современном мире почти у каждого человека есть доступ к таким электронным гаджетам, как компьютер или ноутбук, планшет или телефон. То есть все мы благодаря развитию технологий можем создавать электронный текст. Зачем же он нужен? Как и любой текст, он несёт в себе информацию. Однако для написания электронного текста мы затратим меньше времени, чем для рукописного и, если рукописный текст пишется в одном экземпляре, то, напечатав электронный текст, можно сделать столько его копий, сколько необходимо. Многие сталкивались с ситуацией, когда для того, чтобы исправить ошибку, нужно было переписывать всю страницу (например, при написании заявления). В электронном же тексте мы можем исправить ошибку одним кликом. С появлением всемирной сети Интернет стало возможным передавать информацию на огромные расстояния всего за несколько секунд. Поэтому передача электронного текста не занимает много времени, что, безусловно, является ещё одним его преимуществом. Благодаря современным технологиям электронный текст может передавать эмоции человека с помощью такого графостилистического средства, как смайлы. Говоря о достоинствах электронного текста перед другими способами передачи информации, перейдём к понятию гипертекста.

Гипертекст — это такой вид текста, представляющий собой систему, которая составляет единство и множество текстов одновременно. Такая форма организации текстового материала предоставляет возможность человеку, который работает с одним текстом, получить доступ к другому, уточняющему смысл некоторого понятия исходного текста. Впервые гипертекст начали использовать в печатных изданиях. В некоторых литературных произведениях текст был организован таким образом, что его можно было читать не только цельно, но и переходя на определённые фрагменты. Самыми распространёнными примерами текста такого формата являются словари, справочники, энциклопедии. То есть гипертекст очень удобен и практичен, когда из большого объёма информации нам необходимо найти какое-нибудь конкретное понятие или, например, раздел книги.

Для нахождения нужного фрагмента в электронном гипертексте используются гиперссылки (линки) — некий активный элемент одного электронного текста, при нажатии на который происходит переход к другому такому тексту или его элементу. Гиперссылка может также выступать в роли строки с адресом одной веб-страницы, размещённой

на другой веб-странице. Вся Глобальная сеть — это огромный объём информации, которую невозможно полностью изучить.

Известная российская писательница и популярный блогер Марта Кетро говорила о том, что интернет несёт читателю тонны мусора и крупинки золотого песка. В поиске этого «золотого песка» на помощь приходят гиперссылки, поэтому в основе всего того, с чем мы сталкиваемся в интернет-пространстве (сайты, поисковые системы, социальные сети и т. п.), стоит принцип гипертекста.

Электронный текст и гипертекст обладают рядом преимуществ, а именно:

- 1) позволяют организовывать объёмные информационные ресурсы;
- 2) предоставляют возможность передавать информацию на большие расстояния за считанные секунды;
- 3) допускают возможность сочетать текст с графическими, фото-, аудио- и видеообъектами;
- 4) дают возможность редактировать текст во время его создания;
- 5) упрощают образовательный процесс.

А теперь определим понятие кибертекста посредством проведения параллелей со словом, которое всем знакомо с рождения: словом «жизнь». А ведь действительно, если понять основной смысл кибертекста, вдуматься в его определение и функции, можно увидеть, что это сравнение вполне оправданно.

Итак, что же такое «кибертекст» с научной точки зрения? В 1997 году норвежский учёный Эспен Аарсет, ставший первым профессором Дании в области исследования компьютерных игр, дал определение этого понятия: «Кибертекст — это организация текста таким образом, чтобы определить значение медиума как неотъемлемой части литературной динамики». Само же слово «кибертекст» было получено от слова «кибернетика», *kybernetes* (др.-греч.) — «рулевой». Эспен Аарсет определил кибертекст как часть литературы, которую сам же назвал эргодической. Чтение такой литературы по-другому называется чтением «через не могу». В данном случае читателю требуются определённые усилия, чтобы «пройти» сквозь текст. Такие книги перестают быть классическими и превращаются в то, во что превращают их сами читатели.

Одним из главных представителей такой литературы был Милорад Павич. Самым известным его романом, опубликованным в 1984 году, получившим всемирное признание и переведённым на двадцать языков, стал «Хазарский словарь». Сквозной сюжет как таковой отсутствует. Главный вопрос «Хазарского словаря» — выбор и принятие хазарами какой-либо религии. Книга поделена на три части: «Красную», «Зелёную» и «Жёлтую». В первой излагается христианский

взгляд на хазарский вопрос, во второй — мусульманский, в третьей — еврейский. Персонажи и сюжетные линии описываются фрагментарно и под разными углами на протяжении всего текста. Благодаря такому строению можно, выбрав наиболее интересную для себя подтему, следовать за ней, не читая всю книгу. «Хазарский словарь» был первым романом в карьере сербского поэта, однако далеко не последним. Помимо него, Павич написал также «Внутреннюю сторону ветра», «Пейзаж, нарисованный чаем» и другие. Милорад Павич признавал свою «эргодичность»: «Я всегда писал свои романы так, что их можно читать и классически, и нелинейно. «Хазарский словарь» и другие мои романы можно читать от начала до конца, а можно употреблять как шведский стол. С какого края не подойти — всё равно можно взять то, что вам нужно». Данное сравнение со шведским столом абсолютно точно описывает и саму суть кибертекста.

Кибертексты основаны на том, что каждый пользователь получает не тот результат, который был кем-то запрограммирован и предопределён до него, как это бывает, например, в литературных произведениях, а тот, который напрямую зависит от выбора и действий самого пользователя. Основной идеей кибертекста является то, что дорога к получению информации имеет не меньшее значение, чем сама информация. Примером кибертекста является книга «12 Blue» Майкла Джойса. В зависимости от того, какую ссылку или какую часть диаграммы в системе выберет пользователь, он будет перенаправлен на определённую часть текста. По ходу чтения читатель пробирается сквозь случайный набор историй и страниц и пытается выстроить рассказ самостоятельно. В конечном итоге он по-настоящему не может завершить чтение целой истории или новеллы. Рассказ может так и не прийти к своему финалу. Но из-за того, что это кибертекст, завершение истории не так важно, как её влияние на читателя.

А теперь стоит задуматься над смыслом слова «жизнь». Обратимся опять-таки к научному определению этого понятия. «Жизнь — это совокупность явлений, происходящих в организмах, особая форма существования и движения материи, возникшая на определённой ступени её развития». «Жизнь — это физическое существование человека, животного»... На самом деле в мире существует более ста определений понятия «жизнь», и многие из них противоречат друг другу. Немецкий философ Ф. Энгельс, например, дал следующее понятие жизни: «Жизнь — есть способ существования белковых тел, существенным моментом которого является постоянный обмен веществ с окружающей их внешней природой, причём с прекращением этого обмена веществ прекращается и жизнь, что приводит к разложению белка». Российский учёный М. В. Волькенштейн определил жизнь как

открытые, саморегулирующиеся и самовоспроизводящиеся системы, построенные из биополимеров — белков и нуклеиновых кислот, а вот один из основоположников танатологии М. Биша говорил о жизни как о совокупности явлений, сопротивляющихся смерти.

Многие учёные рассуждали о значении слова «жизнь» и давали свои определения этого понятия. Однако все они рассматривали жизнь с биологической точки зрения. А ведь у данного понятия есть и другая сторона... Жизнь отдельного индивида — это не только период с момента его зарождения до смерти. Это череда тех выборов, поступков, решений, которые он принимает на протяжении этого периода. Жизнь человека — это его вклад в историю, причём в данном случае речь идёт не об истории человечества, а о его собственной, о поставленных целях и путях их достижения, о возникающих проблемах и способах их решения, о полученных шансах и умении ими рационально воспользоваться — о том, что каждый выбирает для себя сам. Здесь нет определённого алгоритма действий. Жизнь — это творческий процесс. Такой же творческий, как и кибертекст.

Говоря об основной идее кибертекста, мы отметили, что дорога к получению информации имеет не меньшее значение, чем сама информация. А ведь в жизни работает тот же закон. Многие люди, упорно идя к своей цели, упускают самое главное — процесс её достижения. Американский писатель Дэвид Вонг сказал: «Люди бросают дело на полпути, потому что результаты видны не сразу, потому что они не могут представить себе, что процесс — это и есть результат».

Итак, подводя итоги, можно выделить следующие общие и отличительные черты гипертекста и кибертекста:

Общие черты:

- гипертекст и кибертекст являются видами электронного текста;
- имеют сложную структуру, состоящую из основного текста и ссылок;
- способны вмещать огромный объём информации.

Отличительные черты:

- в гипертексте основное содержание текста от начала до конца определено автором, а в кибертексте его определяет сам пользователь;
- в гипертексте ссылки используются для более углублённого рассмотрения отдельных понятий, а в кибертексте — для перехода от одной главы текста к другой;
- основной идеей гипертекста является поиск необходимой пользователю информации с помощью гиперссылок, а кибертекста — сам процесс получения этой информации;
- гипертекст используется в основном для написания научной литературы (справочников, словарей, энциклопедий), а кибертекст — художественной.

Список источников

1. Шрайдер А. Ю. Краткая история электронных книг, М., 2010. С. 201–234.
2. Вейнер В. В. Словарь литературоведческих терминов. 2002. № 5. С. 111–121.
3. Балакина Ю. В. Электронный текст: принципиально новый тип текста? // Вестник Волгоград. гос. ун-та. 2016. Т. 15. № 3. С. 17–27.
4. Мовчан А. Е. К разграничению понятий «электронный текст» и «гипертекст». М., 2004. 223 с.
5. Иванцов В. Г. Заметки об электронных ресурсах. М. : Наука, 2011. 182 с.
6. Крейнер С. Популяризация чатов и форумов — электронные тексты и базы данных. Oxford, 2008. 321 с.

УДК 81.42:811.111

*К. Д. Герман,
магистр кафедры теории и практики перевода,
Институт иностранной филологии, Таврическая академия (с. п.),
Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского, Симферополь*

БРИТАНСКИЙ ПОВСЕДНЕВНЫЙ ДИСКУРС ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА

Целью статьи является выявление основных ключевых слов первой половины XX века на основе качественных и популярных газетных изданий Великобритании. Смысловый и частотный анализ выборки ключевых слов позволили охарактеризовать социальные настроения и основные проблемы рассматриваемого исторического периода.

Ключевые слова: повседневный дискурс, ключевое слово, частотность, смысл, качественная и популярная пресса.

BRITISH DAILY DISCOURSE OF THE FIRST HALF OF THE XX CENTURY

The purpose of the article is to identify the main key words of the first half of the 20th century on the basis of qualified and popular newspapers of Great Britain. The semantic and frequency analysis of the keywords sample allowed us to characterize the social moods and the main problems of the analyzing historical period.

Keywords: daily discourse, key word, frequency, meaning, qualitative and popular press.

Обращение к дискурсивным основам повседневности наиболее явно активизировалось в гуманитарной сфере в конце XX столетия. «Исследование структуры дискурса, определение его единиц и их взаимодействия как внутри определённого вида дискурса, так и при сопоставительном исследовании различных видов дискурса является приоритетным направлением дискурсологии» [3, с. 28].

По мнению О. Г. Ревзиной, «знание, связанное с «Я» как частным лицом, рассчитано на интертекстуальное распространение (через цитирование, пересказ, представление в форме слухов, сплетен и пр.) прежде всего внутри того же повседневного дискурса» [6, с. 68]. Внутри дискурсов повседневности проявляют активность все виды интертекстуальных знаков. Тексты, рождённые в дискурсах повседневности, характеризуются «минимумом речевых ограничений» [4, с. 175], легко допускают вторжение инодискурсивных формул и прецедентных текстов. И. В. Тубалова считает, что данное свойство «отличает их от дискурсов институциональных, содержание и текстовая структура которых чётко определены социальными установками» [8]. Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод, что повседневный дискурс предполагает наличие интертекстуальных знаков, которые могут быть взяты извне и возникнуть в рамках данного дискурса. Таким образом, повседневный дискурс характеризуется открытыми границами, инотекстовой и инодискурсивной активностью.

Повседневный дискурс в рамках социолингвистического подхода В. И. Карасик определяет как «лично-ориентированный, противопоставленный институциональным дискурсам» [1, с. 307], и это противопоставление является при анализе дискурса данного типа определяющим. Фактор институциональности оказывает стабилизирующее воздействие на дискурсы. Повседневный дискурс открытый, однако в нём отражаются национально-культурные особенности и стереотипные нормы поведения, приобретённые его участниками на основе предыдущего жизненного опыта.

Важнейшей для понимания специфики данного дискурса является его характеристика как «наименее структурированного из всех типов дискурсов» [4, с. 175]. На специфику тематической структуры повседневного дискурса обращает особое внимание И. В. Силантьев: повседневный дискурс, «как губка, втягивает в себя тематически ориентированные дискурсы, поддерживает и одновременно растворяет их в своем теле. Именно повседневный дискурс проверяет на выживаемость тематические дискурсы, оценивает их значимость и выстраивает их иерархию» [7, с. 29].

Для комплексного анализа повседневного дискурса следует обратиться в первую очередь к публицистическому, который способен вызвать резонанс в обществе и предполагает наличие различных ког-

нитивных установок адресанта. Другими словами, «наличие идеологической направленности того или иного текста, идеи и отношения, которые в нём заложены» [5, с. 219]. Поэтому, с одной стороны, все печатные издания отличаются друг от друга когнитивными установками адресантов, а с другой стороны, способностями их восприятия целевой аудиторией, т. е. лингвистическими и экстралингвистическими способами передачи информации, представленными в самом тексте. Поэтому, при анализе печатных изданий можно говорить о следующих типах дискурса: дискурс качественной прессы, дискурс популярной прессы, дискурс специализированных изданий [5, с. 223].

К качественной прессе Великобритании причисляются следующие печатные издания: *The Times*, *The Guardian*, *The Daily Telegraph*, *The Independent*, *The Herald*, *The Scotsman*, *The Scots Independent*. К популярной прессе относятся: *The Sun*, *The Daily Express*, *The Daily Mail*, *The Daily Mirror*, *The Daily Record*, *The Sunday Mail*.

«Ещё со времён своего становления два типа прессы противостоят друг другу не только по направленности на определённую аудиторию, но и по формату и по содержанию» [9, с. 120].

Качественные газеты отличаются от остальной прессы благодаря наличию большого объёма информации, где освещаются события во всех странах мира. Такие газеты, как правило, включают в себя комментарии знаменитых людей и экспертов в политической, экономической либо иной сфере деятельности. Многие газеты выполнены в научном стиле. *Популярные* газеты публикуют в основном резонансные и скандальные события политики, шоу-бизнеса и так далее. Тексты таких газет характеризуются ограниченным словарным запасом и пёстрыми заголовками. Одна из главных задач «популярной» прессы является компактная подача информации с возможностью быстрого прочтения. Легче всего различить вышеназванные виды газет, можно на синтаксическом и морфологическом уровне. Данные газеты являются хорошим примером повседневного дискурса. «Формирование текста в повседневных дискурсах отличается максимальной свободой выбора языковых средств, их характеризует «минимум речевых ограничений» [4, с. 175]. Исходя из вышесказанного, можно определить повседневный дискурс как фиксированную в виде текста речевую деятельность затрагивающую насущные проблемы того или иного периода и не имеющую чётких границ.

В целом на специфику британского дискурса начала XX века повлияли масштабные военные действия, экономический кризис, борьба на политических аренах и формирование предпосылок последующего экономического подъёма. Самым репрезентативным материалом для такого исследования могут служить газеты, статьи, различные короткие истории и рассказы, созданные в определённый период. Будучи зафиксиро-

ванными на бумаге, они дают возможность выявить ключевые слова и на их основе охарактеризовать наиболее насыщенные и значимые события начала XX века в Великобритании. Оперирование термином «ключевое слово» представляется вполне закономерным, так как его содержание и сама внутренняя форма определяют значимость данного феномена для исследования языковых единиц, позволяющих репрезентировать понятия «историческая память» и «коллективная память» [2, с. 66].

Примером проведения соответствующего анализа повседневного дискурса может служить статья «The Empires Invalids», опубликованная в журнале *The Pall Mall Gazette* в 1900 году. В статье есть полнозначные, самостоятельные слова и фразы, частотность которых, а также смысловая нагрузка позволяют определить их как ключевые слова. В качестве примера приведём отрывок из статьи: *Among the many side-issues of the war on which we receive letters from day to day, the most persistent, perhaps, is the treatment of the invalids. The subject has, indeed, become urgent, nor is its importance likely to lessen with the progress of the campaign. The sacrifice need not cause much inconvenience, for TOMMY, being a man of enforced habit, can be easily amused; and it would certainly be in fulfilment of a public duty. Imperative though the claims of the widows and orphans may be, those of the sick and wounded cry even more loudly to the nation's ear, for they, after all, are the country's workers.*

The invalids are the victims, for the most part, of the wear and tear of war, of exposure at nights, and of irregularity of feeding [10].

Самыми частотными словами и фразами в этом тексте являются *sick and wounded*, которые повторяются шесть раз, *the war* — три раза, *invalids* — три раза и *injured* — два раза. Данная статья позволяет понять, что начало XX века ознаменовало себя как тяжёлое время, связанное с конфликтами на международной арене и с большими человеческими жертвами. В 1890 году в Лондоне бастовали рабочие, Британия принимала участие в боевых действиях на юге Египта, а между Англией и США возникло несогласие из-за свободного плавания по Берингову морю. В 1899-м началась Англо-бурская война.

В статье «*Ireland at the Threshold*», опубликованной в 1930 году, можно выделить ряд ключевых слов, которые характеризуют определённую проблематику: *«No man's life was save, and yet Ireland was strong then — strong not politically alone, but economically. If Irishmen who loves Ireland would make any national resolution today it should be to strive with all their might for the remedying of the palsy of Partition and the consequent removal of the evils that it has brought in it's train. The unity of the historic Irish Nation has been severed with matricidal callousness and in the train of dismemberment have come practically all the ills from which the two partitioned parts suffer. Man and women were being shot down and mur-*

dered every day. The poorer are growing poorer. Everything is going down except taxation, Ministerial salaries, and, in the Free State, military pensions and gratuities» [11, с. 4].

Такие слова, как *Irishmen* и *Irish nation*, встречаются в статье десять раз, а единицы, входящие в семантическое поле «нация — страна», — около пятнадцати раз, слово *poorer* — пять раз. К ключевым словам, несущим большую смысловую нагрузку, но имеющим не столь высокую частотность, можно причислить *taxation, salary, pensions* и *gratuities*.

Проимпериалистическая и антирабочая политика правительства У. Т. Косгрейва привела к резкому обострению классовой борьбы во время кризиса 1929–1933 годов. Росло забастовочное движение, активизировались оппозиционные режиму национально-буржуазные силы. Правительство усилило репрессии, отменило остатки конституционных свобод, ввело систему военных трибуналов, поощряя также рост фашистских организаций.

В начале XX века одной из доминирующих тем повседневного дискурса становится продвижение товаров и услуг: «*If you want a steel which is uniform and reliable remember what, trade mark AIR-HARDENING stands for! Granted in 1885, this registered trade Mark is used solely to designate a particular Kind of high-speed tool steel made by Edgar Allen and Co., Limited. The steel referred to is of the highest quality of best ordinary high-speed tool steel. It is used for all general engineering machine shop work, and especially for lathe, planning and slotting tools, countersinks, ho punches, milling cutters, and twist drills. Write for catalogue «G1» Edgar Allen and Co. Sheffield LTD» [12].*

Ключевыми словами данной статьи являются слова *Trade Mark, highest quality, reliable* и *high speed*. Это связано с развитием бизнеса и конкуренции, появляющейся на фоне реформ в экономике и политике.

Таким образом, повседневному типу дискурса наиболее соответствует в аспекте анализа языкового материала британская качественная и популярная пресса, освещающая самые важные и обсуждаемые проблемы определённой эпохи. В результате анализа трёх статей можно распределить ключевые слова на три группы: первая носит негативную коннотацию, вторая — нейтральную и третья — положительную. Ключевыми словами с негативной коннотацией являются *sick and wounded, injured, war, invalids, suffer, poor, taxation, bad salaries and pensions*. Ключевыми словами с нейтральной коннотацией являются *Ireland, Irishmen, national resolution, unity*. Третья группа представлена ключевыми словами с положительной коннотацией: *highest quality, reliable u high speed*. Данная статистическая выборка соотносится с общей характеристикой исторических событий, непосредственно связанных с политической ситуацией в Великобритании первой половины XX века.

Список источников

1. *Карасик В. И.* Языковой круг: личность, концепты, дискурс. М. : Гнозис, 2004. 390 с.
2. *Кислицына Н. Н.* Внутренняя форма слов со значением 'память' (на материале английского, французского, украинского и русского языков) // *Studia Germanica et Romanica*. Донецк, 2011. Т. 8, № 2 (23). С. 65–72.
3. *Кислицына Н. Н., Новикова Е. А.* Спортивный дискурс в системе институциональных видов дискурса // *Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики* / гл. редактор: доктор филол. наук, проф. Т. Ю. Тамерьян ; ФГБОУ ВО «Северо-Осетин. гос. ун-т им. К. Л. Хетагурова. Владикавказ, 2017. № 2 (26). С. 28–35.
4. *Макаров М. Л.* Основы теории дискурса. М. : ИТДГК «Гнозис», 2003. 280 с.
5. *Менджерцкая Е. О.* Когнитивный синтаксис современного английского языка: предмет и принципы анализа // *Вестник Самарского государственного университета. Гуманитарная серия «Языкознание»*. Саратов. 2009, № 7 (73). С. 219–225.
6. *Ревзина О. Г.* Дискурс и дискурсивные формации // *Критика и семиотика*. 2005. Вып. 8. С. 66–78.
7. *Силантьев И. В.* Газета и роман: Риторика дискурсных смещений. М. : Языки слав. культуры, 2006. 224 с.
8. *Тубалова И. В.* Специфика организации дискурсов повседневности // *Вестник Томского государственного университета*. 2011 [Электронный ресурс]. URL: <https://psibook.com/linguistics/spetsifika-organizatsii-diskurov-povsednevnosti.html> (дата обращения: 26.05.2017)
9. *Шемелина Ю. В.* Лингвокогнитивные аспекты английских новостных текстов: на материале британской качественной прессы : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Архангельск, 2008. 193 с.
10. *The Pall Mall Gazette*. 4th Edition, January 2, 1900 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.britishnewspaperarchive.co.uk/search/results/1900-01%2002?NewspaperTitle=Pall%2BMall%2BGazette&IssueId=BL%2F0000098%2F19000102%2F&County=London%2C%20England> (дата обращения: 26.05.2017).
11. *The Derry Journal*, January 1, 1930 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.britishnewspaperarchive.co.uk/search/results/1930-01-01/1939-1231?NewspaperTitle=Derry%2BJournal&IssueId=BL%2F0001123%2F19300101%2F&County=Londonderry%2C%20Northern%20Ireland> (дата обращения: 28.05.2017).
12. *The Times*. July 21, 1917 [Электронный ресурс]. <https://psibook.com/linguistics/dinamika-strategii-samoreprezentatsii-v-reklamnom-diskurse.html>

Раздел 2
МИРОВАЯ ЛИТЕРАТУРА,
КУЛЬТУРА, ИСТОРИЯ:
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
ИССЛЕДОВАНИЙ

Е. Н. Мазина,

*кандидат филологических наук, доцент,
доцент кафедры английской филологии,
Институт иностранной филологии,
Таврическая академия (с. п.), Крымский федеральный
университет имени В. И. Вернадского, Симферополь*

Е. В. Полховская,

*кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой
английской филологии, Институт иностранной филологии,
Таврическая академия (с. п.), Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского, Симферополь*

О НЕКОТОРЫХ ПРИЁМАХ ИГРЫ СТИЛЕЙ: ФУНКЦИОНАЛЬНО-СТИЛИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Игра стилей во всём многообразии её форм, средств реализации и функций представляет собой одну из наименее изученных проблем современной лингвистики и стилистики текста. Цель данного исследования состоит в выявлении приёмов стилиевой игры, создаваемых ресурсами различных функциональных стилей. Соотнесение концептуальных полей понятий «игра» и «функциональный стиль», а также приложение всеобщих основополагающих игровых принципов к анализу данного вида игры позволяет раскрыть и классифицировать механизмы создания различных игровых ситуаций в художественном тексте. В работе применены описательный, стилистический и контекстуальный методы анализа.

Ключевые слова: игра стилей, функциональный стиль, имитативный принцип, комбинаторный принцип, приём.

SOME PLAY ON STYLES TECHNIQUES: FUNCTIONAL AND STYLISTIC ASPECT

Play on styles, characterized by the diversity of its forms, means and functions is the problem of text linguistics and stylistics, to which little attention has been paid so far. The aim of the present study is the analysis of play on style techniques created by various resources of functional styles. The juxtaposition of conceptual fields of the notions “play” and “functional style” as well as the application of the basic playing principles to this research allows to reveal and classify various tools of playing on style in fiction. With this aim, descriptive, stylistic and contextual methods of analysis are used in the article.

Keywords: play on styles, functional style, imitative principle, combinatorial principle, technique.

В лингвистическом сознании прочно закрепилось представление об определённом целевом назначении функционального стиля и о соответствующих данной цели отборе и комбинации языковых средств. Однако в речевых жанрах, как известно, наблюдается изменчивость функциональной нормы, большая или меньшая степень стилевой вариативности в зависимости от коммуникативной целесообразности. Для данного исследования основной интерес представляет такое специфическое англоязычное речепотребление, при котором происходит некоторое отступление от традиционной коммуникативной заданности функционального стиля и его переориентация на решение игровых задач. В таком случае речь может идти о функционально-стилевой игре, широко представленной в современной социокультурной реальности. Данная проблема представляет значительный научный интерес в плане раскрытия возможностей творческого использования языка.

Игра стилей в тексте ориентируется на те же принципы и может иметь те же параметры, что и другие виды игры, являясь таким же феноменом культуры. В данном исследовании под игрой стилей мы понимаем «разновидность речетворческой деятельности, которая базируется на принципах комбинации контрастных в стилевом плане ресурсов языка и имитации существующих стилей (исторических, индивидуальных и коллективных)» [2, с. 92]. Следовательно, приёмы функционально-стилевой игры могут также быть дифференцированы согласно основополагающим принципам создания игровой ситуации: имитативному и комбинаторному.

Имитация функционального стиля в текстах «жёсткого типа» чаще всего отсутствует, ибо лишена прямой целесообразности — официально-деловая или научная проза не подражает иным стилям, а строго следует соответствующим нормам книжной письменной речи. В художественном же тексте подражание является движущей силой игры стилей, а основанные на имитативном принципе приёмы выполняют комическую, пародийную функцию. Особенно эффектны случаи трагестирования, когда формальная сторона текста, его стиль, противоречит характеру передаваемой в нём информации. Например, имитация деловой письма в романе Х. Филдинг «Бриджит Джонс: грани разумного»: «**Smug Marriage Promotional Suggestions:**

3. <...> you have to go on at least twelve government-arranged dates before you can declare yourself a Singleton; and only then if have reasonable grounds for rejecting all twelve.

4. If grounds are deemed unreasonable, then you have to declare yourself a Fuckwit» [4, с. 198]. Имеющий директивный характер, чётко структурированный, подражающий стилю петиции «псевдо-

официальный» текст содержит матримониальные рассуждения, ироничность которых усиливается за счёт вкрапления табуированной лексики.

Ещё одним приёмом данного вида стилевой игры является перенос графической формы, узуально закреплённой за определённым стилем, в типическую форму другого функционального стиля. Такие случаи упоминались в стилистике как приёмы «транспозиции графической модели текста» [3, с. 68], при этом их игровой характер не отмечался. Между тем намеренное отклонение от нормы, актуализация в рамках одного контекста двух типовых функционально-стилевых образований, потенциальная возможность принять один стиль за другой — всё это даёт читателю установку на игру, на творческое прочтение произведения.

В качестве наглядного примера приведём отрывок из стихотворения «Манифест» Джессики Смит:

«1. The poem is a topological space.

1.1. The poem is situated on a topological space.

1.1.1. The “blank” space of the page is not “blank”.

1.1.1.1. It is volatile; it is active. Words may be in one place and may shift to another place.

1.1.1.2. It is porous and unstable. Words may falls into faults or cracks in the page. <...>

1.1.2. Words may become unrecognizable due to geographic activity.

1.1.2.1. Meaning is secondary to sight.

1.1.2.1.1. Meaning must be collected in a treasure hunt through the page.

1.1.2.1.2. Meaning is one of many possible maps through a page.

1.1.2.1.3. Meaning is only possible on the level of the page.

1.1.2.1.3.1. The page’s topology determines meaning. <...>» [5].

Это оригинальное произведение, представляющее собой набор положений о сути поэзии, имеет специфические признаки оглавления научного или официально-делового текста. Сегментация на многочисленные разделы, пункты и подпункты, иногда далёкие от типичных (1.1.2.1.3.1), выбор шрифта, структурная организация — все эти жанровые признаки имеют вполне определённую коммуникативную заданность и предполагают соответствующее содержание. В данном же контексте отступление от жанровых канонов рождает эффект «обманутого ожидания».

Комбинация элементов двух или более функциональных стилей в одном текстовом пространстве также обладает мощным потенциалом создания игровых ситуаций. Изменения исходной коммуникативной функции стилей, вступающих во взаимодействие, нарушение их зам-

кнутости и относительной устойчивости — всё это ведёт к созданию сложных образований, актуализирующих «в рамках текста нескольких типовых социокультурных контекстов» [1, с. 53]. Эти «гибриды» различаются принципами сочетания разностилевых текстовых фрагментов, объёмом, приёмами и функциями включения стилистически окрашенной лексики в чужеродный стилевой контекст.

Смешение функциональных стилей, иностилевые вкрапления (интерстилевое тонирование), диффузия регистров — наиболее часто встречающиеся игровые явления в художественной литературе. Они создают стилевой контраст, комический эффект, эффект «обманутого ожидания», придают иронический модус повествованию. Например, употребление разговорной лексики в контексте официально-делового стиля, отличающегося жесткостью функционально-стилевой нормы, реализует юмористические интенции автора: «*Your failure to carry out and complete the work you agreed to undertake constitutes the clearest possible breach of your contract with our client. You have therefore repudiated the contract, which repudiation is accepted by our client... Blah, blah, rudiate woodiate gibberish gibberish... entitled to recover costs*» [4, с. 342]. Разнообразие форм проявления данного вида игры стилей обусловлено наличием большого числа разрядов как сниженной, так и возвышенной лексики.

Таким образом, в игровом дискурсе происходит адаптация функционального стиля к новым условиям — меняется сфера использования, жанр, цель, речевые особенности и т. п., то есть, по сути, происходит пересмотр возможностей данного стиля.

Список источников

1. Векшин Г. В. Языки общения и функциональные стили (в их отношении к тексту) // Слово и контекст : филол. сб. к 75-летию Н. С. Валгиной. М. : МГПУ, 2002. С. 35–67.
2. Мазина Е. Н., Полховская Е. В. Игра стилей: осмысление проблемы в филологической науке советского и постсоветского периодов // In Situ. М. : ООО «Европ. фонд инновац. развития», 2015. С. 88–94.
3. Мороховский А. Н., Воробьёва О. П. Стилистика английского языка. Київ : Вища шк., 1984. 272 с.
4. Fielding H. Bridget Jones: The Edge of Reason [Text]. London : Picador, 1999. 422 p.
5. Smith J. Manifest [Электронный ресурс]. URL: http://ubu.com/papers/smith_manifest.html (дата обращения: 02.11.2017).

Н. В. Доминенко,

доцент кафедры иностранных языков № 2,

Институт иностранной филологии, Таврическая академия (с. п.),

Крымский федеральный университет

имени В. И. Вернадского, Симферополь

РЕЛИГИОЗНО-ФИЛОСОФСКАЯ ПРОБЛЕМАТИКА В ЭПИСТОЛЯРНОЙ ПРОЗЕ, ЕЁ СВЯЗЬ С РОМАНТИЧЕСКОЙ КОНЦЕПЦИЕЙ МИРА

В данной статье рассматриваются вопросы религии и философии в переписке английских поэтов-романтиков и их связь с романтической моделью мира. Цель исследования заключается в корректировке подходов к изучению эпистолярной прозы английских романтиков, в обогащении комплексной суммы знаний о мировидении, миропонимании ведущих поэтов-романтиков Англии. Методика исследования основана на использовании комплекса общенаучных и специальных литературоведческих методов, среди которых: описательный, биографический, историко-генетический, историко-функциональный, структурно-семантический, сравнительно-типологический. В эпистолярном творчестве английских романтиков отразилась их модель мира, в которой одно из ключевых мест занимают вопросы религиозно-философского характера, обращение к которым было обусловлено сложностью и противоречивостью самой романтической эпохи, потребностью обрести новую систему непреходящих ценностей бытия.

Ключевые слова: религия, философия, романтическая модель мира, эпистолярная проза, поэты-романтики.

RELIGIOUS AND PHILOSOPHICAL PERSPECTIVE IN EPISTOLARY PROSE, ITS RELATION TO THE ROMANTIC CONCEPT OF THE WORLD

In this article questions of religion and philosophy in correspondence of the English romantic poets and their communication with romantic model of the world are considered. The aim of the research is to correct the approaches to studying epistolary correspondence of the English romanticists, to enrich the complex sum of knowledge of the leading romantic poets' outlook. The technique of the research is based on the use of a complex of general scientific and special literary methods among which: descriptive, biographic, historical and genetic, historical and functional, structural-semantic, comparative and typological. In epistolary creativity of the English romanticists their model of the world in which one of key places is occupied by questions of religious and philosophical character,

the appeal to which has been caused by complexity and discrepancy of the most romantic era.

Keywords: religion, philosophy, romantic model of the world, epistolary correspondence, romantic poets.

Мощные сдвиги в общественно-политической жизни Англии коснулись как религиозной, так и философской мысли этого времени, основными характеристиками которой были диалектичность, многосложность, отсутствие неизменных детерминант и догматических представлений [1, с. 17]. Поэтому не удивительно, что на модель мира в письмах английских романтиков повлияло их обращение к вопросам религии и философии. Грань между этими вопросами является настолько тонкой, что рассматривать их необходимо в неразрывном единстве.

Религиозно-философские взгляды, отразившиеся в письмах Вордсворта, Саути, Кольриджа, Шелли, Байрона, Китса, привлекали внимание таких учёных, как М. Батлер [6], К. Карри [9], Н. Дьяконова [1], И. Неупокоева [3]. В результате в литературоведении сложилась определённая картина религиозных исканий романтиков обоих поколений. Поскольку, однако, советская литературоведческая школа в целом была не только политически, но и философски заангажирована, постольку даже усилия упомянутых исследователей не смогли до конца преодолеть тенденцию, когда атеистическая направленность тех или иных идей воспринимается положительно, а влечение к Богу резко отвергается. Сегодня пришла пора откорректировать эти подходы. Объективное осмысление писем представителей английского романтизма позволяет увидеть, что их религиозно-философские позиции были более сложными, неоднозначными, диалектичными, чем принято думать.

Рассуждая в своём эпистолярном творчестве о религиозных началах, поэты-романтики затрагивают две важные проблемы: проблему веры и отношения к ней, а также проблему церковного устройства и отношения к церкви как особому институту общества.

Для английских романтиков чрезвычайно важны раздумья о Боге, Его связи с человеком, жизни и смерти, счастье и смысле сущего, поэтому можно с уверенностью утверждать, что эти поэты были религиозно настроенными людьми: все без исключения верили в Божественное начало бытия, однако представляли его по-разному: одни исповедовали идеи английского протестантизма (Вордсворт), другим было ближе римское католичество (Байрон). Саути и Кольридж часто пишут в своих письмах об унитарянстве, а Шелли выступает против Бога как Творца и Промыслителя, из-за чего некоторыми авторами причисляется к атеистам, что в корне неверно, ибо поэт является пантеистом. Осмысление религиозно-философских воззрений романтиков позволяет сделать заключение, что граница между старшим

и младшим поколением и в этом случае формируется не только возрастом, но и разницей религиозно-философских убеждений.

Чувства поэтов-романтиков, субъективность их мировосприятия реализовались в их эпистолярном творчестве посредством системы бинарных оппозиций: тирании и свободы, монархии и республики, гармонии и хаоса, язычества и христианства, мира и войны, прошлого и настоящего, природы и социума.

Вопрос веры — один из серьёзнейших в эпистолярном творчестве английских романтиков. В этом смысле весьма показательным письмом Шелли к близкому университетскому другу Т. Дж. Хоггу от 20 декабря 1810 года, где автор констатирует, что «на него нападают за его возмутительные убеждения и считают отверженным» [5, с. 7]. Далее в том же письме Шелли восклицает: «О! как нетерпеливо я жду крушения христианства — оно виновно в моём несчастье... <...> Только один предмет оставляет меня холодным (религия), но эта холодность нужна, чтобы вернее направить копьё в грудь противника и обогреть его кровью ненавистного христианства» [5, с. 8].

Позиция Шелли по отношению к христианству ярко выражена в памфлете «Необходимость атеизма», за который Шелли вместе с университетским другом Т. Дж. Хоггом был исключён из университета.

Отрица Бога-Творца, Шелли обожествлял природу и поэтому признан сторонником пантеизма — мировоззрения, занимающего промежуточное положение между идеализмом и материализмом.

Элементы пантеизма были присущи и мировоззрению Вордсворта — сторонника английского протестантизма. Это хорошо почувствовала дочь У. Смита, одного из знакомых Вордсворта, мисс П. Она заявила, что автор «Экскурсии» поклоняется Природе.

Вордсворт называет себя «признанным поклонником Англиканской церкви» [13, р. 622], его самохарактеристику подтверждает и Кольридж. В сохранившемся июньском письме 1797 года к преподобному Дж. Эслину, рассуждая о религиозных воззрениях Вордсворта, он именуется соратником по перу «великим человеком» и отмечает, что тот «больше склонен к христианству, чем к теизму...» [13, р. 42]. Тем не менее поэтическое творчество Вордсворта отмечено поклонением природе, восхищением ею в таких стихотворениях, как «Вечерняя прогулка» (1793), «Строки, написанные недалеко от Тинтернского аббатства» (1798), «Прекрасный вечер, тихий и свободный» (1802) и др.

Байрон, в отличие от Шелли, обвинявшем его в «христианских заблуждениях, от которых нужно избавиться» [14], не отрицал Божье существование, что подтверждается всей его перепиской. Из неё следует, что ему хотелось, чтобы его дочь Аллегру «научили верить в <...> Божественное начало» [14], а также, чтобы она «выросла хри-

стианкой» [14]. В своём письме к Т. Муру от 4 марта 1822 года Байрон утверждает, что он «не враг религии, скорее наоборот» [14]. И далее продолжает: «Чтобы доказать это, моя внебрачная дочь (Аллегра. — *Н. Д.*) получает образование в строгом католическом монастыре в Романье, так как я думаю, что люди никогда не бывают достаточно религиозны, если у них вообще есть религия» [14].

Одной из наиболее ранних работ, посвящённых мировоззрению Байрона, стала работа британского литературоведа В. Кальверта «Романтический парадокс», в которой исследователь, уделяя основное внимание философским и эстетическим взглядам поэта, коснулся и его религиозной позиции. Учёный пришёл к выводу, что Байрон в течение жизни не мог избавиться от воздействия кальвинизма — религии своего шотландского детства, однако, тяготясь этим религиозным учением, в зрелости стремился найти опору в католицизме как более гармоничном вероисповедании, привлекавшем Байрона и в плане эстетики [7].

Особой среди английских романтиков следует признать религиозную позицию Саути и Кольриджа, определяемую как унитарянство. У Саути оно проявлялось в том, что поэт веровал в Бога, Божественное начало вообще и не признавал разделения религий: «Мои национальные принципы были бы: Бог один, Христос — Спаситель Человечества» [15], а «человек, разрушающий религию, отнимает у нас единственное настоящее счастье» [15]. «Вера в будущую жизнь — одна из немногих догм официальной церкви, которую принимал Саути» [4, с. 129]. С ортодоксальной точки зрения религиозные взгляды Саути, по замечанию А. Роговой, могут быть определены как «ересь, собранная воедино из разных источников» [4, с. 129]. Более точно их можно охарактеризовать как смесь деизма и унитарянства (общее название всех противников церковного догмата о Троице и учения о грехопадении во времена Реформации, признававших абсолютное единство Божества) [4, с. 129–130]. Вот что сам Саути пишет об этом: «Я не нахожу более истинного трепета перед Божеством, чем безмолвное восхищение, вызванное созерцанием Его творений. Я не могу понять, как деревенские жители и особенно отшельники не в состоянии верить: как это их души не воспаряют сотню раз в день в исступлении к Творцу чудес, поражающих их? В моей комнате я молюсь крайне редко и без чувства; но вид великолепного пейзажа трогает меня до глубины души» [15].

Подобно товарищу, и Кольридж считает, что «Отец Всемогущий является единственным объектом поклонения и вознесения молитв» [8, р. 105]. Унитарянство Кольриджа приводит к тому, что он ощущает себя «священником-отступником (диссентером)» [8, р. 48]. В своём письме к Дж. Эслину от 7 декабря 1802 года он заявит следующее: «Определённо, религиозный деизм бесконечно ближе к религии на-

шего Спасителя, чем явное поклонение папства или более приличное, но не менее искреннее идолопоклонничество огромного большинства протестантов» [8, р. 99]. Кольридж определяет Бога как «существо, чья власть равна воле, по всей вероятности, одинаково прилагаемой ко всем, даже к личинке» [8, р. 62]. Однако позднее Кольридж откажется от своих взглядов, что, по словам поэта Т. де Квинси, стоило ему больших усилий, так как среди унитариев у него было много друзей (например, мистер Эслин из Бристоля, выдающийся священник), которым поэт был обязан за проявленную к нему доброту [8, р. 5]. Причиной расхождений были проблемы религиозного характера, о которых Кольридж неоднократно говорит в своих письмах.

Не выпадает религиозная тема из контекста жизни и эпистолярного творчества Китса, который в письме к Дж. Гамильтону Рейнольдсу от 9 апреля 1818 года признаётся, что «из всего существующего для него имеют значение лишь Всевышний, Красота и память о великих людях» [10] и что «спастись можно только в великих утешениях религии, в беспорочных чувствах» [10]. Примечателен ещё один факт, свидетельствующий о религиозности Китса: наличие его портрета на картине художника, художественного критика и лектора Б. Р. Хейдона «Вход Христа в Иерусалим», помещённого рядом с фигурой Вордсворта, (см. об этом январское письмо 1816 г. Вордсворта к Б. Р. Хейдону) [10, р. 701–702].

То, как авторы-романтики выражают в своих письмах индивидуальные соображения относительно религии и вопросов веры, сближает их письма с эссе, порой — с трактатом, а полемический пафос многих рассуждений, особенно характерный для Шелли и Саути, придаёт отдельным текстам сходство с проповедью.

Для переписки романтиков характерна резкая критика церковного устройства, по причине которой авторам писем часто приписывали антирелигиозность (особенно младшим романтикам). В письме к другу пастору Б. Бейли от 3 ноября 1817 года Китс искренне выражает своё негодование в адрес епископа Линкольнского, по вине которого адресат длительное время не получал обещанный ему церковный приход: «Мой дорогой Бейли, я ещё не получил Ваше письмо, а уже слышал о Ваших невзгодах — неслыханное безобразии! Я рад, что Вам что-то помешало поговорить с епископом начистоту, — всё ведь ещё поправимо (я имею в виду приход). И тем не менее чувство гадливости так быстро пройти не может: представляю, как было отвратительно обнаружить в священном сане столь откровенные тиранию и наглость. Сильные мира сего вбили себе в голову, что они не могут связывать себя обязательствами в отношении своих подчинённых, но разве наглость вышестоящих к нижестоящим не отвратительнее наглости низших чинов к высшим?» [2, с. 128]. И далее без обиняков и экивоков Китс дерзко заявляет:

«А теперь взгляните вниз на снующих под ногами прохвостов и дураков. Многие из них увенчаны митрой. Не могу передать Вам, как я презираю человека, который обошёлся с Вами дурно и нагло <...>» [2, с. 128].

Поэт возмущён расхождением идей, проповедуемых христианством, и действиями духовных лиц. Поэтому, например, его письмо к брату Тому от 3–9 июля 1818 года говорит скорее об антиклерикальной, чем об антирелигиозной позиции.

Вордсворт, также выступивший с критическими замечаниями в адрес Англиканской церкви, в письме к Р. П. Джиллису от 22 декабря 1814 года пишет, что в Британии «ничего не делается в отношении религиозного образования и толкования Священного Писания обычными людьми» [13, р. 618]. Против такого устройства церкви, при котором обогащалось высшее духовенство, выступал в своих письмах и Саути, который заявлял, что он верит в Бога вообще и не признаёт разделения религий, ведь, по его мнению, оно рождает у людей чувство неприязни, в то время как религия должна проповедовать любовь и терпимость [15, р. 17, 31].

В эпистолярной прозе романтиков, кроме частого упоминания Бога, наблюдается широкое использование реминисценций и аллюзий из текстов Священного Писания. Эти библейские аллюзии позволяют авторам, особенно Шелли, Китсу, Кольриджу, в завуалированной форме передать подлинный смысл того или иного эпизода своей жизни или взгляда на мир в целом.

Выводы

Итак, в эпистолярном творчестве английских романтиков отразилась их модель мира, в которой одно из ключевых мест занимают вопросы религиозно-философского характера, обращение к которым было обусловлено сложностью и противоречивостью самой романтической эпохи, потребностью обрести новую систему непреходящих ценностей бытия.

Интерпретация онтологической проблематики убеждает, что английские романтики были верующими людьми, однако воплощение высших начал бытия видели неодинаково. Шелли исповедовал пантеизм; Вордсворт, Саути, Кольридж, Байрон, Китс тяготели к разным ветвям христианства, нигде при этом не являясь ортодоксами. Для Вордсворта было характерно соединение протестантизма с обожествлением природы; Байрона влекло католичество, в том числе и по причинам эстетическим; Саути и Кольридж выступали сторонниками христианского унитаризма, еретически отвергающего догмат о Св. Троице и наличие первородного греха. Потребность романтиков найти ответы на волнующие их вопросы бытия, выразить свои религиозные предпочтения, воссоздать главные вехи собственного духовного пути побуждала их прибегать к библейским аллюзиям, интертексту псалмов, евангельских заповедей и т. п.

Список источников

1. Дьяконова Н. Я. Английский романтизм: проблемы эстетики. М. : Наука, 1978. 208 с.
2. Ливергант А. Живейшее принятие впечатлений: письма Дж. Китса / А. Ливергант // Вопросы литературы. 2002. № 5. С. 103–166.
3. Неупокоева И. Г. Революционный романтизм Шелли. М. : Изд-во Акад. наук СССР, 1959. 471 с.
4. Рогова А. Г. Эпистолярное наследие Роберта Саути: дис. ... канд. филол. наук: 10.01.03. М. : РГБ, 2004. 327 с.
5. Шелли П. Б. Письма. Статьи. Фрагменты / [пер. с англ. З. Е. Александровой]. М. : Наука, 1972. 534 с.
6. Butler M. Romantics, Rebels and Reactionaries. English Literature and its Background 1760–1830. Oxford, 1981. 328 p.
7. Calvert W. J. Byron: Romantic paradox. Chapel Hill, 1935. 235 p.
8. Coleridge S. T. Unpublished letters from Samuel Taylor Coleridge to the Rev; John Prior Estlin / communicated by H. A. Bright ; digitized for Microsoft Corporation by the Internet Archive. University of California Libraries, 2007. 117 p.
9. Curry K. Southey // The English Romantic Poets and Essayists. A Review of Research and Criticism / ed. by C. W. Houtchens, L. H. Houtchens. NY, 1957. P. 158–187.
10. Keats J. Original Manuscripts Of Poetry & Letters [Электронный ресурс]. URL: <http://englishhistory.net/keats/letters.htm/> 12.08.2012. Загл. с экрана (дата обращения: 02.09.2016).
11. Letters from Italy. Volume II of the 1840 edition of Essays, letters from abroad, translations and fragments / by P. B. Shelley ; ed. by Mary Shelley [Электронный ресурс]. URL: [www.http://terpconnect.umd.edu/~djb/shelley/letters/1840letter63.html](http://terpconnect.umd.edu/~djb/shelley/letters/1840letter63.html) (дата обращения 12.02.2016).
12. Letters of S. T. Coleridge / ed. by E. H. Coleridge. Boston ; NY, 1895. 528 p.
13. Letters of William and Dorothy Wordsworth, 1821–1830 : in 3 vols / [ed. by E. de Selincourt]. Oxford, 1939. V. 2. 932 p.
14. Lord Byron's letters and journals / scanned, selected and ed. by J. D. Hoeppe. URL: <http://jhoeppe@toltec.astate.edu/> 15.02.1999. Загл. с экрана (дата обращения: 02.09.2015).
15. The Collected Letters of Robert Southey: Part 1: 1791–1797 [Электронный ресурс] / ed. by L. Pratt. URL: [www.http://rc.umd.edu/editions/southey-let/](http://rc.umd.edu/editions/southey-let/) 12.08.2012. Загл. с экрана (дата обращения: 12.09.2016).

О. Экен,
*старший преподаватель факультета крымскотатарской
и восточной филологии, Таврическая академия (с. п.),
Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского, Симферополь*

Е. В. Посохова,
*доцент кафедры иностранных языков № 2,
Институт иностранной филологии, Таврическая академия (с. п.),
Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского, Симферополь*

ТУРЕЦКАЯ МАЛАЯ ПРОЗА 1980–1990-х ГОДОВ

Настоящая статья представляет собой исследование турецкой малой прозы 1980–1990-х годов и оценку творчества наиболее видных её представителей. Прослежена смена мировоззренческих и художественных парадигм, ставшая следствием социокультурных и политических потрясений, а также творческих поисков писателей. Современная турецкая малая проза, обогащаемая разными направлениями, вышла за границы «промежуточного жанра», представ полномправным и весомым жанром национальной литературы.

Ключевые слова: современная турецкая литература, турецкая малая проза, Мустафа Кутлу, Джемил Кавукчу.

TURKISH SHORT STORY OF 1980s–1990s

The present paper investigates Turkish short story of 1980s–1990s and analyses the oeuvre of its prominent representatives. The change in world outlook and artistic paradigms, caused by social, cultural and political upheavals as well as the writers' creative search, is traced. Modern Turkish short story, enriched by various trends, is no longer a subsidiary genre. It has become a competent genre of national literature.

Keywords: Contemporary Turkish Literature, Turkish Short Story, Mustafa Kutlu, Cemil Kavukcu.

На сегодняшний день малая проза является полномправным и весомым жанром турецкой литературы. Актуальность её разностороннего исследования не вызывает сомнения. Осмыслению малых повествовательных форм посвящён ряд фундаментальных работ турецких литературоведов (Н. Тосун, Н. Тонга, А. Колджу, Х. Су, М. Каплан, О. Лекесиз, Дж. Шен, С. Илери). Тем не менее в отечественном литературоведении турецкая малая проза до сих пор не получила должного научного осмысления. Внимание российских литературоведов приковано

преимущественно к жанру романа (А. В. Образцов, Е. В. Посохова, А. С. Сулейманова, М. М. Репенкова, С. Н. Утургаури) и драматургии (Е. А. Оганова). Назрела необходимость в исследовании характерных особенностей малых повествовательных форм, определении векторов их развития и оценке творчества их авторов, чем и обусловлена актуальность настоящей работы. Её новизна заключается в том, что подобного рода исследование проводится в отечественной тюркологии впервые, новые имена и произведения вводятся в научный оборот.

Целями данной статьи являются анализ основных тенденций в турецкой малой прозе 1980–1990-х годов и оценка творчества наиболее видных представителей этого жанра.

Обращает на себя внимание тот факт, что турецкая литература 1980-х годов кардинальным образом отличалась от литературы 1970-х. Новелла 1970-х годов обращалась к светлому будущему и тяготела к утопиям, в то время как вектор новеллы 1980-х годов был направлен в прошлое либо нацелен на настоящее. Период до 1980 года ознаменовался бурными событиями: оккупациями после военного меморандума 12 марта 1971 года, бойкотами и политическими убийствами. Террор и насилие стали распространённым явлением, в обществе произошло резкое разделение на «левых» и «правых». Раскол в политике не мог не повлиять на литературу. По этой причине язык литературы был суров, властен и пронзителен. Военный переворот 12 сентября 1980 года изменил лицо страны и, соответственно, литературы. Демополитизация общества под давлением, осязаемым в стране, завершение холодной войны и глобализация придали суровому, гневному и властному языку глубокие, искренние и надломленные ноты. Это был голос поражения, размышлений и расплаты с идеологией: «...в малой прозе темой служила реальность, а не цели и идеалы. <...> Отстраняясь от политической риторики, на передний план проступили соображения по поводу нарративной формы и эстетики и общие тенденции формировать многослойное повествование» [1, с. 8–9]. В этот период общими магистральными темами малых повествовательных форм становятся самокритика, одиночество, религиозная ориентация, чувственность, кризис и конфронтация.

Виднейшим представителем турецкой малой прозы этих лет является Мустафа Кутлу. В период с 1970 до 2016 год он издал 27 сборников рассказов. Главная черта, отличающая его творчество, — это стиль «восточной новеллистики». Благодаря этому подходу писатель привнёс в турецкую малую прозу периода Республики новое дыхание и краски, отражая в своих произведениях дух, культуру и действительность Анатолии. С первых произведений Мустафа Кутлу не примыкал к популярным направлениям того периода (экзистенциализм/философия переживаний/кафкианство), не одобряя их с точки зрения отсут-

ствия связей с национальными реалиями. В своём творчестве автор демонстрирует, какой ценой достаётся «модернизм» и комфорт, чем это чревато для человека и природы, критикует жестокое современное отношение к природе и естественности. Сравнивая природный образ жизни и «модернизм», он напоминает людям, попавшим в плен общества потребления, о прелестях естественного образа жизни. В центре художественной концепции Мустафы Кутлу стоит «природа». По его мнению, лишь в природе проявляются красота, невинность и простота. Природа является единственным убежищем, способным защитить от хаоса, в котором обитает современный человек.

Другим значимым представителем турецкой малой прозы периода после 1980 года является Джемил Кавукчу. На его творчество значительно повлияли Саит Фаик и Орхан Кемаль. В своих рассказах автор обращается к простой жизни маленьких людей, которых не замечают в повседневности, «тех, кто не сумел устоять», загнанных в угол, бродяг, сумасшедших, юродивых и алкоголиков. Поэтому важной особенностью его творчества является актуализация темы «маленького человека», которая в своё время присутствовала в турецкой литературе. В рассказах Джемил Кавукчу отмечается больше фокусирование на теме, нежели разнообразие тем. Его интересуют одиночество, переживаемое современными людьми, страхи и нарушение коммуникации, а средством избавления от перечисленных проблем автор видит детство и юношество, проведённые в деревне. С точки зрения стиля он был далёк от авангардных поисков, повествовательные стратегии писателя отличаются простотой и незамысловатостью, отражающими универсальные человеческие ценности.

Начиная с 1990-х годов в турецкой малой прозе наблюдается следующая картина: «...новаторское и хорошо оформленное понимание, сформированное творчеством Умберто Эко, Джорджа Луиса Борга, Итало Кальвино, Франца Кафки, Бильге Карасу, Огуза Атайа, Юсуфа Атылгана, Севим Бурак и Вюсата О. Бенера, было перенято молодыми новеллистами...» [1, с. 11]. Среди этих молодых писателей, стремящихся к чистому турецкому языку, основательному построению рассказа, использованию новых возможностей, перенятых из других литературных жанров, обращают на себя внимание следующие имена: Айла Кутлу, Муратхан Мунган, Нурсел Дурузль, Кюршат Башар, Махир Озташ, Нихат Генч, Фериде Чичекоглу, Айфер Тунч и др. К данному направлению, длящемуся и поныне, после 1980-х годов добавилось «локальное» течение, передающее традиционные ценности и старые повествовательные традиции современным языком. «Это сильное течение, в котором объединяется понимание рассказа, характерное для Омера Сейфетина, Ахмеда Хамди Танпынара, Мемдуха Шевкета Эсендала и Тарыка Бугры, с присущими Мустафе Кутлу особенностями»

ми...» [1, с. 11]. Его представители рассматривают события и существующее положение вещей с позиций национального духа, и в малой прозе раскрывают чувственный мир турецкого человека. Со временем такой подход к малой прозе становится доминирующим. Мустафа Миясоглу, Вахап Акбаш, Кадир Таныр, Джемаль Шакар, Садык Ялсызучанлар ведут свой творческий поиск в рамках данного течения.

В заключение отметим, что векторы развития современной турецкой малой прозы связаны с перечисленными выше мировоззренческими позициями и представителями. Современная турецкая малая проза, обогащаемая разными направлениями, вышла за границы «промежуточного жанра», представ полноправным и весомым жанром национальной литературы. Она не только и не столько обращена к западным образцам, но и сохраняет преемственность традиции, а также непрерывно развивается в поисках новых художественных парадигм.

Список источников

1. *Tosun N. Günümüz Öyküsü / Tosun Necip. Istanbul : Dedalus, 2015. 382 s.*

УДК 8081:821.111(73):004.421

О. В. Ермоленко,

*кандидат филологических наук, доцент,
доцент кафедры иностранных языков № 1,
Институт иностранной филологии, Таврическая академия (с. п.),
Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского, Симферополь*

М. Ю. Халилова,

*магистрант первого года обучения факультета математики
и информатики, Таврическая академия (с. п.),
Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского, Симферополь*

ОПРЕДЕЛЕНИЕ АТРИБУЦИИ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТЕКСТОВ НА ОСНОВЕ КЛАССИФИКАТОРА «ДЕРЕВО РЕШЕНИЙ» (НА ПРИМЕРЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ ГОРА ВИДАЛА И ДЖЕКА ЛОНДОНА)

Цель работы — показать возможности инструментов атрибуции текстов на примере программного продукта Online Authorship Attribution Tool. Рассмотрены особенности атрибуции художественных

текстов, продемонстрирована работа алгоритма классификации на основе регрессионного дерева.

Ключевые слова. Атрибуция, стилистическая диагностика, классификатор дерева решений.

THE DETERMINATION OF THE ATTRIBUTION OF THE ARTISTIC TEXTS BASED ON THE CLASSIFIER “TREE OF DECISIONS” (GORE VIDAL AND JACK LONDON’S NOVELS AS AN EXAMPLE)

The article is aimed at the discussion of the abilities of the text attribution tools by the example of the “Online Authorship Attribution Tool”. The peculiarities of the attribution of literary texts are considered. The work of the classification algorithm on the base of the regression trees is demonstrated.

Keywords: Attribution, stylistic diagnostics, classifier of decision trees.

Вопрос атрибуции художественных произведений видится достаточно актуальной литературоведческой проблемой. Заметим, что до настоящего времени спорным является авторство произведений античных философов Платона и Аристотеля, а в средневековой литературе практически каждое произведение имело сложную историю написания и ряд авторов, причём зачастую древнейшие из дошедших до нас источников значительно отделяются несколькими столетиями от времени создания произведения, что усложняет определение авторства текста. Так, существуют различные версии авторства главного памятника древнерусской литературы конца XII столетия «Слово о полку Игореве». Несколько гипотез были выдвинуты различными исследователями об авторстве французского рыцарского романа «Вильгельм Английский», приписываемого Кретьену де Труа. Вопросы об авторстве возникают также в случаях, когда часть каких-либо произведений автора или не была опубликована при его жизни, или, к примеру, были допущены неточности и искажения, сделанные вынужденно по цензурным соображениям.

Атрибуция текста подразумевает под собой определение подлинности или подложности рукописного текста и установление его автора [1]. Исследователь Т. В. Батура разделяет задачи атрибуции текста на идентификационные и диагностические [2]. Идентификационные задачи предоставляют возможность определения стиля автора, опровержения либо подтверждения авторства, установления принадлежности текста тому или иному автору. Диагностические задачи направлены на определение личностных характеристик автора либо факт сознательного искажения стиля речи.

Для решения проблемы атрибуции художественных текстов характерно применение методов прикладной математики. В частности, лингвостатистический анализ с использованием математических методов рассматривается как наиболее эффективный, так как количественная оценка однородности состава и структуры сравниваемых текстов намного объективнее, по мнению ряда исследователей, чем любое стилистическое исследование. Так, в классификации методов атрибуции, составленной академиком В. В. Виноградовым в 1961 году, выделяется пять субъективных и шесть объективных принципов атрибуции. В. В. Виноградов относил группу объективных принципов к традиционной лингвистике, а лингвостатистические методы атрибуции в рамках его исследования играли вспомогательную роль, так как действенных методов определения авторства, основанных на формальном математическом аппарате, в начале 60-х годов XX века не существовало. В. В. Виноградов в работе «Проблема авторства и теория стилей» подчёркивал, что проблема авторства в истории литературы выступает в более широком, хотя и специфическом плане — «в плане развития индивидуальных стилистических форм выражения автора в его произведениях». Речь шла о стиле автора и его характерных чертах. В 70–80-е годы XX века в отечественной лингвистике был проведён ряд исследований, посвящённых квантитативно-структурному изучению текстов на синтаксическом уровне. Это было связано с пониманием стиля как структурно-синтаксической категории. При этом использование синтаксического анализа подразумевает анализ текста на синтаксическом, лексическом, фразеологическом и морфологическом уровнях. Анализ синтаксического, лексико-фразеологического и стилистического уровней представляет, по мнению исследователей, наибольший интерес и наибольшую сложность, поскольку именно «стилистический уровень позволяет определить жанр, общую структуру текста, для литературных произведений — сюжет, характерные изобразительные средства (ирония, аллегория, метафора, сравнение, гипербола), стилистические фигуры (антитеза, градация, риторический вопрос и т. д.), другие характерные речевые приёмы» [2, с. 83].

Исследования методов стилистической диагностики, в центре которых находится анализ графов синтаксических связей, были представлены в работах И. П. Севбо и Г. Я. Мартыненко. Однако диагностические параметры И. П. Севбо и меры сложности Г. Я. Мартыненко были связаны с характеристиками предложения, а не текста. Поэтому построение усреднённого графа для целого текста и характеристики авторского стиля на его основе рассматривается не столь эффективным методом установления индивидуального авторского стиля.

Существует множество методов анализа стиля автора, которые можно разделить на две большие группы: экспертные и формальные. «Экспертные методы предполагают исследование текста профессиональным лингвистом-экспертом. К формальным относятся приёмы из теории вероятностей и математической статистики, алгоритмы кластерного анализа и нейронных сетей» [2, с. 82]. Сегодня разработкой методики атрибуции занимается лаборатория общей и компьютерной лексикологии и лексикографии МГУ имени Ломоносова путём представления элементов текста как реализации цепи Маркова, методы иерархического кластерного анализа применяются для атрибуции в исследованиях В. Н. Захарова (ПетрГУ).

А. И. Кубарев рассмотрел алгоритм построения таблиц стилей художественных произведений на основе метода автоматического анализа данных деревьев решений [3]. Каждый писатель обладает своим индивидуальным стилем, который можно выделить в отдельный стилевой класс. В качестве признаков стиля используют следующие характеристики: частота встречаемости в тексте тех или иных слов, словосочетаний, буквосочетаний. Набор данных числовых характеристик составляется для каждого текста и образует n -мерный вектор.

«Задача состоит в том, что по множеству обучающих текстов, принадлежность которых к авторским стилевым классам известна, и по набору n -мерных векторов признаков этих текстов построить алгоритм оптимального последовательного бинарного разбиения n -мерного признакового пространства стилей текстовых произведений на 2^n непересекающихся n -мерных интервалов, образующих таблицу стилей текстов. Такая таблица определит «стилевой портрет» соответствующего корпуса текстов» [3, с. 80]. Для определения стиля авторы используют классификатор на основе деревьев решений.

Для исследования возможностей атрибуции текстов использовался программный продукт Online Authorship Attribution Tool [4]. Для проведения экспериментов выбраны художественные произведения американских писателей Г. Видала (романы «Уилливо», «Бэрр», «Суд Париса») и Дж. Лондона («Храм гордыни», «Белый клык»).

Общая идея заключается в следующем: использовать текстовый анализ и обработку естественного языка, чтобы определить наиболее вероятного автора немаркированной или анонимной работы. В каждом испытании выбираются три текста: авторы двух первых текстов известны, авторство третьего текста необходимо определить. Программный комплекс оценивает текст по двум параметрам: функциональному и лексическому анализу. В случае если разные методы независимо приводят к одному и тому же результату, тем самым выше вероятность определения авторства. Во втором испытании на вход

программы подается произведение, объём которого составляет 10 тысяч символов, в первом и третьем испытаниях тексты превышают объём 20 тысяч символов.

В соответствии с результатами проведённого эксперимента (см. таблицу) лексический анализ текста позволяет с большей вероятностью определить авторство текста. Лучшие результаты были получены в первом и третьем опытах, что подтверждает идею: с увеличением объёма входных текстов точность атрибуции произведений возрастает. Подчеркнём, что тексты малого объёма не позволяют проанализировать все лингвостилистические особенности того или иного текста.

Результаты тестирования художественных текстов на основе онлайн-сервиса

Автор № 1	Автор № 2	Автор № 3	Функциональный анализ	Лексический анализ
Gore Vidal «Williwaw»	Jack London «White Fang»	Gore Vidal «The judgement of Paris»	54% автор № 1 0% автор № 2	89% автор № 1 0% автор № 2
Gore Vidal «Williwaw», «The judgement of Paris»	Jack London «The house of pride»	Gore Vidal «Burr»	43% автор № 1 0% автор № 2	0% автор № 1 1% автор № 2
Jack London «The house of pride»	Gore Vidal «The judgement of Paris»	Gore Vidal «Williwaw»	0% автор № 1 39% автор № 2	0% автор № 1 70,5% автор № 2

Список источников

1. Атрибуция произведения [Электронный ресурс]. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Атрибуция_произведения (дата обращения: 13.10.2017).
2. Батура Т. В. Формальные методы определения авторства текстов // Вестник НГУ. Серия: Информационные технологии. 2012. № 4. С. 81–88.
3. Построение таблиц стилей текстовых произведений с использованием алгоритмов классификации на основе деревьев решений / А. И. Кубарев [и др.] // Вестник Томского государственного университета. Управление, вычислительная техника и информатика. 2012. № 4 (21). С. 79–88.
4. Online Authorship Attribution Tool [Электронный ресурс]. URL: <http://www.aicbt.com/authorship-attribution/online-software/> (дата обращения: 14.10.2017).

*О. В. Ермоленко,
кандидат филологических наук, доцент,
доцент кафедры иностранных языков № 1,
Институт иностранной филологии,
Таврическая академия (с. п.), Крымский федеральный
университет имени В. И. Вернадского, Симферополь*

*М. М. Маршалок,
магистрант первого года обучения, факультет
математики и информатики, Таврическая академия (с. п.),
Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского, Симферополь*

**ОСОБЕННОСТИ МОДУЛЯЦИИ РИТМИКИ
В ПОЭТИЧЕСКИХ ТЕКСТАХ
(НА ПРИМЕРАХ ОРИГИНАЛЬНЫХ СОНЕТОВ
У. ШЕКСПИРА И ТЕКСТОВ ПЕРЕВОДА С. Я. МАРШАКА)**

Целью данной работы является сравнительный анализ метrorитмической пульсации произведения в оригинале и в переводе на русский язык при помощи математического аппарата. В статье рассматривается возможность математического описания стихотворных размеров, основанная на методике бинарного кодирования.

Ключевые слова: метrorитмическая пульсация, пульс, бинарный код, сонет, силлабо-тонический размер.

**RHYTHMIC MODULATION PECULIARITIES
IN POETIC TEXTS
(W. SHAKESPEARE AUTHENTIC SONETS
AND SONETS TRANSLATED
BY S. MARSHAK AS AN EXAMPLE)**

The work is aimed at the comparative analysis of the metro-rhythmic pulsation of the authentic and translated texts by mathematical methods of analysis. The possibility of the mathematical description of the metre based on the binary coding technique is considered.

Keywords: Metro-rhythmic pulsation, pulse, binary code, sonnet, tonic syllable.

Анализу стихотворных размеров посвящён значительный ряд литературоведческих работ, в числе которых особое место занимают исследования с применением математических методов. Наиболее известными являются работы академика А. Н. Колмогорова и его

последователей, основанные на использовании теории вероятностей и математической статистики. В настоящей статье рассматривается ещё одна возможность математического описания стихотворных размеров, основанная на методике бинарного кодирования.

Системы стихосложения основываются на регулярном сочетании ударных и безударных слогов, которые складываются в группы — стопы. Стопы состоят из нескольких позиций, одна из которых отводится на ударный слог, а другие — на безударные слоги. В зависимости от количества последних выделяют группы стоп или виды силлабо-тонических размеров — двусложные и трёхсложные.

К двусложным группам относятся ямба и хорей. Отличие данных стоп состоит в том, что в хорее на первой позиции находится ударный слог, а вторую занимает безударный. Ямба же характеризуется противоположным сочетанием слогов: первым идёт безударный слог, далее следует ударный. К трёхсложным стопам принадлежат дактиль, амфибрахий и анапест. Как и в двусложных стопах, различие состоит в позиции ударного слога: в дактиле он занимает первое место, в амфибрахии и анапесте — второе и третье соответственно.

В качестве примера возьмем строки Сонета 18, автором которого является У. Шекспир. Поскольку слог мы определяем двумя значениями: ударным и безударным, то поставим в соответствие каждой строке бинарный код, так что ударные слоги будут кодироваться единицей, а безударные — нулём. Схема примет следующий вид:

<i>Shall I compare thee to a summer's day?</i>	0101010101
<i>Thou art more lovely and more temperate:</i>	0101010101
<i>Rough winds do shake the darling buds of May,</i>	0101010101
<i>And summer's lease hath all too short a date...</i>	0101010101

Полученная после кодирования схема представляет собой двоичный вид числа. Представим данные числа в десятичной системе исчисления. Так как все последовательности одинаковы, для каждой строки результат будет равен 341:

$$0 \times 2^9 + 1 \times 2^8 + 0 \times 2^7 + 1 \times 2^6 + 0 \times 2^5 + 1 \times 2^4 + 0 \times 2^3 + 1 \times 2^2 + 0 \times 2^1 + 1 \times 2^0 = 341.$$

Полученную последовательность десятичных чисел изобразим на координатной плоскости (рис. 1). На оси абсцисс отложим номер строки, а на оси ординат — соответствующие номеру строки полученные результаты. Так как значения в десятичной системе достаточно велики, для удобства нормируем полученную последовательность, принимая за единицу число 341.

Рисунок 1 демонстрирует метроритмическую пульсацию стихотворения, которая позволяет аналитически описать и наглядно изобра-

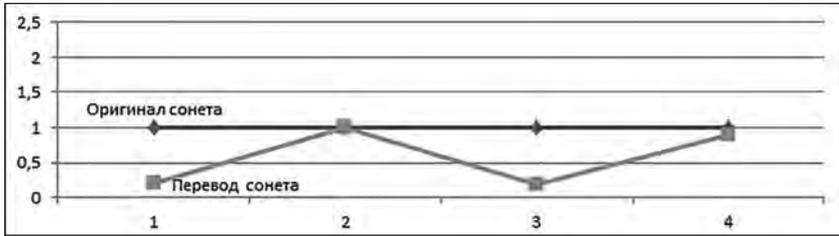

Рис. 1. Метроритмическая пульсация Сонета 18 в оригинале и переводе

зить такую характеристику, как пульс стихотворного произведения. Заметим, что для стихотворений, написанных только в одном силлаботоническом размере, график будет иметь вид одноуровневой прямой.

Сравним оригинал сонета с переводом Самуила Маршака.

<i>Сравню ли с летним днём твои черты,</i>	0101010101
<i>Но ты милей, умеренней и краше.</i>	11010100110
<i>Ломает буря майские цветы,</i>	0101010001
<i>И так недолговечно лето наше!</i>	11000101010

$$0 \times 2^9 + 1 \times 2^8 + 0 \times 2^7 + 1 \times 2^6 + 0 \times 2^5 + 1 \times 2^4 + 0 \times 2^3 + 1 \times 2^2 + 0 \times 2^1 + 1 \times 2^0 = 341.$$

$$1 \times 2^{10} + 1 \times 2^9 + 0 \times 2^8 + 1 \times 2^7 + 0 \times 2^6 + 1 \times 2^5 + 0 \times 2^4 + 0 \times 2^3 + 1 \times 2^2 + 1 \times 2^1 + 0 \times 2^0 = 1702.$$

$$0 \times 2^9 + 1 \times 2^8 + 0 \times 2^7 + 1 \times 2^6 + 0 \times 2^5 + 1 \times 2^4 + 0 \times 2^3 + 0 \times 2^2 + 0 \times 2^1 + 1 \times 2^0 = 337.$$

$$1 \times 2^{10} + 1 \times 2^9 + 0 \times 2^8 + 0 \times 2^7 + 0 \times 2^6 + 1 \times 2^5 + 0 \times 2^4 + 1 \times 2^3 + 0 \times 2^2 + 1 \times 2^1 + 0 \times 2^0 = 1578.$$

Нормируя полученные величины, принимая за единицу 1702, построим для данного отрывка метроритмическую пульсацию, которую изобразим на одной координатной плоскости с графиком пульса оригинального произведения. Как видно на графике (рис. 1), модуляция пульса имеет вид ломаной, что свидетельствует о том, что переводчику не удалось полностью сохранить стихотворную форму произведения.

Рассмотрим также отрывок из Сонета 116. Построим метроритмическую пульсацию (рис. 2) и для оригинального произведения, и для перевода в авторстве С. Маршака. Как и в прошлом примере изобразим оба графика на одной координатной плоскости.

<i>Let me not to the marriage of true minds</i>	1010010011
<i>Admit impediments. Love is not love</i>	0101001001
<i>Which alters when it alteration finds,</i>	0100010101
<i>Or bends with the remover to remove...</i>	0100010001

$$1 \times 2^9 + 0 \times 2^8 + 1 \times 2^7 + 0 \times 2^6 + 0 \times 2^5 + 1 \times 2^4 + 0 \times 2^3 + 0 \times 2^2 + 1 \times 2^1 + 1 \times 2^0 = 659.$$

$$0 \times 2^9 + 1 \times 2^8 + 0 \times 2^7 + 1 \times 2^6 + 0 \times 2^5 + 0 \times 2^4 + 1 \times 2^3 + 0 \times 2^2 + 0 \times 2^1 + 1 \times 2^0 = 329.$$

$$0 \times 2^9 + 1 \times 2^8 + 0 \times 2^7 + 0 \times 2^6 + 0 \times 2^5 + 1 \times 2^4 + 0 \times 2^3 + 1 \times 2^2 + 0 \times 2^1 + 1 \times 2^0 = 277.$$

$$0 \times 2^9 + 1 \times 2^8 + 0 \times 2^7 + 1 \times 2^6 + 0 \times 2^5 + 1 \times 2^4 + 0 \times 2^3 + 0 \times 2^2 + 0 \times 2^1 + 1 \times 2^0 = 337.$$

<i>Мешать соединенью двух сердец</i>	0100010101
<i>Я не намерен. Может ли измена</i>	11010101010
<i>Любви безмерной положить конец?</i>	0101000101
<i>Любовь не знает убыли и тлена.</i>	01110100110

$$0 \times 2^9 + 1 \times 2^8 + 0 \times 2^7 + 0 \times 2^6 + 0 \times 2^5 + 1 \times 2^4 + 0 \times 2^3 + 1 \times 2^2 + 0 \times 2^1 + 1 \times 2^0 = 277.$$

$$1 \times 2^{10} + 1 \times 2^9 + 0 \times 2^8 + 1 \times 2^7 + 0 \times 2^6 + 1 \times 2^5 + 0 \times 2^4 + 1 \times 2^3 + 0 \times 2^2 + 1 \times 2^1 + 0 \times 2^0 = 1706.$$

$$0 \times 2^9 + 1 \times 2^8 + 0 \times 2^7 + 1 \times 2^6 + 0 \times 2^5 + 0 \times 2^4 + 0 \times 2^3 + 1 \times 2^2 + 0 \times 2^1 + 1 \times 2^0 = 325.$$

$$0 \times 2^{10} + 1 \times 2^9 + 1 \times 2^8 + 1 \times 2^7 + 0 \times 2^6 + 1 \times 2^5 + 0 \times 2^4 + 0 \times 2^3 + 1 \times 2^2 + 1 \times 2^1 + 0 \times 2^0 = 934.$$

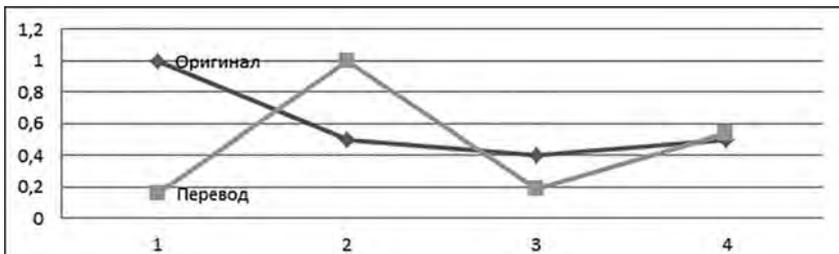

Рис. 2. Метроритмическая пульсация Сонета 116 в оригинале и переводе

Сонет 116 является примером логаздического стихотворения, то есть в нём используется чередование нескольких стоп в одной строке. Для таких произведений графическое изображение будет более интересным, так как для каждой строки результирующая величина будет различна. Как видно из графика (рис. 2), для оригинального произведения использование чередования стоп лишь немного видоизменяет эталонный график — одноуровневую прямую, для русскоязычной версии — разница в строках существенна, поэтому график принимает вид ломаной.

В данном исследовании при помощи математического аппарата была построена метроритмическая пульсация произведения. При проведении сравнительного анализа было выяснено, что для передачи необходимого художественного образа переводчик может отказаться от оригинального стихотворного размера.

Список источников и литературы

1. Андреева Е. В., Фалина И. Н. Системы счисления и компьютерная арифметика. М. : ЛБЗ, 200. 248 с.
2. Жирмунский В. М. К вопросу о стихотворном ритме // Историко-филологические исследования. М. : Наука, 1974. 456 с.
3. Маршак С. Я. Сочинения в четырёх томах. Т. 3 : Избранные переводы. М. : Гос. изд-во худ. лит., 1957. 615 с.
4. *Shakespeare W.* The Complete Works / ed. by P. Alexander. London ; Glasgow : Collins, 1964. 1376 p.

УДК 821.111

П. В. Петрова,

*Институт иностранной филологии, Таврическая академия (с. п.),
Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского, Симферополь*
*Научный руководитель — Е. В. Полховская,
доцент, кандидат филологических наук,
заведующая кафедрой английской филологии,
Институт иностранной филологии, Таврическая академия (с. п.),
Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского, Симферополь*

СПЕЦИФИКА ТРАКТОВКИ СОБЫТИЙ ИПОТЕЧНОГО КРИЗИСА 2007 ГОДА В ТВОРЧЕСТВЕ ПОЛА ОСТЕРА

В статье рассматриваются ключевые аспекты экспликации темы «Великой рецессии» в творчестве Пола Бенджамина Остера на примере романа «Sunset Park». Выявляется специфика освещения данной проблемы, а также определяется взаимосвязь описания картины данного события и её трактовки главным персонажем. Был использован системный подход к проведению исследования, сочетающий в себе методы нарративного и стилистического анализа.

Ключевые слова: Пол Остер, постмодернизм, ипотечный кризис в США.

THE SPECIFICITY OF THE INTERPRETATION OF SUBPRIME MORTGAGE CRISIS EVENTS IN PAUL AUSTER'S FICTION

The article discusses the key aspects of presenting the theme of Great Recession in Paul Auster's fiction on the basis of his novel "Sunset Park". It reveals the specifics of interpretation of the theme and determines the connection between the description of the phenomenon and its presentation

by the protagonist of the story under consideration. The narrative and stylistic methods of analysis were used within the system approach.

Keywords: Paul Auster, postmodernism, The U.S. subprime mortgage crisis.

Ипотечный кризис в США 2007 года коренным образом изменил мировую экономику на последующие восемь лет, что отрицательно сказалось на многих сферах человеческой жизнедеятельности. Американский писатель Пол Бенджамин Остер стал одним из немногих современных писателей, кто затронул психологический аспект этой проблемы в романе «Sunset Park».

В отечественных работах эта проблема является недостаточно изученной, что и влияет на выбор темы данного исследования. Следовательно, актуальность обусловлена недостаточной изученностью отображения такого важного экономического события, как ипотечный кризис 2007 года в современной постмодернистской литературе. Это позволяет сформулировать цель работы, заключающуюся в выявлении специфики описания Полом Остером влияния переломного момента в экономике США на жизнь обычного населения на материале произведения «Sunset Park».

Многие эксперты отмечают, что падение цен на рынке жилья и является началом рецессии в экономике США. В течение 2005 года кредиторы для достижения конкурентных преимуществ снижали процентные ставки, что привело к улучшению качества их кредитных портфелей. Рост экономики США в период с 2005 по 2006 год составил около 3,2%, что привело к «перегреву» экономики [2]. Возросла стоимость денег, при этом стали снижаться цены на жильё, в то время как финансовые обязательства никуда не делись.

Возрастание кредитных рисков и экономических трудностей, а также потрясения в банковской сфере сопровождалась не только подрывом доверия кредиторов, но и клиентов. Экономический кризис практически уже перерастает в социальный, вызвав почти повсеместно увеличение безработицы, снижение реальных доходов у значительной части населения, радикальное сокращение объёмов жилищного строительства, ухудшение здоровья населения, подвергшегося стрессу и депрессии [1, с. 3].

Именно социальную часть этой проблемы и описал Пол Остер в «Sunset Park». Действие романа разворачивается в Южной Флориде, где живёт и работает главный герой — 28-летний Майлз Хеллер. Его работа связана с очищением домов от вещей прежних постояльцев, которые вынуждены были их покинуть из-за финансовых трудностей. С первых страниц читатель видит прямую отсылку к уже упоминаемому нами экономическому кризису, история которого в дальнейшем выражается не фактами и цифрами, а чувствами и описаниями.

На протяжении года Майлз фотографирует такие заброшенные дома, ведь ему важно запечатлеть действительность сквозь обычные

вещи, которые будто бы пытаются рассказать историю прежней счастливой жизни. Число его фотографий измеряется тысячами кадров картин и техники, диванов и книг, ножей и вилок, губных помад и кукол, обуви и носков. Каждая вещь, некогда приносившая огромную пользу, теперь попросту была никому не нужной. Входя в дома, Майлз ощущает, как эти покинутые в спешке предметы (*the abandoned things*) зовут его голосами тех людей, которые больше не имеют возможности туда вернуться. Так, главный герой пытается показать боль людей и несправедливость закона, поэтому крайне важно изобразить вещь не как предмет обихода, а как некую памятную ценность: «...*all he wants are his pictures — not things, but the pictures of things*» [3, с. 6].

Кроме того, экономическая рецессия предстаёт перед читателем не только в виде фотокарточек, но также в виде запахов и шума. Сам Майлз говорит о том, что редко он входит в дома, оставленные в хорошем состоянии. В основном помещения пропитаны отвратительным запахом скисшего молока, оставленного мусора и гниющей еды; повсюду окружают уродливые граффити, выцветшие от хлорки ковры, горы ненужных бумаг. Тишина чужда такому жилью — нескончаемый звук воды, льющей со всех открытых кранов, переплетается со звуком ветра, задувающего сквозь дыры. Пол Остер, как автор романа, а вместе с тем протагонист истории, воспринимает это как акт вандализма, который совершается с целью показать гнев и грубость, несогласие с установившимся режимом: «*Those are extreme examples, perhaps, impulsive acts triggered by the rage of the dispossessed, disgusting but understandable statements of despair, but even if he is not always gripped by revulsion when he enters a house, he never opens a door without a feeling of dread*» [3, с. 4].

Таким образом, Пол Остер стремится показать весь ужас ипотечного кризиса не стандартным образом, а путём передачи зрительной и эмоциональной картины жизни того времени. Он описывает привычные каждому американцу вещи и вместе с тем передаёт совсем непривычное нам влияние финансовой катастрофы. Его интерпретация разрухи сравнима с мёртвой канарейкой, лежащей на дне брошенной клетки, которую Майлз Хеллер сфотографировал в одном из жилищ: будучи когда-то объектом любования и радости, теперь она приносит лишь горе и печаль.

Список источников

1. Аганбегян А. Г. Об особенностях современного мирового финансового кризиса и его последствий для России // Деньги и кредит. 2008. № 12. С. 3–9.
2. Кашин В. А. Мировой финансовый кризис: причины и последствия [Электронный ресурс] // Финансы. 2009. № 1. URL: <https://www.lawmix.ru/bux/34587> (дата обращения 05.11.2017).
3. Auster P. Sunset Park. London : Faver and Faber Ltd, 2010. 309 p.

Л. Н. Глухенькая,

*магистрант, Институт иностранной филологии,
Таврическая академия (с. п.), Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского, Симферополь*

М. Ю. Лукинова,

*кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры
теории и практики перевода, Институт иностранной филологии,
Таврическая академия (с. п.), Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского, Симферополь*

GAME OF CODES IN C. A. DUFFY'S POETRY

Nowadays “double coding” is considered by the theorists and practitioners of Postmodernism as an esthetic, philosophical and literary phenomenon. The present article gives some consideration to the matter of double-coding as one of the most important aspects in the postmodern paradigm and attempts to define the generally available and intellectual codes of C. A. Duffy's poetry. The work is aimed at identifying the process of double coding by means of the intertextual method and method of symbolic interpretation. The results obtained can be used in further studies of postmodern poetry.

Keywords: code, double-coding, mass code, intellectual code, Postmodernism, intertext.

ИГРА КОДОВ В ПОЭЗИИ К. Э. ДАФФИ

В настоящее время «двойное кодирование» рассматривается теоретиками и практиками постмодернизма как эстетическое, философское и литературное явление. В данной статье рассматривается приём двойного кодирования как один из ведущих в постмодернистской парадигме и предпринимается попытка проследить общедоступные и интеллектуальные коды поэзии на примере творчества К. Э. Даффи. Цель работы заключается в выявлении процесса двойного кодирования в творчестве К. Э. Даффи путём использования интертекстуального метода и метода символической интерпретации. Полученные результаты могут быть использованы в дальнейших исследованиях постмодернистской поэзии.

Ключевые слова: код, двойное кодирование, массовый код, элитарный код, постмодернизм, интертекст.

Emergence of the idea of *double code* goes back to the R. Barthes' concept of a code and the semiotic theory. The word *code* shouldn't be interpreted strictly scientifically. “This term represents an appropriate name for an associative field, the supertextual organization of certain values impos-

ing the idea of a certain structure; the code as we understand it belongs mainly to the sphere of culture; it is something that is already seen, already read and already done; the code is a concrete form of that “already”, constituting any writing” [1, p. 455–456].

The postmodern code can be explained as a certain set of means that the author uses to construct multilevel structure of his writing: “the postmodern thought has come to conclusion that everything, taken for reality, actually is none other than its representation, dependent also upon the point of view the reader chooses” [2, p. 133]. Thus postmodern literature is aimed to exceed well-established traditional bounds of the literary schools and genres, to reject stereotypes and thus to deceive the reader’s expectations and to overcome a gap between “art for educated people» and “art for uneducated people” [3, p. 12]. Postmodern works are namely attractive both to the mass reader and to the so-called erudite audience, as far as there is an ironic re-consideration of reality including that reflected in literature.

In the narrow scene *double-coding* is a game of the writer with several different meanings of a word (image, situation or plot), from which the mass reader reads out the “top”, obvious mass code while the elite reader — the hidden intellectual code. This concept applies both to postmodern prose and poetry. According to N. V. Kireeva double coding is associated with the technique of bricolage; hybridization of genres; intertextuality (including allusion, quotation, adoption, stylization, irony, parody, etc.); rhizome and non-selection; play with words; the author’s mask and reader’s co-authorship phenomena, etc. [3, p. 13–14].

C. A. Duffy has asserted herself as a postmodern writer as well as Ted Hughes, Seamus Heaney, Carol Rumens and Fleur Adcock. Her works are highly intertextual, and she often resorts to such postmodern literary devices as quotation, adoption, stylization, irony, while refusing to select linguistic elements in attempt to build coherent interpretation of the text. Her poems are characterized by total absence of structure and hierarchy. Double coding in Duffy’s poetry is implemented through multiplicity of interpretations of the meaning sense of the word. That gives an opportunity both to the elite and mass reader to join the literary process.

For instance, in the first stanza of the poem *Standing Female Nude* we see an abusive phrase *river-whore*: “I shall be represented analytically and hung/ in great museums. The bourgeoisie will coo/ at such an image of a river-whore. They call it Art” [4, p. 19]. This compound word is an example of a swearword, used by the poker players in the Texas Hold ‘Em Poker game, when a person wins the hand in the final round and on the final community card, which is called the river. As far as the story is told on behalf of the female *streetwalker* who makes some money on the side as an artist’s model, an occasional explication of the phrase is obvious. Thus, the first

code is mass. It concerns mass culture, at the center of which entertainments are placed. On the other hand, there is one more code. An intellectual one appears as a compound word with the occasional meaning — a streetwalker from London.

The poem *Elvis's Twin Sister* is also built by means of double-coding. In the epigraph to the poem we find a name *Madonna*: “Are you lonesome tonight? Do you miss me tonight?/ Elvis is alive and she’s female: Madonna” [4, p. 193]. For a start it should be mentioned that the monologue in the poem is gradually unfolded on the fictional Elvis Presley’s twin-sister’s part. The epigraph presents an open quotation of the Presley’s song. Speaking about the origin of the name *Madonna* we find out that in Christian Catholic tradition it is correlated to the mother of Jesus Christ — Virgin Mary. This meaning appears to be directed at the elite reader. On the other hand, Madonna Louise Ciccone is known as one of the most successful modern pop singers, whose name is a mass code.

Moreover, Duffy often addresses to the ancient myths and legends. For example, the lyrics characters of the collected poems *The Worlds Wife* are wives, fiancées, or mistresses of well-known men, such as Aesop, Pilat, Herod, Faust, Quasimodo, Darwin, etc. For example, the poem *Mrs. Aesop* [4, p. 162] represents the famous fabulist’s spouse as a vulgar, uneducated woman who is irritated by her husband’s writing. In the images of the animals listed by the woman, the common uneducated reader will see only animals. The educated reader, on the contrary, has to guess the famous Aesopian heroes from the fables *The Fisherman and the Little Fish*, *The Fox and the Crow*, *The Fox and the Grapes*, *The Lion and the Mouse*, *The Tortoise and the Hare*, *How to make a Silk Purse of a Sow’s Ear*, *Dog in the Manger*.

All in all, it is possible to draw a conclusion that in Duffy’s poetry double-coding plays one of the main roles, accompanying the process of reinterpretation of information presented in the light of Postmodernism.

Список источников

1. *Барт Р.* Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М. : Прогресс, 1989. 616 с.
2. *Ильин И. П.* Постструктурализм. Деконструктивизм. Постмодернизм. М. : Интрада, 1996. 255 с.
3. *Киреева Н. В.* Постмодернизм в зарубежной литературе. М. : Флинта ; Наука, 2004. 216 с.
4. *Duffy C. A.* New Selected Poems: 1984–2004. Picador, 2004. 253 p.

М. О. Кучинская,
студентка Института иностранной филологии,
Таврическая академия (с. п.), Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского, Симферополь

Научный руководитель — Е. Н. Мазина,
кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии,
Институт иностранной филологии, Таврическая академия (с. п.),
Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского, Симферополь

ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ И ГРАФИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА СОЗДАНИЯ ОБРАЗНОСТИ В ФЕМИНИСТСКОЙ ПОЭЗИИ МЭЙ СВЕНСОН

Работа представляет собой исследование лексико-семантических и графических средств создания образности в поэзии Мэй Свенсон. Образность речи рассматривается как особая черта идиостиля американской поэтессы. Сложная образная система стихотворений М. Свенсон служит для выражения феминистских идей: затрагивает проблемы места женщины в обществе и несправедливости взаимоотношений полов. Полученные результаты проведённого исследования могут быть использованы при разработке курсов стилистики, литературоведения, а также спецкурса по интерпретации поэтического текста.

Ключевые слова: образ, образность, лексико-семантические приёмы, графические средства.

LEXICO-SEMANTIC AND GRAPHICAL MEANS OF CREATING IMAGERY IN M. SWENSON'S FEMINIST POETRY

The article represents a study of lexico-semantic and graphical means of creating imagery in May Swenson's poetry. The imagery of speech is viewed as a specific feature of this American poet's idiosyncrasy. The complex imaginative system of M. Swenson's poems serves to express her feminist ideas: raising the problem of women's role in society, the injustice of gender relationships. The results of the study can be used to develop the courses of stylistics, literary criticism, as well as the special course for the interpretation of poetic texts.

Keywords: image, imagery, lexico-semantic techniques, graphical means.

Введение

Восприятие литературного произведения происходит преимущественно визуально через чтение, а не на слух. Поэтому графическое оформление является важной его составляющей. Письменная форма

языка часто недооценивается и рассматривается лишь как чисто внешняя фиксация звуковой формы, которая принимается за собственно язык. В действительности и та и другая форма взаимодействуют в передаче содержания; они вместе несут идейный смысл сообщения.

Цель работы состоит в определении системы лексико-семантических и графических средств создания образности в визуальной поэзии М. Свенсон, в выявлении их роли в раскрытии авторского замысла поэтессы.

Для достижения цели поставлены следующие **задачи**:

- изучить сущность понятий «образ», «образность»;
- рассмотреть основные виды образных средств лексического уровня языка;
- раскрыть содержание понятий «графическая образность», «графическая форма», «фигурный стих», «визуальная поэзия»;
- рассмотреть историю возникновения фигурных стихов и их развитие в современной литературе;
- выявить средства создания образности в произведениях Мэй Свенсон.

Для достижения поставленных задач в ходе работы применялись следующие **методы научного исследования**: метод контекстуального анализа, метод семантического анализа, сопоставительный анализ, стилистический метод.

Результаты исследований

В ходе исследования был проведён анализ двух стихотворений: «Bleeding» и «Women», взятых из сборника «Иконографы» (1970).

Стихотворение «Bleeding», построенное в форме диалога между ножом и раной, является выражением феминистских идей автора. М. Свенсон использует традиционный символ западной культуры — нож, клинок, сохраняя его изначальный смысл: он — воплощение мужского начала, агрессивного, безжалостного и склонного к разрушению. Рана, уязвимая, кровоточащая, податливая, олицетворяет женское начало [2, с. 103]. Таким образом, автор осмысливает отношения полов, причиняющие боль и страдания. С точки зрения структурных особенностей стоит отметить, что стихотворение, как и всё из данного сборника, представляет собой иконограф. Графически оно организовано таким образом, что промежутки в середине каждой строки образуют рисунок длинной, рваной и неровной раны.

Композиционная организация текста определена графическим оформлением. Стихотворение не разбито на строфы. В нём не прослеживается классическая рифма. Оно являет собой пример вольного (свободного) стиха, довольно популярного среди поэтов XX века.

Но в стихотворении определённо есть ритм. Он задаётся переносом строк — нелогичным разрывом предложения и продолжением его в следующей строке.

Стихотворение не отличается разнообразием художественно-образительных средств (сравнений, эпитетов и т. п.), весь стих построен на олицетворении неодушевлённых предметов — ножа и раны.

Использование анафоры усиливает эффект от сказанного, привлекает внимание читателя к различиям в характере высказываний двух участников диалога: императивной манере мужской речи — напористой, не допускающей возражений, обвиняющей и женской с её оправдывающимися интонациями, сослагательным наклонением, неуверенным звучанием. Например:

*(«**Stop bleeding** said the knife*

I would if I could said the cut.

***Stop bleeding** you make me messy with the blood»)* [2, с. 103].

Второе анализируемое стихотворение — «Women», также представляет собой пример феминистического творчества. В нём поднимается извечная проблема места и роли женщины в жизни мужчины, да и вообще в мире, управляемом мужчинами. Стихотворение выдвигает идею, что женщины — не более чем игрушки для мужчин, яркие и желанные, но имеющие свойство надоедать после того, как ими наиграются [3, с. 223].

Данное стихотворение, как и предыдущее, представляет интерес своим графическим оформлением. Наибольший эмоциональный эффект достигается посредством фигурной организации стиха. Строфы стихотворения идут одна за другой, но разделены на две параллельные части. Эти части, располагающиеся друг напротив друга, выражают противоположные мысли, одна противопоставлена другой. Но заканчиваются они одной, объединяющей их строкой — общим выводом, который подтверждает одну из двух опций.

Ступенчатое расположение строф задаёт особый, спотыкающийся ритм при чтении. Оно же визуально создаёт образ раскачивания. Это связано с центральным образом стихотворения — детской лошадкой-качалкой, с которой метафорически сравниваются женщины:

«Or they

should be

little horses

those wooden

sweet

old-fashioned

rocking

horse» [2, с. 110].

Иконографическая организация строф создаёт визуальный образ — модель отношений мужчины и женщины, где каждая строфа — это новое движение лошадки-качалки.

Необычна и ритмическая организация стиха — отсутствует классическая рифма, но краткость строк и их ступенчатое расположение формируют чёткий частый ритм, который поддерживается на протяжении всего стихотворения и создаёт иллюзию присутствия рифмы.

Данное стихотворение более богато средствами выразительности по сравнению с первым. Метафора, основанная на сравнении с лошадками, рисует образ женщины в восприятии мужчины. А многочисленные эпитеты, экспрессивно характеризующие «слабый пол», только дополняют этот образ праздничной, приносящей радость игрушки.

Исходя из данного исследования, можно сделать следующие **выводы**.

Индивидуальный авторский стиль Мэй Свенсон характеризуется умелым использованием лексических и графических средств в их тесной взаимосвязи для создания ярких визуальных образов. Результатом стилистических экспериментов поэтессы стали оригинальные поэтические произведения, построенные преимущественно на гендерных метафорах или олицетворениях и имеющие специфическую форму, отражающую ключевые образы. В стихотворениях Свенсон сквозит американская вседозволенность, которая гармонично сосуществует с шведской сдержанностью и холодностью. Творчество поэтессы характеризует иносказательность текстов, чувственность и образность. Поднимая проблему места женщины в обществе, автор вызывает самые противоречивые чувства, заставляет задуматься, а также провоцирует желание бороться с несправедливостью взаимоотношений между мужчиной и женщиной.

Список источников

1. *Crumbley Paul, GantBody Patricia M.* Body My House: May Swenson's Work and Life. Utah State University Press, 2006. P. 102–106.

2. *Ed. Sandra M. Gilbert and Susan Gubar.* May Swenson and the Shapes of Speculation. Shakespeare's Sisters: Feminist Essays on Women Poets. Bloomington : Indiana University Press, 1979. P. 221–232.

*Е. А. Аникеева,
старший преподаватель кафедры иностранных языков № 2,
Институт иностранной филологии, Таврическая академия (с. п.),
Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского, Симферополь*

ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЙ КОНТЕКСТ НЕМЕЦКОЙ «ЛИТЕРАТУРЫ ПОВОРОТА»

Настоящая статья посвящена анализу историко-культурного контекста немецкой «литературы поворота». Рассматриваются ключевые факторы, повлиявшие на облик литературы последнего десятилетия XX века: падение Берлинской стены, ознаменовавшее объединение Германии, появление на исторической арене нового поколения немцев отличной мировоззренческой позиции, евроинтеграция и её последствия, окончание холодной войны, неоднородность этических и эстетических позиций писателей запада и востока Германии.

Ключевые слова: современная немецкая литература, «литература поворота», «поколение внуков», «немецкое прошлое».

HISTORICAL AND CULTURAL CONTEXT OF GERMAN POST 1989 LITERATURE

The present paper is dedicated to the analysis of historical and cultural background of German post 1989 literature. The key factors, which has formed the face of German literature of the last decade of XX century, are analyzed: the fall of the Berlin wall followed by German reunification, the emergence of a new German generation with a different worldview, European integration and its consequences, the end of the Cold War, heterogeneity of eastern and western German authors' ethic and aesthetic beliefs.

Keywords: Contemporary German Literature, Post 1989 Literature, 'Grandsons Generation', 'German Past'

Адекватное осмысление особенностей того или иного периода истории художественной словесности, безусловно требует учёта экстралитературных факторов. Поэтому не вызывает сомнения актуальность изучения историко-культурного контекста, в рамках которого развивалась или развивается определённая литература.

Немецкая «литература поворота» берет своё начало в 1989 году. Точкой отсчёта становится падение Берлинской стены, ознаменовавшие объединение Германии. Значение этого события для культурной и политической жизни немецкого общества тяжело переоценить.

Цель данной статьи — исследование политического и историко-культурного контекста «литературы поворота», что в свою очередь позволит выделить факторы, повлиявшие на формирование облика современной немецкой литературы.

В 1990-е годы в немецком обществе появляется «поколение внуков». Это люди, которые уже никак — даже опосредованно, как второе поколение — не были причастны к нацистскому прошлому. Они чувствовали себя частью Европы, и, как справедливо отметил Т. Анц, «на стыд принадлежать к немцам, проявленный поколением 1968 года, новое поколение отреагировало открытой гордостью за свою немецкость» [1]. Таким образом, наметился сдвиг в немецком самосознании: большинство населения Германии, не отрицая и не забывая прошлого, перестало испытывать личную вовлечённость в него.

Рубеж веков стал эпохой колоссальных изменений не только в Германии, но и во всей Европе. Евроинтеграция поставила перед немцами острый вопрос поиска собственной национальной идентичности. Литература чутко откликнулась на данную проблему, предпринимая попытки осмыслить национальное начало и важность его сохранения в европейском обществе. Не осталась в стороне и публицистика. Яркий тому пример — книга Гюнтера де Бройна «Немецкие обстоятельства» (1999).

До падения Берлинской стены немецкое общество было биполярно: коммунистический Восток был противопоставлен капиталистическому Западу. Новому поколению стала ближе оппозиция богатого Севера и бедного Юга. Так или иначе, политическое объединение Германии не повлекло за собой молниеносное мировоззренческое единство, что не удивительно, поскольку «осси» и «весси» представляли собой различные культурные пространства. Следствием этого явилось непонимание, критика, взаимное недоверие и даже неприязнь между восточными и западными немцами. Истоки такого положения вещей усматриваются в политической истории послевоенной Германии, которую долгое время в своих целях использовали союзники по антифашистской коалиции. Данная проблематика нашла отражение в творчестве восточно- и западногерманских авторов (Патрик Зюскинд, Гюнтер Хертль).

Необходимо отметить, что, несмотря на взаимную критику, последнее десятилетие XX века в большой степени характеризовалось осуждением политики бывшей ГДР. В литературе это вызвало идейный и художественный кризис писателей востока страны, который привёл не только к годам творческого молчания, но и к эмиграции ряда авторов.

«Литературу поворота», а также векторы развития современной немецкой литературы во многом определили дискуссии между западно- и восточногерманскими писателями. Как справедливо заметила Р. Генераль, «холодная война переехала литературу и поставила её себе на службу. Это не значит, что каждое литературное произведение имело

к этому отношению. Просто литературу охотно использовали. В ГДР охотнее, чем в Федеративной республике, потому что повествователь воспринимался здесь в роли воспитателя, потому что книга имела другое значение, потому что она аргументировала такие вещи, о которых в других местах молчали» [3].

Очевиден тот факт, что на востоке и западе Германии литературные вкусы существенно различались. Свидетельством тому в 1990-е годы стали различные оценки новых литературных произведений. Ярким примером служит роман «Долгий разговор» Г. Грасса, который был встречен неодобрением (вспомним скандальную обложку «Шпигеля» с изображением М. Райх-Раницки, которая разрывает произведение Г. Грасса) на западе и одобрением — на востоке страны.

Тем не менее в 1990-е годы наметилась всеобщая тенденция на деполитизацию и деидеологизацию литературы, что, несомненно, было связано с окончанием холодной войны. Россия перестала играть роль воплощённой оппозиционной идеологии, что прослеживается во множестве произведений: «Герои, как мы» (1995) Т. Бруссига, «33 мгновения счастья. Записки немцев о приключениях в Питере» (1995) И. Шульце, «Моё столетие» (1999) Г. Грасса, «Бегство Хампеля» (2000) и др.

Изменения в общественно-политической жизни Германии не могли не отразиться на литературной жизни, поскольку новые обстоятельства не укладывались в рамки существующих концепций литературного процесса второй половины XX века в Германии. 1989 год был признан исследователями знаковой точкой новейшей национальной истории и отправной точкой «литературы поворота». Были разделены понятия «современной» и «послевоенной» литератур. В национальной художественной словесности расширился концепт «немецкое прошлое», ранее использовавшийся для обозначения нацизма или непосредственно послевоенной поры. После 1989 года (объединение страны) «прошлое» распространилось на все послевоенные события вплоть до падения Берлинской стены [2, с. 46]. В данном контексте показателен рассказ Бернхарда Шлинка «Скачок в сторону» (2000), где период истории ГДР 1970–1980-х годов воспринимается «прошлым».

Итак, немецкая «литература поворота» возникает с падением Берлинской стены и развивается в историко-культурном контексте объединённой Германии, взявшей курс на евроинтеграцию. Её облик формирует новое поколение, оставившее позади нацистское прошлое и послевоенное время и находящееся в поисках собственной национальной идентичности. Эстетические и этические дебаты между писателями востока и запада страны во многом определяют общелитературный фон развития новой немецкой культуры последнего десятилетия XX века. Вместе с тем окончание холодной войны становится отправной точкой деидеологизации и деполитизации литературы.

Список источников

1. *Anz Th.* 1968: Hinweise auf Bücher und Anmerkungen zur Wirkungsgeschichte der Protestbewegung in Politik, Philosophie, Wissenschaft und Literatur [Электронный ресурс] // Literaturkritik. de. 2001. № 2. URL: <http://www.literaturkritik.de/public/rezension.php?rezjd=3377&ausgabe=200102> (дата обращения: 11.09.2017)
2. *BaBler M.* Der Deutsche Pop-Roman: die neuen Archivisten. München: Beck, 2002. S. 46.
3. *General R.* Steine, Brtliche, Splitter [Электронный ресурс] // Der Freitag. 2001. № 25. URL: <http://www.freitag.de/2001/25/01251301.php> (дата обращения: 11.09.2017)

УДК 821.111(73)

И. Н. Ломакина,

*ассистент кафедры английской филологии,
Институт иностранной филологии, Таврическая академия (с. п.),
Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского, Симферополь*

КВЕСТ КАК МИФОЛОГЕМА В РОМАНАХ ДОНА ДЕЛИЛЛО

Данное исследование посвящено изучению особенностей интерпретации квеста в постмодернистской прозе Дона Делилло. Базовыми методами исследования послужили метод «тщательного прочтения», герменевтический и типологический подходы. Характерной особенностью прозы Д. Делилло выступает своеобразная модификация мифологемы квеста, в результате чего достижение героем поставленной цели сопряжено с его разочарованием и даже смертью, что является отражением постмодернистского пессимистического пафоса.

Ключевые слова: квест, мифологема, постмодернизм, Д. Делилло.

QUEST AS A MYTHOLOGEME IN DON DELILLO'S NOVELS

The current research concerns the peculiarities of the quest interpretation in Don DeLillo's postmodern prose. The basic research methods are the close reading method, the hermeneutic and typological approaches. The characteristic feature of D. DeLillo's novels is a kind of modification of the quest mythologeme resulting in hero's disappointment and even death on achieving the goal, this fact being a reflection of the Postmodern pessimistic pathos.

Keywords: quest, mythologeme, Postmodernism, D. DeLillo.

Формирование сюжета на основе поиска главным героем некоего артефакта уходит корнями в глубокую древность. Появившись в мифологии, квест плавно перешёл и в сферу художественной литературы, став, с одной стороны, средством структурирования повествования, а с другой — способствуя тематической организации текста. Исследованию особенностей литературной интерпретации квеста посвящены труды Р. Л. Бирала, Х. Биренбаума, Н. Фрая, Д. Лиминга и других учёных. Цель данного исследования: изучение и описание особенностей экспликации мифологема квеста в прозе современного американского писателя-постмодерниста Дона Делилло.

В своей монографии «Литература, модернизм и миф: вера и ответственность в двадцатом веке» М. Белл утверждает, что характерной чертой модернизма и постмодернизма является использование мифологема пути (мифологема Одиссеи), которая тесно связана с квестом [1, с. 36]. Д. Делилло использует эту мифологему в своём первом романе «Американа» (*Americana*, 1971).

Главный герой, преуспевающий менеджер Дэвид Белл, ассоциирует себя с Леопольдом Блумом из «Улисса» Дж. Джойса. Устав от монотонной работы в офисе, Дэвид мечтает совершить путешествие на запад: «I'd like to do something more religious. Explore America in the screaming night. You know. Yin and Yang in Kansas» [2, с. 17]. Литературный критик М. Остин, анализируя данный роман, пишет: «Bell hopes to discover an authentic origin, a core identity. He wants both to discover and to destroy his past» [6, с. 7].

Изображение путешествия героя прерывается серией ретроспективных вставок, представляющих собой воспоминания Дэвида о его детстве, проведённом в провинциальном городке Олд-Холли. Таким образом, путешествие происходит в двух сферах: пространственной (реальное пересечение географического пространства) и временной (Белл мысленно возвращается в детство и юность).

В прозе Д. Делилло мифологема квеста переплетается с мифологемой инициации. Настоящей причиной паломничества Дэвида служит конфликт с отцом и желание избавиться от целого ряда комплексов и предрассудков. Как полагает М. Остин, «Американа» является своего рода «романом воспитания» (*Bildungsroman*) [6, с. 24], так как молодой герой (Дэвиду — 28) мечтает познать самого себя.

Отличительной чертой постмодернистского квеста Д. Делилло служит отсутствие его логического завершения. М. Ориард отмечает: «The quest has been literally turned out. The path from chaos to knowledge becomes a Möbius strip that brings the seeker back to chaos» [5, с. 5]. Данное утверждение как нельзя лучше характеризует ещё один роман писателя — «Грейт-Джонс-стрит» (*Great Jones street*, 1973).

Главный герой, рок-музыкант Баки Вундерлик, прерывает свой гастрольный тур и возвращается домой в Нью-Йорк. Молодой человек мечтает создать хит, но сталкивается с творческим кризисом и непониманием окружающих. Желание Баки добиться популярности обобщается его безумием и пристрастием к наркотическим средствам.

Роман «Весы» (*Libra*, 1988) является апофеозом постмодернистского пессимизма Дона Делилло, так как квест приводит главного героя (Ли Харви Освальда) к смерти. В отличие от вышеупомянутых персонажей, Освальд не жаждет морального очищения или познания самого себя; единственной его целью является убийство президента Кеннеди. Дэвид Ферри, один из приятелей Освальда, отмечает: «You wanted to enter history. Wrong approach, Leon. What you really want is out. Get out. Jump out. Find your place and your name on another level» [3, с. 215].

Молл Роббинс, протагонист романа «Бегущий пёс» (*Running Dog*, 1978), — талантливая журналистка. Девушка занята поисками некоего документального фильма, якобы содержащего семейную хронику Гитлера. Героиня размышляет: «Even more depressing than the nature of a given quest was the likely result. Whether people searched for an object of some kind, or inner occasion, or answer, or state of being, it was almost always disappointing. People came up against themselves in the end. Nothing but themselves» [4, с. 163]. Для Молл квест завершается разочарованием, так как данный фильм оказывается совсем не интересным.

Подводя итог, необходимо отметить, что традиционная парадигма квеста в прозе Д. Делилло словно вывернута наизнанку. Завершение путешествия героя сопряжено с глубоким разочарованием и даже смертью некоторых персонажей, отражая постмодернистский пафос безысходности и тщетности бытия.

Список источников

1. *Bell M.* Literature, Modernism and Myth: Belief and Responsibility in the twentieth century. Cambridge : Cambridge University Press, 1997. 259 p.
2. *DeLillo D.* Americana. NY : Houghton Mifflin, 1971. 388 p.
3. *DeLillo D.* Libra. NY : Viking, 1988. 456 p.
4. *DeLillo D.* Running Dog. NY : Knopf, 1978. 246 p.
5. *Oriard M.* Don DeLillo's Search for Walden Pond // Don DeLillo: Bloom's Modern Critical Views. Philadelphia : Chelsea House Publishers, 2003. P. 5–12.
6. *Osteen M.* American Magic and Dread: Don DeLillo's Dialogue with Culture. Pittsburg : University of Pennsylvania Press, 2000. 279 p.

*Т. А. Радченко,
ассистент кафедры английской филологии,
Институт иностранной филологии, Таврическая академия (с. п.),
Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского, Симферополь*

ОСНОВНАЯ ПРОБЛЕМАТИКА ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ЛИТЕРАТУРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ ТВОРЧЕСТВА МАРТИНА ЭМИСА

В статье рассматривается проблематика творчества М. Эмиса с точки зрения научных интересов отечественных литературоведов и аналитиков зарубежной литературы. Исследование носит теоретический характер и включает в себя элементы типологического и сравнительного анализа. Целью изучения является выявление ключевых тенденций современного литературного исследования творчества отдельно взятого автора и типичных для анализа в области постмодернизма в целом. Так, к основным тенденциям относятся гипертекстуализация и мифологизация текста, трансформация жанра романа, переосмысление понятий времени и пространства, а также проблема интерпретации исторического контекста.

Ключевые слова: автобиографический гипертекст, проблематика памяти, жанровый миф, постмодернистское переосмысление времени, М. Эмис.

THE MAJOR PROBLEMATICS OF THE LITERARY RESEARCH OF MARTIN AMIS'S WORK IN RUSSIA

The article deals with the problematics of M. Amis's literary works in the context of scientific interests of the researchers in Russia. The research is based on theoretical study and incorporates elements of typological and comparative analyses. The objective of the examination lies in the identification of the key tendencies of modern research of the literary works by a separate author and as related to postmodernism in general; the main tendencies being hypertextualization and mythologization of the text, transformation of the novel as a genre, reinterpretation of the notions of time and space as well as the problem of historical background.

Keywords: autobiographic hypertext, the problem of historical memory, genre myth, postmodern interpretation of time, M. Amis.

Если Мартин Эмис широко известен в литературных кругах своей родины Великобритании, Европы и Соединённых Штатов, то на территории стран постсоветского пространства он остаётся фигурой, которой

современные исследователи начали уделять внимание сравнительно недавно. Во многом это объясняется тем, что его основные литературные труды («Записки о Рейчел», «Успех», «Другие люди: таинственная история», «Деньги», «Лондонские поля», «Стрела времени, или Природа преступления», «Информация», «Ночной поезд», «Бременная вдова») были изданы на русском языке только в XXI веке. В 2003 году интервью с писателем было опубликовано в «Вестнике Европы». Среди недавних работ М. Эмиса — романы «Лайонел Эсбо» (Lionel Asbo: State of England, 2012) и «Зона интересов» (The Zone of Interest, 2014). Оставаясь немассовым писателем в России, на сегодняшний день М. Эмис является одним из наиболее популярных англоязычных писателей современности. Поэтому не удивительно, что творчество этого писателя с мировым именем, выдающегося стилиста и интеллектуала вызывает интерес у отечественных исследователей зарубежной литературы и не только как объект для узколитературных и стилистических исследований. Во многом тематика произведений М. Эмиса, которые зачастую носят универсальный общечеловеческий характер, сопряжена с интерпретацией исторического прошлого России. Так, в его работах можно проследить взгляд извне на ряд проблем, которые и в наши дни остаются актуальными в первую очередь с точки зрения культуры, истории и философии. Многолетняя одержимость автора Россией XX века нашла отображение в книге «Коба Ужасный», повествующей о сталинском режиме, и романе «Дом встреч» о «буднях» лагерной жизни в ГУЛАГе. В своём интервью The New Yorker 13 июня 2012 года М. Эмис объяснил свой неподдельный интерес к истории России тем фактом, что его отец, Кингсли Эмис, до 1956 года состоял в коммунистической партии [9]. В этом же совместном интервью русская писательница Ольга Славникова отметила, что «вся русская современная проза, так или иначе, затрагивает тему Сталина и сталинизма» [9]. Роман «Стрела времени» посвящён теме холокоста, жестокости и насилия, царившим в нацистских концентрационных лагерях. Нацизм и холокост, пожалуй, самые ужасающие явления в истории XX века, ознаменовали новую эпоху, которая, с одной стороны, стала воплощением хаоса, а с другой — должна была положить начало переосмыслению и гуманизации общества и искусства. Для современной России одной из ключевых задач в формировании национального самосознания остаётся максимально объективное осмысление исторического опыта, чему в значительной степени могут и должны способствовать произведения современных отечественных и зарубежных авторов, одним из которых является Мартин Эмис.

В последнее время появляется всё больше наработок и серьёзных научных исследований, посвящённых творчеству М. Эмиса. В част-

ности, был защищён ряд кандидатских и докторских диссертаций, которые прямо или косвенно затрагивают ряд разноплановых литературоведческих аспектов, среди них: «Жанровые формы романов Берил Бейнбридж» [6], в которой уделяется внимание общей характеристике сатирической прозы М. Эмиса и характерного для его мемуаров автобиографического гипертекста; «Память и нарратив в современной английской литературе: М. Эмис и Дж. Барнс» [5], где материалом исследования служат романы «Опыт» и «Деньги», анализируемые с точки зрения проблематики памяти и способов её воплощения в нарративе; работа «Британский социальный роман в эпоху постмодернизма» рассматривает творчество писателя на рубеже веков как особый жанр, реализующийся в постмодернистической парадигме [3, с. 278]. В монографии «Английская литературная биография: трансформация жанра в XX веке» Л. Б. Караева говорит о трансформациях в автобиографическом каноне в рамках жанровой ситуации определённой литературной эпохи и смены эпох, постулируя роман «Опыт» как новую автобиографию-гипертекст [2].

В сопоставительном аспекте интерес представляют статья Н. И. Рейнгольд «Любовник леди Чаттерли: опыт межкультурного изучения» [7], в которой прослеживается определённая идеологическая связь между творчеством Д. Г. Лоуренса и М. Эмиса. Статья В. Г. Новиковой «Пространство времени» в романе Мартина Эмиса «Стрела времени, или Природа преступления» основана на синтезе теоретических подходов к пространственно-временной категории М. Бахтина, Ж. Деррида и Ж. Делеза и принципу постмодернистского переосмысления времени [4]. О. А. Джумайло в статье «Нарцисс в поисках жанра: исповедальный роман Мартина Эмиса «Беременная вдова» рассматривает роман как саморефлективную, игровую, поэтически мифологизированную «жанровую аллегорию» [1].

Также стоит отметить ряд оригинальных тезисов, выдвинутых Ю. К. Киреевой, под единым заголовком «Жанровый миф о романе Мартина Эмиса», сводящихся к постулату о создании М. Эмисом собственной теории неуловимого жанра, основанной на солярном мифе о возникновении Вселенной: жанр романа, подобно некой космологической структуре, в циклическом развитии литературы не тождественен себе в каждом новом цикле, имеет бесконечное множество вариаций и создаёт «миф о собственном существовании» [8].

Принимая во внимание всё вышесказанное, можно сделать вывод о разнообразии и неоднородности подходов к изучению творчества М. Эмиса в отечественной литературоведческой науке, что свидетельствует как о значимости и разносторонности самого автора, так и о многообразии методов современного литературоведения. Среди основных

тенденций стоит отметить внимание отечественных исследователей к жанровым особенностям, повествовательным формам, автобиографичности и гипертекстуальности романов М. Эмиса, а также к поэтике, мифологизации и проблеме реконструкции исторической памяти.

Список источников

1. *Джумайло О. А.* Нарцисс в поисках жанра: исповедальный роман Мартина Эмиса «Беременная вдова» // Ярославский педагогический вестник. 2012. Т. 1, № 1. С. 269–273.

2. *Караева Л. Б.* Английская литературная биография: трансформация жанра в XX в. Нальчик : Изд-во М. и В. Котляровых, 2009. 276 с.

3. *Новикова В. Г.* Британский социальный роман в эпоху постмодернизма. Н. Новгород : Изд-во ННГУ им. Н. И. Лобачевского, 2013. 369 с.

4. *Новикова В. Г.* «Пространство времени» в романе Мартина Эмиса «Стрела времени, или Природа преступления» [Электронный ресурс] // Вестник НГГУ им. Н. И. Лобачевского. 2010. № 3 (1). URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/prostranstvo-vremeni-v-romane-martina-emisa-strela-vremeni-ili-priroda-prestupleniya>.

5. *Переходцева О. В.* Память и нарратив в современной английской литературе: М. Эмис и Дж. Барнс : автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.03. М., 2013. 23 с.

6. *Полужктова Т. А.* Жанровые формы романов Берил Бейнбридж: «Мастер Джорджи», «Согласно Куини» : автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.03. М., 2013. 18 с.

7. *Рейнгольд Н.* «Любовник леди Чаттерли»: опыт межкультурного изучения [Электронный ресурс] // Вопросы литературы. 2011. № 5. URL: <http://20v-euro-lit.niv.ru/20v-euro-lit/articles-angliya/rejngold-lyubovnik-ledi-chatterli.html>.

8. Символы и мифы в литературе и фольклоре [Электронный ресурс] // Материалы научной конференция аспирантов и молодых учёных к 80-летию Института мировой литературы им. А. М. Горького РАН. М. : ИМЛИ, 2012. URL: <http://www.nrgumis.ru/articles/305/>.

9. Martin Amis in Conversation with Olga Slavnikova, The New Yorker, June 13, 2012 [Electronic resource]. Mode of access: <https://www.newyorker.com/books/page-turner/martin-amis-in-conversation-with-olga-slavnikova>.

Ю. В. Онищенко,

*преподаватель кафедры № 3, Институт иностранной филологии,
Таврическая академия (с. п.), Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского, Симферополь*

ЭВОЛЮЦИЯ МАСКУЛИННОСТИ В ОБРАЗАХ БРИТАНСКОГО И АМЕРИКАНСКОГО КИНОДИСКУРСА

На данном этапе существования массовой культуры, представляющим особый интерес, феноменами являются национальная идентификация и образ типичного героя в аспекте кинодискурса. Для формирования наиболее полного представления о символике образов, предлагаемых целевой аудитории англоязычных массмедиа, необходимо проанализировать историю типичного образа представителя нации с момента развития жанра кино до современного этапа.

Ключевые слова: ментальная репрезентация, национальная идентичность, типичный образ, маскулинность, гетерогенность.

EVOLUTION OF MASCULINITY IN THE IMAGES OF BRITISH AND AMERICAN CINEMA DISCOURSE

On the contemporary stage of existence of mass-culture the phenomenon of national identity and the typical character is of particular interest in the aspect of cinema discourse. It is necessary to analyze the history of typical image of the nation representor from the start of the cinema development to the present day to form comprehensive understanding of the symbolic images offered to the target audience of mass-media.

Keywords: mental representation, national identity, typical image, masculinity, heterogeneity.

Целью данного исследования является анализ схожих и различных маскулинных образов британского и американского кино на разных этапах их существования. Данная цель предусматривает ряд **задач**: дать определение ключевым понятиям; выделить конкурирующие и заимствованные образы; в диахроническом аспекте проанализировать эволюцию образов типичных мужчин и их названий, определённых с точки зрения национальной идентичности.

Объектом исследования стал кинодискурс Великобритании и США по ряду причин. Во-первых, невозможно отрицать влияние этих стран на формирование современной популярной культуры, в частности,

в сфере массмедиа. Во-вторых, история кинематографа этих стран переплетается друг с другом и имеет как периоды конкурентного существования, так и взаимного обмена и обогащения образами. Их сравнение даёт возможность понять суть социальных процессов, происходящих в обществе, так как они находят отражение в жанре кино как уникальном средстве вербального и невербального выражения сознания нации.

Методами исследования послужили анализ специальной литературы, наблюдение, диахронический метод (изучение истории культуры), а также лингвистический и семиотический методы.

Основные результаты

Для того чтобы в полном объёме раскрыть проблематику затрагиваемых в исследовании явлений, следует дать определение ключевым понятиям.

Кинодискурсом, по определению М. А. Самковой, является «лингвистическое образование, имеющее расширенную структуру и характеризующееся рядом таких признаков, как связность, целостность, креолизованность, интертекстуальность, модальность и т. д.» [2, с. 137].

По определению ещё одного исследователя, И. Н. Лавриненко, кинодискурс — это «поликодовое когнитивно-коммуникативное образование, сочетание различных семиотических единиц в их неразрывном единстве, которое характеризуется связностью, цельностью, завершённостью, адресатностью» [1, с. 41].

Под маскулинностью в широком смысле, без перехода к связанным понятиям «пол» и «гендер», мы подразумеваем в данном исследовании «комплекс характеристик поведения, возможностей и ожиданий, определяющих социальную практику той или иной группы, объединённой по признаку мужского пола <...> это то, что добавлено к анатомии для получения мужской гендерной роли» по определению глоссария к книге «Теории личности» психологов Л. Хьела и Д. Зиглера [3]. В той же книге исследователи говорят о том, что «общественный конструкт маскулинности является производной от гендерной идеологии общества и сформирован под влиянием традиционных взглядов на мужскую роль, современных экономических реалий и социокультурной ситуации» [3].

Каждый из нас в той или иной степени знаком с кинематографом как разновидностью развлекательного жанра массмедиа, и каждому известно понятие «классика» в мировой киноиндустрии. Анализ образов героев кинолент, ставших классикой, направлен на понимание культурной составляющей национальной идентичности, выраженной через массовую популярную культуру и несущей положительную или отрицательную социальную оценку.

Сравнение британского и американского кинематографа в довоенный период позволяет выделить некоторые общие и различные черты. «Крепкий парень», «городской парень» — таково определение центрального персонажа американской популярной культуры. Он стойкий, опасный, не обременённый иллюзиями человек, отвергнутый своей средой и пробивающий путь к успеху собственными силами, включая и преступный путь. И наоборот, британский джентльмен — не продукт городской среды или современности, но порождение традиции, ему не нужно быть вызывающим и выносливым, его привилегированная среда даёт ему доступ ко всем необходимым ресурсам, он призван оберегать status quo, которому американский «крутой парень» бросает вызов. Таким образом, британская и американская культура представляет двух противоположных героев: *tough (city) guy* и *gentleman* [7, с. 80].

В послевоенное время зарождается новый образ героя британского кино — крепкий парень из рабочего класса — образ, вдохновлённый американской культурой, но во второй половине 1950-х годов модифицированный британским менталитетом. В поствоенный период возникает образ антигероя среднего класса в обществе, где лишь самые безжалостные и беспощадные имеют шанс на выживание. Появляется новый персонаж *spiv* — аферист, делец, махинатор, который становится центральным персонажем фильмов со скромным бюджетом, многие из которых проспонсированы США либо сняты американскими режиссерами.

С развитием экономики страны укрепляется позиция высшего рабочего класса, чьи идеалы противопоставлялись государственной власти, и снижается влияние низшего среднего класса, отождествляющего свои идеалы с государством. Главной фигурой кино становится молодой мужчина — представитель высшего рабочего класса [7, с. 85].

Для новой аудитории кинематографа более притягательным становится американский крутой парень. По данным опроса Герберта Ганса, предпочтение было отдано амбициозному и напористому герою («an attractive, virile and ambitious hero») [7, с. 74], борющемуся с враждебной средой. Формируется новое течение в кинематографе — New Wave, появляется образ антигероя, воплощающего энергию и агрессию своей среды.

Целым этапом в истории британского кино стали фильмы о Джеймсе Бонде, британском секретном агенте, пользующиеся интересом зрительской аудитории более 35 лет. Имеющие в основе так называемый *conspiracy plot*, фильмы представляют идеологию национальной идентичности. С одной стороны, «Бондиана» создаёт атмосферу, в которой британская мощь никогда не терпела поражение

в основном благодаря неуязвимости главного героя, вплоть до критики со стороны политкорректности. С другой стороны, исследователи утверждают, что патриотичность кинолент не является константой и варьируется от сюжета к сюжету, признавая при детальном анализе поражение Великобритании [6, с. 96]. Существуют также точки зрения, утверждающие небританский характер атмосферы фильмов о Бонде, а американский. Такой вывод сделан вследствие завоевания популярности фильмами у стран третьего мира и создания атмосферы «богатой, причудливой страны, которая не столько место, сколько состояние ума» [5, с. 128]. Отсюда критики делают вывод о том, что Америка стала доминирующей страной в сфере массовой культуры в XX веке и признание национальной британской природы идеологии фильмов о Джеймсе Бонде, имеющих всемирное влияние на зрительскую аудиторию, противоречит признанию Америки как монополиста-колонизатора поп-культуры [6, с. 97].

Фильмы о Бонде представляют образ *britishness*, старательно упакованный для международного рынка. Это персонаж, объединяющий в себе обходительную утонченность традиционного героя-джентльмена с выносливостью и притягательностью голливудского мужчины-лидера.

В поствоенное время появляется ещё один персонаж, получивший название *everyman*, обычный человек, которого, как и всех остальных, коснулись материальное неблагополучие и моральный упадок, и спасение от них можно найти только в патриархальной семье с сильными традиционными устоями. Этот образ перерождается в ипостась *damaged men*, разрушенные люди. Мужчина — представитель низшего класса часто необратимо повреждён социальной дезинтеграцией. Это люди, не могущие обустроить свою жизнь в мире богатой молодёжи, которая «идёт по головам» бедных. Поскольку корень бед главного героя лежит в его патриархальной семье, образ сильного любящего отца сменяется отцом-монстром из рабочего класса, разрушающим жизни собственных сыновей. Критики проводят параллель между фигурой жестокого отца, крахом патриархальной семьи и пустыми обещаниями, пережитыми обществом в период поствоенной реконструкции. Подчёркивается потребность в поддержке отца как человека, в то время как он одержим лишь символикой своего статуса.

В 1970-е годы наблюдался спад популярности кино как вида досуга, поскольку большее количество зрителей, принадлежавших к аудитории кинотеатров, предпочитали оставаться дома у телеэкранов. Тем не менее в 1980-х годах кинематограф получает новую жизнь, привлекая молодёжь к просмотру фильмов в кинотеатрах, оснащён-

ных усовершенствованным оборудованием нового поколения цифровых технологий.

Обновлённое кино предложило зрителю целый ряд характеров, героев и типов, которых объединяет разве что их сосуществование в одном и том же национально-культурном континууме. «Никогда ранее мужские (маскулинные) образы не были настолько разнообразными, живыми, настолько широко обсуждаемыми и чёткими, в современном постмодернистском обществе, ориентированном на потребителя». Питер Берк предложил концепцию о том, что в современной популярной культуре существует три основных образа: герои, злодеи и дураки [4].

Отличительными чертами современного британского кинематографа являются многогранность образов, их гетерогенность и гибридность, и если в более ранние этапы развития кинематографа возможно было проследить доминирующий образ — отражение ментальных репрезентации среднего представителя нации, то в сегодняшнем эклектичном культурном континууме нелегко представить эволюцию маскулинных репрезентаций в линейной последовательности, перетекающим из одного образа в другой, но в виде множественных репрезентаций, отображающих, как и ранее, представление нации о самих себе и отражающих злободневные общественные проблемы.

Несмотря на то что посещение кинотеатров никогда уже не будет настолько массовым, как раньше, кинематограф остаётся неотъемлемой частью современной национальной культуры или так называемой имидж-культуры. Тема, представленная в статье, требует дальнейшего развития в аспекте современности, а также фокусирования внимания исследователей не только на мужских, но и на женских образах, репрезентируемых в жанре кино и кинодискурсе как сфере функционирования языка.

Выводы

Кинодискурс как пласт ментальности нации объединяет кинотекст как лингвистическую составляющую (в том числе привязанные к ней экстралингвистические факторы коммуникативной ситуации) и нелингвистическую семиотическую систему (контекстуальные факторы, культурно-идеологическая среда) [2]. Изучая кинематографическое наследие, мы имеем возможность параллельно анализировать как представление нации о самой себе, образах типичного героя/злодея и т. д., так и вычлнять информацию лингвистического характера, также отражающую процессы, происходящие в социуме, оказывающие влияние на формирование языковых процессов посредством культурного воздействия информации, полученной из сферы популярных массмедиа.

Список источников .

1. *Лавриненко И. Н.* Критерии классификации кинодискурса // Вестник Харьковского национального университета. Дискурсология : Семантика и прагматика. Харьков, 2012. № 1003. С. 41–44.
2. *Самкова М. А.* Кинотекст и кинодискурс: к проблеме разграничения понятий // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов : Грамота, 2011. № 1 (8). С. 135–137.
3. *Хьел Л., Зиглер Д.* Теории личности : пер. с англ. СПб. : Питер Пресс, 1997.
4. *Burke P.* Popular Culture in Early Modern Europe. Aldershot : Scolar Press, 1994.
5. *Drummond L.* American Dreamtime : A Cultural Analysis of Popular Movies and their Implications for a Science of Humanity. London : Littlefield Adams, 1996.
6. *Linder Ch.* The James Bond Phenomenon : A Critical Reader [Электронный ресурс] // Manchester University Press, 2003. URL: <https://books.google.com/books?id=x9-1QY5boUsC&printsec=frontcover&hl=ru#v=onepage&q&f=false> (дата обращения: 15.10.2017), свободный. Загл. с экрана.
7. *Spicer A.* Typical Men : The Representation of Masculinity in Popular British Cinema [Электронный ресурс]. London : I. B. Tauris & Co Ltd, 2001. URL: <https://books.google.com/books?id=y87qYiZcnocC&printsec=frontcover&hl=ru#v=onepage&q&f=false> (дата обращения: 15.10.2017), свободный. Загл. с экрана.

УДК 81'255.4

Р. Г. Унанян,

*магистр кафедры теории и практики перевода,
Институт иностранной филологии, Таврическая академия (с. п.),
Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского, Симферополь*

МЕЖЪЯЗЫКОВАЯ ИНТЕРФЕРЕНЦИЯ КАК ПРОБЛЕМА ПЕРЕВОДА В ПРОИЗВЕДЕНИИ ДЖЕКА ЛОНДОНА «БЕЛЫЙ КЛЫК»

В статье представлен анализ межъязыковой интерференции при переводе с английского языка на русский. Актуальность работы обусловлена расширением и углублением контактов между странами и повышающимися требованиями к качеству перевода. На сегодня

остро стоит вопрос об успешности и эффективности межкультурной коммуникации. Цель данного исследования — рассмотреть явление интерференции для уменьшения её отрицательного влияния при переводе. Полученные результаты могут быть использованы в практической работе переводчиков.

Ключевые слова: языковой контакт, интерференция, стилистика, перевод, персонификация, повторение, метафора.

INTERLINGUAL INTERFERENCE AS A PROBLEM OF TRANSLATION

The article presents a detailed analysis of interlingual interference in translating from the L1 to the L2. The relevance of scientific work is caused by the expansion and deepening of contacts between countries and increasing requirements for the quality of translation. Today, the issue of the success and effectiveness of intercultural communication is acute. The purpose of this study is to examine the phenomenon of interference in order to reduce the negative impact of translation. The results can be used in the further theoretical analysis of types of interlingual interference.

Keywords: language contact, interference, stylistics, translation, personification, repetition, metaphor.

Явление межъязыковой интерференции является достаточно сложной и не до конца решённой проблемой в мировой лингвистике. Данный феномен изучался и продолжает изучаться зарубежными и отечественными лингвистами, которые рассматривают её на разных языковых уровнях. Терминологические споры, связанные с понятием интерференции, продолжаются до сих пор.

Стилистическая интерференция является воздействием стиля одной языковой системы на другую. Стилистические приёмы английского языка, используемые в художественном тексте, часто вызывают затруднения при переводе. Эти затруднения вызваны различиями между особенностями стилистических систем языков, участвующих в переводе.

Как и многие произведения Джека Лондона, «Белый клык» является ярким примером описательного стиля письма. Многие сцены описываются просто и объективно. Стиль писателя не отличается яркостью, использованием сложных метафор и эпитетов. Такой «прямой» стиль помогает концентрироваться на действии, делать его центрированным. Автор подбирает слова так тщательно, что ему удаётся вложить в них огромную силу и чувства, заставляя читателя задумываться о том, что хотел сказать автор.

Более того, история Белого Клыка и о природе. Джек Лондон рассказывает об этом в первых двух частях повести, показывая нам, что можно сделать с парой несчастных людей. Затем автор берёт одно из существ и демонстрирует, как оно формируется, и в конечном итоге ускользает от него. В повести также описывается, как люди сосуществуют с природой: они стараются управлять ею, «приручать» её, уходить от неё или покорять её. В конце концов, мы все ещё обязаны природе во многих отношениях. С того момента, как Белый Клык родился, он сталкивается со смертью во всех её проявлениях. Она поджидает его за каждым углом и может прийти к нему в любой момент. Джек Лондон также повествует о других животных, которые могут рано или поздно погибнуть. Автор повести «Белый Клык» пытается показать, что и в таких условиях можно выжить и избежать преждевременной гибели в окружении таинственной северной глуши.

Рассмотрим ряд стилистических приёмов, используемых Джеком Лондоном в повести «Белый Клык». Одним из важных в данном произведении стилистических приёмов является персонификация — представление неодушевлённых предметов или абстрактных идей как живых существ:

«Dark spruce forest frowned on either side the frozen waterway» [4, с. 1].

«Тёмный еловый лес стоял, нахмурившись, по обоим берегам скованной льдом реки» [2, с. 1].

«Северная Глушь» является доминирующим символом опасной жизни. Джек Лондон в слове «*The Wild*» символизирует жизнь как борьбу:

«The Wild harry and crush into submission man» [4, с. 1].

«Северная глушь ломает упорство человека» [2, с. 1].

Сам Белый Клык является символом Северной Глуши. По нашему мнению, Северная Глушь не является полностью отрицательной метафорой в этой истории, так как она даёт Белому Клыку большую часть своей силы для выживания.

В первой главе данного произведения автор использует очень формальный язык. Рассмотрим следующий отрывок в качестве примера тональности и стиля текста. В произведении было рассмотрено также такое выразительное средство, как повторение:

«There was a hint in it of laughter, but of a laughter more terrible than any sadness — a laughter that was mirthless as the smile of the sphinx, a laughter cold as the frost and partaking of the grimness of infallibility» [4, с. 2].

«Смех, но смех страшнее скорби, слышался здесь — смех безрадостный, точно улыбка сфинкса, смех, леденящий своим бездушием, как стужа» [2, с. 2].

Переводчик, как и автор, использует повторение для акцентирования внимания, а также отсылки к мифологии, используя при этом длинные сложные предложения:

«It affected their minds as the many atmospheres of deep water affect the body of the diver» [4, с. 2].

«Оно давило на разум, как вода на большой глубине давит на тело водолаза» [2, с. 2].

Как можно увидеть, в этом отрывке переводчик воспользовался стилистическим приёмом, но пожертвовал стилистической окраской слова словосочетания *«as the many atmospheres»* при переводе. Также были рассмотрены некоторые диалоги персонажей в повести:

«As I was sayin', Henry, we've got six dogs. I took six fish out of the bag. I gave one fish to each dog, an', Henry, I was one fish short» [2, с. 2].

«Я тоже говорю, что у нас шесть собак. Я взял шесть рыб из мешка, дал каждой собаке по рыбе. И одной не хватило. Генри» [4, с. 2].

Как мы видим, в диалоге используются короткие предложения, а также нестандартный диалект английского: *«sayin'»*, *«an'»*. Он значительно менее формален и не использует никаких аллюзий или повторений для поэтического эффекта. Диалог персонажей в отрывке менее формален и поэтичен, чем проза повествователя.

В нашей работе были рассмотрены труды учёных, исследующих проблему интерференции, и сделан вывод о том, что большинство учёных определяют интерференцию как отрицательное воздействие одной языковой системы на другую. При изучении данного вида интерференции был рассмотрен ряд стилистических особенностей при переводе данного произведения как проявление интерференции на стилистическом уровне. Результаты проведённого исследования подтверждают, что интерференция относится к достаточно сложным и не до конца изученным проблемам современного языкознания и переводоведения. Чтобы избежать ошибок, связанных с интерференцией, переводчику нужно владеть определёнными знаниями по данному явлению и прогнозировать возможные ошибки.

Список источников

1. *Вайнрайх У.* Одноязычие и многоязычие // Новое в лингвистике. М. : Прогресс, 1972. Вып. 6 : Языковые контакты. С. 25–60.
2. *Джек Лондон.* [Jack L.] Белый Клык. М. : Правда, 1984.
3. *Хауген Э.* Языковой контакт // Новое в лингвистике. Вып. 6. М., 1972.
4. *Jack London.* White Fang. NY : Macmillan and Company, 1906.

О. А. Денисенко,

*аспирант факультета психологии, Таврическая академия (с. п.),
Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского, Симферополь*

ПСИХОСЕМИОТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПАТРИОТИЧЕСКОЙ МУЗЫКИ (ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ)

В статье рассматривается проблематика изучения влияния патриотической музыки в рамках психологического исследования. В основе проблемы лежит специфика музыкальной континуальности, при разделении которой возникает вероятность потери целостности семиотического образа, заключённого в ней. Как результат, это значительно усугубляет определение отдельных музыкальных фрагментов патриотического характера.

Ключевые слова: музыка, патриотическая музыка, психосемиотика, семиотика.

The article considers the problems of studying the influence of patriotic music within the psychological research framework. At the core of the problem lies the musical continuity specificity, the division of which causes the probability of the concluded semiotic image integrity loss. As a result, it aggravates the definition of certain patriotic musical fragments.

Keywords: music, patriotic music, psychosemiotic, semiotic.

Музыку, по всей видимости, следует признать наиболее повсеместным видом искусства, окружающим человека. В зависимости от характера мелодии, её выразительности и ритма она способна побудить разум, чувства и волю индивида к различным мыслям, переживаниям и действиям.

В этом контексте большое значение имеет выяснение особенностей и степени влияния патриотической музыки на личность.

Патриотическая музыка, по нашему мнению, — это такой тип музыки, в котором в первую очередь выражается особенный, ментальный характер нации, народа, концентрирующий в себе его героический дух. Известно, что переломные, судьбоносные периоды истории того или иного государства всегда сопровождались соответствующей музыкой, эмоционально настраивающей её граждан на свершение великих дел. Более того, сами эти события и были толчком к возникновению соответствующих патриотических музыкальных произведений.

Музыка способна не только влиять на эмоции. Она способна оказывать влияние на когнитивную деятельность человека. Тем самым она может способствовать созданию определённых мыслительных образов. Таким образом, можно говорить о наличии в музыке знаковой системы, которая и рождает образ.

Изучением знаков и знаковых систем занимается наука семиотика. Семиотика изучает свойства знаков и знаковых систем в природе, человеке и социуме. Знак в семиотической системе структурно выражает: обозначающее и обозначаемое, делящееся на значение (предмет знака) и смысл (информацию о предмете). Особенность семиотики заключается в том, что у знака, имеющего смысл, вполне может отсутствовать значение. Это свойство отчётливо наблюдается в мифологических и религиозных образах. Совокупность знаков образуют знаковую систему, интерпретируемую по-разному в зависимости от научной традиции. Ю. Лотманом она была представлена как культура [5], а Ф. де Соссюром — как язык [7].

В рамках психологического учения знаковой природой занимается психосемиотика. Как наука впервые она была обозначена советским психологом Б. Ананьевым для целей изучения знаков и знаковых систем в процессах познания и коммуникации [1]. На современном этапе психосемиотика изучает механизмы взаимосвязи чувственных компонентов образа, как регулятора поведения человека со знаковыми образованиями различного уровня сложности. Таким образом, психосемиотика рассматривает взаимосвязь знака, понятия и объекта в психической перспективе, поскольку одна и та же ситуация, в субъективном представлении человека, может восприниматься по-разному (т. е. как знак, как объект и как понятие) в зависимости от того, каков эмоциональный и когнитивный смысл человек в неё вкладывает.

Итак, исходя из всего вышесказанного, в круг задач нашего исследования входят:

- теоретический анализ проблемы исследования;
- выявление спорных, недостаточно изученных лакун проблемы исследования;
- обозначение путей и способов решения проблемы.

Взаимосвязь психосемиотики и патриотической музыки, безусловно, существует, поскольку музыка имеет знаковую природу и несёт в себе художественный образ, т. е. означаемое, если рассматривать с позиции семиотической терминологии. Это утверждение подтверждают труды множества учёных, занимавшихся изучением музыкальной семантики [2; 3].

Феномен воздействия музыки на сознание, в том числе и патриотической, хорошо представлен в не так давно проведённом исследовании американского профессора Д. Соусера и его ассистента Э. Эльваро из Канзасского университета. В своём исследовании они утверждают, что любая песня в силу своего влияния способна быть использована в манипулятивных целях. Совместно с лингвистами они отобрали ряд песен, в числе которых были и патриотические («Марсельеза», «Британский марш», «Боже, благослови Америку»). В результате эксперимента было выявлено, что прослушивание патриотических песен

оказывает воздействие на эмпатические способности человека, в значительной степени ограничивая их [8].

Однако возникает вопрос: каким образом возможно вычленил из музыкального потока (контекста) смысловые единицы, отвечающие за способность формировать патриотическое сознание, а также возможно ли осуществление их рассмотрения на структурном уровне?

Сложности, возникающие на пути к разрешению поставленных вопросов, можно охарактеризовать словами известного музыковеда М. Бонфельда, утверждающего, что «вычлененные из контекста фрагменты музыкального произведения не могут рассматриваться как знаки, ибо значение этих фрагментов определяется только и исключительно тем целым, из контекста которого они извлечены» [4, с. 16].

Отчасти с такой позицией можно согласиться. Так, если мы говорим об отдельно взятой мелодии, то, вероятно, так оно и есть. Однако если говорить о музыкальном произведении в целом, т. е. со всей его атрибутикой, то посредством вспомогательной информации о нём мы можем осуществить попытку его реструктуризации на отдельные компоненты.

Например, предоставив к прослушиванию испытуемому совершенно незнакомое инструментальное произведение (с учётом полного отсутствия ознакомленности с ним), у слушателя, вероятнее всего, возникнет образ, отдалённо напоминающий тот образ, который изначально вкладывал в произведение сам композитор. И произойдёт это из-за неознакомленности с программностью музыки.

Программность музыки выражает словесное указание на содержание, как бы подсказывая слушателю те образы, которые стремится воплотить в музыке её автор. Как пишет доктор искусствоведения О. Соколов, «программа и музыка эстетически идеально дополняют друг друга: первая указывает на объект, вторая же выражает авторское отношение к нему» [6, с. 16].

Другой (непрограммный) формат музыки относится к вокальному. Он в большей степени доступен для слушателя в плане понимания образов презентуемых музыкальным произведением. Зачастую именно такими и являются патриотические произведения.

В результате мы полагаем, что основное когнитивное влияние музыки, изменяющее ориентиры человека, оказывает программность или словесный контекст музыкального произведения, а инструментальная составляющая в свою очередь несёт хоть и важный, но лишь усиливающий, подкрепляющий характер в виде дополнительной эмоциональной нагрузки.

Такой подход к изучению патриотической музыки предполагает определённую комплексность, которая выражается в неразрывной связи текстуальной части как основной смысло- и эмоциообразующей составляющей и инструментальной как вспомогательной, чувственной и усиливающей компоненты.

Список источников

1. *Ананьев Б. Г.* Психология и проблемы человекознания. М. : Изд-во «Ин-т практ. психологии» ; Воронеж : НПО МОДЭК, 1996. 384 с.
2. *Арановский М. Г.* Синтаксическая структура мелодии : исследование. М. : Музыка, 1991. 320 с.
3. *Бонфельд М. Ш.* Семантика музыкальной речи // Музыка как форма интеллектуальной деятельности: сб. ст. М., 2007. С. 82–120.
4. *Бонфельд М. Ш.* Музыка: Язык. Речь. Мышление. М. : ВГПУ, 1991. 124 с.
5. *Лотман Ю. М.* Семиосфера. СПб. : Искусство-СПб, 2000. 704 с.
6. *Соколов О. В.* Морфологическая система музыки и её художественные жанры. Н. Новгород : Изд-во Нижегород. ун-та, 1994. 218 с.
7. *Сосюр Ф. де.* Курс общей лингвистики. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1999. 432 с.
8. «Patriotic Music May Close Minds, Children’s Music May Open Them» / Kansas State University // ScienceDaily. 2009. 25 June. URL: <https://www.sciencedaily.com/releases/2009/06/090625115237.htm>

УДК 297.17

И. И. Течиев,
студент Таврической академии (с. п.),
Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского, Симферополь

ФЕНОМЕН РЕЛИГИОЗНОГО ЭКСТАЗА В КУЛЬТОВЫХ ПРАКТИКАХ СУФИЙСКИХ ОРДЕНОВ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА

В современном мире психотехнические религиозные культовые практики занимают большое место в тех или иных религиозных традициях. В рамках данного исследования рассматривается феномен религиозного экстаза в культовых практиках суфийских братств (тарикатов) на Северном Кавказе. Большое внимание уделяется традиционным для данного региона суфийским орденам — накшбандия и кадария. Автор акцентирует внимание на истории развития и распространения суфизма на Северном Кавказе, поскольку исторический аспект играет важную роль в формировании нового видения философии суфизма в данном регионе.

Цель работы: рассмотреть феномен религиозного экстаза, встречающийся в исламском мистицизме.

Методы исследования: хронологический, сравнительно-исторический, типологический и аналитический.

Ключевые слова: ислам, религия, суфизм, религиозные практики, Северный Кавказ.

PHENOMENON OF RELIGIOUS EXTASION IN CULTURAL PRACTICE OF SUFIAN ORDENS OF THE NORTH CAUCASUS

In the modern world, psychotechnical religious cult practices occupy a large place in certain religious traditions. In the framework of this study, the phenomenon of religious ecstasy in cult practices of Sufi fraternities (tarikhs) in the North Caucasus is considered. Much attention is paid to the traditional for the region Sufi orders — Naqshbandiya and Kadariya. The author focuses on the history of the development and spread of Sufism in the North Caucasus, since the historical aspect plays an important role in shaping a new vision of the philosophy of Sufism in this region.

Keywords: Islam, religion, Sufism, religious practices, the North Caucasus.

Для наиболее объективного рассмотрения понятия «религиозный экстаз» мы приведём определение, данное российским культурологом и психолингвистом Дмитрием Леонидовичем Спиваком: «Экстаз означает состояние, в котором экстатик осознаёт себя вне себя или в ненормальном состоянии сознания, то есть то, что в психологии классифицируют как изменённые состояния сознания» [6, с. 94].

Теологи же рассматривают религиозный экстаз как действительную встречу с Богом, как высшее духовное состояние, как высшую форму молитвенного состояния и нравственного совершенства. Учёные, напротив, описывают этот феномен как ненормальное (либо изменённое) состояние сознания. Или же относятся иронично, как Поль Анои Гольбах: «Экстаз — священная судорога, во время которой святые, особенно женского пола, имеют счастье грезить наяву и видеть всякие несуразности. Припадкам экстаза обыкновенно подвержены те, кому благодать божья дала большую дозу глупости или плутовства» [4, с 156].

Суфизм — это мистическое, аскетическое течение в исламе, которое возникло в VII–IX веках и окончательно оформилось в X–XII веках. По одному из распространённых среди исследователей мнению, термин «суфизм» происходит от арабского слова «суф», которое переводится как «шерсть» — ранние суфии в поисках аскезы уходили в пустыни, температура в которых ночью опускается ниже нуля, из-за чего им и приходилось ходить в тёплых шерстяных одеждах.

Суфизм, по своей сути, является богоискательским течением и может принимать самые разнообразие формы. В суфизме используются различные эзотерические тайные обряды, ритуалы, посвящения. Учитывая огромное количество орденов братств и тарикатов (с араб. «дорога, путь»), невозможно сформулировать единые для суфиев правила проведения таких культовых обрядов.

Суфизм провозглашается как учение, проповедующее строгие мусульманские каноны, однако приверженцы ортодоксального ислама

(салафизма) не признают его как исламское течение, либо относятся к нему с большой критикой. Исламская оппозиция ещё больше усиливает позиционируемый тайный характер суфизма.

Появление суфизма на Северном Кавказе и последующие его видоизменения связаны с началом распространения и утверждения в этом регионе ислама и основанной на нём мусульманской культуры. Суфийское учение на Северном Кавказе явилось единственным средством, сплотившим различные по языку, нравам, обычаям народы этого региона, запрещавшим при этом междоусобные войны среди них. Будучи идейным направлением в духовной жизни общества, суфизм отстаивал равноправие между социальными слоями населения, не допускал насилия над мыслью человека, пропагандировал идеи гуманизма духовной гармонии и чрезмерной любви к Всевышнему.

Апогей распространения и развития суфизма на территории Северного Кавказа пришёлся на период Кавказской войны 1817–1864 годов. Распространение суфизма в этот период было связано с необходимостью сплочения многочисленных народов Кавказа против общего врага.

Наибольшего теоретического развития суфизм получил в деятельности и трудах кавказских шейхов Магомеда Ярагийского, Кунта-хаджи Кишиева, Абдул-Азиза Шаптукаева (шейха Докки) и многих других.

Религиозные культовые практики суфиев на Северном Кавказе условно можно разделить на две категории: «тихие» и «громкие».

Условно, «тихим» зикром (с араб. «поминание Бога») можно назвать те культовые практики, в которых суфии совершают поминание Всевышнего путём тихих песнопений; зикр через сердце.

«Громким» зикром в свою очередь можно назвать те культовые практики, в которых суфии прибегают к активным телодвижениям; зачастую с использованием различным музыкальных инструментов; зикр через тело.

Сторонники «тихого» зикра считают, что во избежание проявления лицемерия (нифака) мусульманин должен тщательно скрывать свою религиозную жизнь от посторонних глаз и поминать Бога в первую очередь в своей душе и в своём сердце.

Сторонники «громкого» зикра выдвигают много аргументов в защиту своих практик, однако одним из основных является то, что при выполнении «громкого» зикра человек тратит много сил, энергии, времени и за каждое усилие ему воздастся Всевышним.

Традиционно к сторонникам «тихого» зикра относят последователей братства накшбандия, а к сторонникам «громкого» зикра — последователей братства кадария.

Феномен религиозного экстаза наиболее характерен для «громкого» зикра. В таких практиках суфии путём физических телодвиже-

ний, пенопений и различной музыки достигают единения с Богом, что и является конечной целью таких практик.

Таким образом, условие мистического осознания безусловного единства Бога состоит в полном забывании «я». Суфии, с их хорошо развитым чувством к условиям духовной жизни, охватили эту психологическую диалектику между призыванием Бога к воспоминанию и забыванием себя.

Вследствие использования представленных приёмов и техник у суфия начинается подобное состояние сознания, для которого свойственны «опустошённость», «бессодержательность», «беспредметность». Совершается временное опустошение функций всех психических подсистем; сознание остаётся, однако отсутствует объект сознания и нет сознаваемого. Это даёт возможность мусульманским мистикам говорить о мистическом опыте непосредственно как об опыте единения, растворения в Боге. Возникновение подобного состояния сознания совершается как бы неожиданно, толчком, хотя и является определённой стадией основательно разработанного процесса познания.

Практическая деятельность шейхов суфийских орденов была ориентирована на психологическое изменение структуры мышления и поведения человека, для того чтобы обучить его суфийским способам познания, мышления и поведения. Методы, которые использовали суфии (аскетические упражнения, продолжительные посты, бодрствование в ночное время, чтение Корана в самых трудных и мучительных позах, одиночество, медитирование и т. д.) по отношению к подопечным помогали сначала физически, а потом и психически сломить волю и независимость обычного человека, подготавливая его к суфийским практикам. Высшая точка — это «общение с Богом», «встреча с Богом», «видение Бога». Путь мистического познания «вахдат аш-шухуд» противоположен Пути «вахдат аль-вуджуд» т. е. первая нижняя ступень — это хакикат, далее — тарикат и высшая ступень — шариат.

На протяжении всего времени прохождения этой системы суфий «останавливается» на так называемых стоянках «макамат» т. е. определённых уровнях своего самоусовершенствования; число этих уровней у суфийских авторов насчитывается от 7 до 100. В то же время якобы Бог дарует суфию «хал» — состояние на его пути к Богу. К примеру «хал» — любовь, страх, страсть, успокоение и др. Количество стадий «хал» также различается. Параллельно со всем этим суфий усиливает свою практику такими методами, как зикр (помяновение Бога) с танцами, криками, пением или без этого. Но самое главное различие — в суфизме, в вопросе отношений суфия, после прохождения всех стадий суфийского познания, с Богом.

Список источников

1. *Акимушкин О. Ф.* Тарикат // Ислам : энциклопедический словарь / отв. ред. С. М. Прозоров. М. : Наука, ГРВЛ, 1991. 458 с.
2. *Ас-Сарадж.* Самое блистательное в суфизме // Хрестоматия по исламу. М. : Наука ; Изд. фирма «Вост. лит.», 1997. 275 с.
3. *Бертельс Е. Э.* Суфизм и суфийская литература. М. : Наука, 1965. 518 с.
4. *Жмуров В. А.* Большая энциклопедия по психиатрии. 2-е изд. М. : Джан-гар, 2012. 864 с.
5. *Джеймс У.* Многообразие религиозного опыта / пер. В. Г. Малахеевой-Мирович и М. В. Шик. М. : изд. журнал Русская мысль, 1910. 416 с.
6. *Крымский А. Е.* Очерк развития суфизма до конца III в. Хиджры. СПб., 1995. 273 с.
7. *Нурбахи Д.* Психология суфизма / пер. Л. М. Терпольского. М., 1998. 176 с.
8. *Отто Р.* Святое. Об иррациональном в идее божественного и его соотношении с рациональным / пер. А. М. Руткевич. СПб. : изд-во АНО СПбГУ, 1917. 126 с.

УДК 7.037

Д. Е. Житова,
студентка 3-го курса кафедры восточной филологии
факультета крымскотатарской и восточной филологии,
Таврическая академия (с. п.), Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского, Симферополь

ВТОРАЯ ВОЛНА ТУРЕЦКОГО АВАНГАРДА: КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ

Цель данной работы заключается в выявлении культурно-исторических факторов, повлиявших на формирование турецкого авангардного движения *Garip* при помощи культурно-исторического и герменевтического методов исследования. Произведения *Garip* рассматриваются как социальный феномен. Показано, что на становление данного движения повлияли Итало-Турецкая война (1911–1912), Балканская война (1912–1913), Первая мировая война (1914–1918) и Национально-освободительная война (1919–1923), экономический кризис и реформы, усиление роли пролетариата в турецком обществе, реформы языка и спорная политика Инёню.

Ключевые слова: турецкая литература, авангардизм, движение *Garip*, культурно-исторический контекст.

The aim of this work is to specify culture-historical factors that influenced the Garip movement of Turkish avant-garde. In our study we used culture-historical and hermeneutic methods of analysis. The ouevres of the movement were analyzed as a social phenomenon. The study has shown that Garip was influenced by the Italo-Turkish War (1911–1912), the First Balkan War (1912–1913), the First World War (1914–1918) and The Turkish War of Independence (1919–1923), economic crisis and economic reforms, the increase of the working class's role in Turkish society and Inonu's political activity.

Keywords: the Turkish literature, avant-gardism, the Garip movement, culture-historical context.

В 1941 году участники движения Garip («странный») выпустили одноимённый манифест, ознаменовавший революцию в турецкой литературе в общем и в поэзии в частности. Орхан Вели, Мелих Джевдет и Октай Рифат призывали других поэтов и интеллектуалов начать использовать простой и понятный всем слоям населения язык, принятый в повседневной жизни, и отказаться от силлабического стиха, аруза, сравнения (*teşbih*), рифмы (*kafiye*) и метафоры (*istiâre*). Впоследствии движение упростило и очистило поэтический язык от фарсизмов и арабоязычных заимствований, при этом введя в него множество коллоквиализмов. Представители Garip одними из первых выбрали жизнь рабочего класса темой своей поэзии, а сам рабочий класс — своей целевой аудиторией. Хотя движение и прекратило существование вместе со смертью своего лидера, Орхана Вели, в 1950 году, его влияние на литературу Турции было колоссальным и ощущается до сих пор. Следовательно, изучение вопросов, связанных с формированием данного движения, является несомненно актуальным.

Цель данного исследования — определить, какие политические события и социокультурные явления повлияли на становление движения Garip и его идеи.

На момент формирования движения Garip Турецкая Республика была очень молодым государством. Её становлению в 1923 году предшествовало несколько войн: Итало-Турецкая война (1911–1912), Балканская война (1912–1913), Первая мировая война (1914–1918) и Национально-освободительная война (1919–1923). В этих войнах впервые были опробованы методы ведения позиционной войны и введены в эксплуатацию радио, авиация и бронированные автомобили. Первая мировая война оказалась крайне жестокой и изматывающей для всего мира, следствием чего стал повсеместный нигилизм. Эта война показала, что отныне победа будет равна не разгрому армии противника, а полной его капитуляции, и в конфликт будут втянуты все слои населения государства, его экономика, культура и идеология.

Её последствиями стали гонка вооружений и милитаризация экономик многих стран. На этот период пришлось детство поэтов движения Garip, что объясняет просматривающиеся в их лирике тёмные интроспективные мотивы, темы одиночества и утраты, подавленности.

Затяжные войны не могли не повлиять на экономику, и первые несколько лет своего существования Турецкая Республика предпринимала попытки выйти из экономического кризиса. Одной из важнейших реформ кемалистов стала реформа сельского хозяйства, направленная на переход от мануфактурного и кустарного производства к крупным заводам и фабрикам, а также развитию промышленности. До этого Турция была аграрной страной: из 14 миллионов населения 81,6% был занят в сельском хозяйстве, 67% государственного дохода приходилось на его долю. Реформы привели к развитию экономики и промышленности, из-за чего рабочий класс начал играть важнейшую роль в жизни государства, обеспечивая его прогресс и существование. Именно по этой причине движение Garip выбрало рабочих адресатами и лирическими героями своих стихотворений, а также старалось соответствовать их потребностям и отражать их вкусы. Орхан Вели писал: «Традиционная поэзия, сегодня раба буржуазной культуры, а ранее религии и до Индустриальной революции — феодализма, всегда была обращена к высшим слоям общества... Однако эстетика новой поэзии должна соответствовать образу рабочего. Отныне рабочий класс отстаивает своё право на жизнь после решительной борьбы. Новая поэзия принадлежит ему и к нему должна быть обращена» [1].

В своём манифесте движение Garip ставит проблему поиска и создания новой эстетики, которую невозможно сформировать с помощью средств предшествующей литературы. Необходимостью соответствовать духу времени и новому общественному укладу, поиском новых выразительных средств Орхан Вели объясняет отказ от традиций и форм прежней поэзии: «Само устройство должно быть полностью изменено. Чтобы освободиться от приземлённого и удушающего влияния литературы, которая веками формировала и направляла нашу волю и эстетику, мы должны отвергнуть всё, чему эта литература учила нас. Мы должны откинуть сам язык, ограничивающий нашу творческую деятельность, если это будет возможным» [1].

Большое значение для становления идей и творческого языка Garip имели языковые реформы, в частности реформа алфавита и замещение арабизмов и фарсизмов турецкими словами. Целями реформ были объединение турецкого общества, вестернизация государства и формирование новой идентичности турок. Замещение сложного османского алфавита, основанного на арабской письменности, новым

алфавитом на основе латиницы, предпринятое в 1928 году, с одной стороны, повлекло за собой всеобщую грамотность (ранее писать и читать умела только элита) и обеспечило доступность образования, а с другой — сделало прочтение всех текстов, написанных ранее, практически невозможным. В этих условиях перед Орханом Вели и его товарищами встала задача создания нового поэтического языка и искусства, способствующего формированию обновлённой идентичности турецкого народа, соответствующего идеалам времени и понятного широким массам. Именно поэтому для творчества Garip характерен разрыв с предшествующей поэтической традицией, выбор простого языка, приближенного к разговорному, и лаконичного слога.

В 1938 году, после смерти Ататюрка, новым президентом республики стал Исмет Инёню, продолживший вестернизацию и проводивший политику милитаризации государства, из-за чего Турция, на тот момент с населением около 18 миллионов, была вынуждена содержать почти миллионную армию. Вместе с установленным Инёню диктаторским режимом сложившаяся ситуация вызывала возрастающее недовольство среди прогрессивных слоёв населения. Представители движения Garip и в особенности его лидер, Орхан Вели, критиковали новую политику и требовали её пересмотра. Такая позиция объясняет впоследствии появившиеся в их лирике антигосударственные и анти-милитаристские мотивы.

Таким образом, культурно-историческими факторами, повлиявшими на становление движения Garip, были войны в начале XX века, в которых участвовала Турция, экономический кризис и последовавшие экономические реформы Ататюрка, усиление роли пролетариата, языковые реформы и политика Исмета Инёню.

Список источников

1. *Pritchard D. E.* Garip: A Turkish Poetry Manifesto (1941) [Электронный ресурс]. URL: <http://criticalflame.org/garip-a-turkish-poetry-manifesto-1941/>
2. *Güneri A.* The Turkish Economic Development Since 1923: Achievements and Failures [Электронный ресурс]. URL: http://www.todaie.edu.tr/resimler/ekler/8c50b4adc5a3475_ek.pdf

*П. Ю. Нечипас,
обучающаяся 2-го курса кафедры английской филологии,
Институт иностранной филологии, Таврическая академия (с. п.),
Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского, Симферополь*

АНТИТОТАЛИТАРНАЯ НАПРАВЛЕННОСТЬ ПЬЕС ГОВАРДА БАРКЕРА

В статье рассматривается английская драматургия конца XX — начала XXI века, а именно её антиполитарная направленность на материале наиболее популярных пьес английского драматурга Говарда Баркера. Таким образом, цель данной статьи — изображение особенностей современной английской драматургии, а также основных черт экспликации в ней темы антиполитаризма как литературного направления на материале пьес Говарда Баркера. Методы исследования представлены методом текстового анализа, вербальным методом и методом «тщательного прочтения». Актуальность исследования обусловлена малоизученностью предлагаемого нами материала и его социальной значимостью. Делается вывод о том, что антиполитарная направленность в литературе обуславливает стремление автора изобразить негативное отношение и последствия тоталитарного режима для общества. Результаты данного исследования могут быть использованы в качестве дополнительного материала на лекциях по английской литературе в гуманитарных вузах.

Ключевые слова: современная английская драматургия, Говард Баркер, антиполитаризм, политическая драма.

THE ANTI-TOTALITARIAN DIRECTION IN THE PLAYS BY HOWARD BARKER

The article deals with the English drama of the late XX — early XXI centuries, as well as its anti-politarian direction on the base of the most popular plays by the English playwright Howard Barker. Thus, the purpose of this article is the illustration of the characteristics of the contemporary English drama, as well as the main features of its anti-totalitarianism, as a literary direction on the base of Howard Barker's plays. The methods of research are presented by the method of textual analysis, the verbal method and the method of "close reading". The relevance of the study is determined by the lack of works considering the material. It is concluded that the anti-totalitarian theme is raised due to the author's desire to depict his negative attitude to the consequences of the totalitarian regime for society. The results of this study can be used as additional material in lectures on English literature in humanitarian universities.

Keywords: modern English drama, Howard Barker, anti-totalitarianism, political drama.

Современные тенденции в литературе, как зарубежной, так и отечественной, проявляются в отказе от идеализации реалий, в изображении окружающей действительности без прикрас и в стремлении привлечь внимание людей к социальным и политическим проблемам современности. Уже в 50-е годы XX века в английском театре зарождается прогрессивное движение, целью которого являлся пересмотр традиций театра того времени. Англичане обратили внимание на социальные проблемы и идеалы в искусстве, на причины возникновения бед в реальной, материальной жизни. Кроме того, английский театр начинает отходить от изображения мира как царства абсурда и хаоса, обращаясь к проблемам современности и максимально приближаясь к окружающей действительности со всеми её противоречиями и проблемами. На этой почве возникают такие жанры, как политическая драма, служащая одним из способов передачи мнения общественности касательно политических проблем и преобразований, а также произведения драматургов, окрещённых литературными критиками как «пьесы катастрофы» или же «театр катастроф», одним из представителей которого является современный английский драматург Говард Баркер.

Основная тематика пьес Баркера заключается в изображении разочарования, безнадёжности, жестокости и насилия. Нередко Баркер акцентирует внимание на неизбежности и отсутствии выбора у героев той или иной пьесы в силу политического или общественного давления. Несмотря на то что пьесы Баркера в основном политического характера, он отказывается от изображения любых официальных идеологий и говорит о своём скептицизме касательно политического театра: *«I don't want to hear somebody's arguments about politics, thank you. Nearly all theatre and all culture now is about projecting meaning. It's very Enlightenment. Go to a newspaper if you want enlightenment: don't go to the theatre»* [4, с. 3].

Основная особенность творчества Говарда Баркера — это уход от стереотипа существования единственного ответа и единственного понимания сути пьесы. Сам драматург говорит: *«I write from ignorance. I don't know what I want to say, and I don't care if you listen or not»* [4, с. 4].

Антитоталитаризм — совокупность идеологических и политических взглядов, отвергающих тоталитаризм [2, с. 657].

Наиболее яркую антитоталитарную направленность имеет его пьеса «Возможности», описывающая людей в условиях политического, исторического и общественного давления. Это же характерно и для пьесы «Европейцы», изображающей жизнь в послевоенное время и ставящей представителей разных слоёв населения друг против друга. Также можно упомянуть пьесу «Жестокое сердце», главная героиня которой должна спасти осаждённый город благодаря своим блестящим познаниям в тактике и стратегии. Однако каждый её шаг лишь

усугубляет положение города, что, на удивление читателей, лишь радуется героиню. «*My mind was engine-like in its perfection*» [3, с. 5].

В пьесе «Возможности» антитоталитарная концепция наиболее ярко проявляется в сценах «Только немногие смогут выдержать груз познаний» и «Она согласна с доводами, но...». В первой сцене продавец книг одержим мыслью о том, что за ним и за его книгами скоро придут, его посадят, а книги сожгут, так как знания, находящиеся там, могут быть опасны и вредны, если попадут не в те руки.

Женщина. Я накладываю арест на ваши книги. И забираю их. Я — мисс Лишман из Министерства образования.

Продавец. Такого не существует.

Женщина. Отпустите ручки тележки. Я официально опечатаю ваши книги. (Достаёт из сумки катушку липкой ленты.)

Продавец. Я ждал вас. Все эти годы я вас ждал.

Женщина. Ставлю печать. (Обматывает тележку лентой.)

Продавец. Моя речь с костра...

Женщина. Позже вам передадут инвентарный список.

Продавец. Машины едут мимо. Правда опечатана, а машины едут мимо» [1, с. 20].

Во второй сцене инспектор вызывает на допрос женщину, которая, по его мнению, одета не так, как все, а значит — вызывающе. Он видит в её манере одеваться преступные мотивы и даже пытается выявить причины столь неподобающего поведения. Суть сцены заключается в изображении автором груза общественного мнения и отображении через персонажа своего негативного мнения по этому поводу.

Инспектор. И всё же мы рады. (Пауза.) Я вижу, у вас лодыжка обнажена? (Пауза.) Понимаете, о чём я? Понимаете? Ну конечно, вы понимаете. (Пауза.) И глаза у вас подведены...

Посетительница. ...тушью.

Инспектор. Вот именно — тушью. Видите ли, ведь подобное, как нам кажется, служит подстрекательством к преступным действиям. Что вы на это скажете? (Пауза.) Как мы считаем, этим вы провоцируете социально опасные элементы. И хотя сами рискуете, но и других ставите в рискованные ситуации. Ваша лодыжка действует как сильный стимулятор, и мне думается, что вы это знаете» [1, с. 9].

В заключение хотелось бы отметить, что современный английский театр ориентируется на реально происходящие события современности, откликаясь на политические и социальные противоречия нашего времени. Возникшая на этой почве антитоталитарная направленность в литературе — это совокупность литературных приёмов и основных тематик произведений, направленных против тоталитаризма — вмешательства государства в дела общества, что демонстрирует в своих пьесах Говард Баркер.

Список источников

1. Баркер Г. Возможности. Пьеса в десяти сценах. М. : Иностран. лит., 2014. 14 с.
2. Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. М. : Рус. яз., 2000. 1588 с.
3. Barker H. A Hard Heart: The Early Hours of a Reviled Man (Playscript 119). John Calder Pub Ltd, 1992, P. 120.
4. Costa M. Howard Barker: 'I don't care if you listen or not' [Электронный ресурс] // The Guardian. 2012. URL: <https://www.theguardian.com/stage/2012/oct/01/howard-barker-scenes-execution>

УДК 81

Ю. М. Кондакова,

*обучающаяся 2-го медицинского факультета,
специальность «лечебное дело»,*

*Медицинская академия имени С. И. Георгиевского,
Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского, Симферополь*

научный руководитель — М. Г. Деценко,

преподаватель, кафедра иностранных языков № 4,

*Институт иностранной филологии, Таврическая академия (с. п.),
Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского, Симферополь*

ТРАНСФОРМАЦИЯ ФУНКЦИОНАЛЬНОСТИ ТЕРМИНА В ЗАВИСИМОСТИ ОТ ЖАНРОВОЙ СРЕДЫ ЕГО ИСПОЛЬЗОВАНИЯ

Работа посвящена изучению трансформации функциональности медицинских терминов в англоязычной художественной литературе с целью установления зависимости функциональности термина от его роли в повествовании. Для достижения цели требуется рассмотреть случаи использования медицинских терминов в художественном тексте и приёмы, применяемые для их интерпретации. Цель достигается при помощи метода контекстуального интерпретационного анализа. Установлено, что автор художественного текста использует термины для обеспечения развития сюжета и усиления специфичности атмосферы повествования. В речи героев термины способствуют характеристике персонажей. Использование специальной терминологии является средством художественной выразительности, способствующим пониманию текста на многих уровнях содержания. Материалом исследования послужил роман Артура Хейли «Окончательный диагноз».

Ключевые слова: термин, функциональность термина, жанровая среда, художественное средство.

The research is devoted to the transformation of medical terms functionality in English fiction. The aim is to study the interrelation between function and role of a term in fictional narrative. The aim is reached by the contextual interpretation analysis method. It is established that the author uses the abundance of medical terms to unravel the plot and provide a reader with the tool for deeper understanding of a character's personality. It is concluded that the use of medical terms in fictional narrative works as the artistic technique. Arthur Hailey's novel "The Final Diagnosis" was the material for the research.

Keywords: term, functionality of the term, genre context, artistic technique.

Термин как языковое явление подробно изучен стилистикой и лингвистикой, однако прагматика его функционирования в художественных произведениях привлекла внимание учёных лишь в последнее десятилетие. Согласно «Российскому гуманитарному энциклопедическому словарю», термин (от лат. *terminus* — предел, граница) — слово или словосочетание, представляющее собой точное обозначение определённого понятия в области науки, техники, искусства, общественной жизни и иных сфер человеческой деятельности [3]. Научные же термины — это специализированные обозначения характерных для данной области науки предметов, явлений и их свойств. Важно отметить, что в границах конкретной науки каждый термин однозначен, а это практически исключает их синонимичность. Поэтому для научной терминологии характерно стремление к унификации — однозначному соответствию между терминами, употребляемыми в различных национальных языках, на территориях различных государств и в кругу определённых научных сообществ и/или объединений учёных [1].

Однако в том случае, если термин выносится за пределы научного текста, он может подвергаться некоторым преобразованиям. Зачастую сам термин приносит изменения в художественный текст, где он был использован. Это говорит о том, что научный термин, использовавшийся в художественном произведении, является его неотъемлемой составляющей [4; 6].

Значение и роль медицинских терминов в англоязычной художественной литературе оцениваются нами на материале текста романа Артура Хейли «Окончательный диагноз». Медицинские термины в тексте романа употребляются как от лица автора, так и в качестве речевой характеристики персонажей.

Установлено, что частота использования терминов-существительных (таких как, например, *tumour* — опухоль, *tonsillectomy* — тонзиллэктомия, *gallstone* — жёлчный камень) значительно превышает частоту употребления терминов-прилагательных (*abnormal* — отклоняющийся от нормы, *continued* — продолжительный,

хронический, *malignant* — злокачественный) и терминов-глаголов (*to palpate* — пальпировать, *to expose* — обнаруживать, выявлять, *to amputate* — ампутировать) [6]. Это объясняется прежде всего тем, что в клинической медицине принято употребление в основном терминов-существительных, даже если те связаны с действиями (*removal* — удаление, *aspiration* — аспирация, отсасывание, *round* — обход). Также это возможно благодаря наличию в англоязычной клинической терминологии составных терминов (*abdominal pains* — боли в животе, *growing deafness* — прогрессирующая глухота, *cleansing antidote* — противоядие).

Все научные термины делятся на три группы: широкоупотребительные, специальные и узкоспециальные [2]. Так, например, из широкоупотребительных терминов в романе встречаются *the ear, nose and throat specialist* — лор, врач «ухо-горло-нос», *hospital* — больница, *observation* — наблюдение, письменный результат осмотра. Из специальных можно упомянуть *anesthesia* — анестезия, *gastric series* — рентгенологические исследования желудочно-кишечного тракта, *stomach region* — область желудка. Из узкоспециальных: *biopsy* — биопсия, *osteogenic sarcoma* — костная саркома, *fluoroscope* — флюороскоп.

Заметим, что писатель не объясняет значения общеупотребительных медицинских терминов, полагаясь на то, что читатель знаком с их значением: «If you remember, the employers said the fall must have been caused by a *heart attack* because otherwise their safety precautions would have prevented it» — «Если вы помните, работодатели говорили, что падение должно было быть вызвано сердечным приступом, поскольку в ином случае их меры предосторожности предотвратили бы это» [5; 7]; «That's why we fought *polio*, Mr. Swayne, and *the black plague*, and *smallpox*, and *typhus*, and *syphilis*. It's why we're still fighting *cancer* and *tuberculosis* and all the rest» — «Вот почему мы боремся с полиомиелитом, мистер Суэйн, и с чумой, и с корью, и с тифом, и с сифилисом. Именно поэтому мы всё ещё сражаемся с раком, туберкулёзом и со всем остальным» [7].

Узкоспециальным и специальным медицинским терминам автор может давать объяснения — как прямые, так и косвенные: «I'm lecturing the nurses next week on *adult tonsillectomies*. Do you have some Kodachromes showing *aspiration thacheitis and pneumonia*?" <... > He knew what Bartlett was referring to — it was *one of the lesser known effects which sometimes followed removal of tonsils from an adult*» — «“Я читаю лекции о тонзиллэктомии у взрослых медсёстрам на следующей неделе. Не найдётся ли у тебя пара снимков, демонстрирующих аспирационный трахеит и пневмонию?” <... > Он знал, что Бартлетт имел в виду — это был один из наименее изученных эффектов, которые иногда сопровож-

ждали удаление миндалин у взрослых» [5; 7]; «Well, for one thing, on *lipomas — benign tumors of fat tissue*» — «Ну, например, липомы — доброкачественные опухоли жировой ткани» [7].

Автор не всегда сопровождает использование сложного медицинского термина его разъяснением: «Mike Seddons knew the implications of the phrase “suspected *osteogenic sarcoma*” <... > In that event, without swift surgery, her chances of survival beyond a year or so were almost nil» — «Майк Седдонс слишком хорошо знал значение фразы “подозревается *костная саркома*” <... > В этом случае без скорого хирургического вмешательства её шансы прожить более года или около того были практически равны нулю» [7]. Автор сопровождает термин комментариями, определяющими его место как в жизни персонажей, так и в целом в медицинском мире, хотя и не объясняет его буквально. Таким образом, автор придаёт повествованию напряжённость, что обеспечивает развитие сюжета.

Объясняя же термины или используя широкоупотребительные формы, писатель ставит перед собой цель донести до читателя важную информацию [6], дать разъяснения, без которых далее смысл текста станет непонятен для обывателя. Данный приём также позволяет читателю ощутить в полной мере атмосферу больницы и врачебного мира.

Кроме того, все медицинские термины, упоминаемые в романе «Окончательный диагноз», можно условно разделить на несколько тематических групп:

1) анатомические термины: *esophagus* — пищевод, *duodenum* — двенадцатиперстная кишка, *femur* — бедро, наиболее упоминаемое *heart* — сердце, *lung* — лёгкое, *rectum* — прямая кишка, *stomach* — желудок, *quadriceps's muscle* — четырёхглавая мышца (бедрa), *umbilical cord* — пуповина;

2) названия болезней: *abscess* — абсцесс, *black plague* — бубонная чума, *breast tumor* — рак груди, *deafness* — глухота, *heart attack* — сердечный приступ, *malignant/benign tumor* — злокачественная/доброкачественная опухоль, *osteogenic sarcoma* — костная саркома, *pneumonia* — пневмония, воспаление лёгких, *polio* — полиомиелит, *tracheitis* — трахеит, воспаление трахеи, *ulcer* — язва;

3) оборудование: *fluoroscope* — флюороскоп, *operating table* — операционный стол, *otoscope* — отоскоп, *stethoscope* — стетоскоп, *syringe* — шприц, *wheelchair* — кресло-каталка, *the X-ray table* — рентгенологический стол;

4) симптомы: *abdominal pains* — боли в животе, *biliousness* — желтуха, *burping* — отрыжка, *general aching* — общая, ноющая боль, *overweight* — избыточный вес, *a slight thickening and rolling of the mitral valve* — увеличение и изгиб митрального клапана.

5) устройство больницы: *Obstetrics* — родильное отделение, *delivery room* — родильный зал, *recovery room* — послеоперационный зал, *clinic* — амбулатория, *Pathology* — отделение патологии, *autopsy-room* — прозекторская, *Surgery* — отделение хирургии, *Radiology* — отделение радиологии.

В ходе исследования установлено, что автор использует обилие научных медицинских терминов для обеспечения развития сюжета, а также с целью реалистичного воссоздания внутрибольничной атмосферы. Помимо этого, медицинский термин может играть роль художественного средства, придавая речи персонажа эмоциональную окраску. В случае употребления термина в речи героев его сложность, степень специализированности и формат, в котором он был использован, говорит о степени интеллигентности и профессионализма персонажа, его отношении к окружающей действительности и к другим действующим лицам, что способствует восприятию повествования. Таким образом, медицинский термин в художественном произведении утрачивает уникальность, однако приобретает стилистическую нагрузку как средство художественной выразительности и способ эмоционального воздействия на читателя.

Список источников

1. Аникин А. В. Слово о словах // Экономическая школа. СПб., 1994. № 3. С. 18–24.

2. Матвеева О. В. Частотность употребления медицинских терминов как показатель жанровой принадлежности текста // Наука и современность. Новосибирск, 2012. № 15–2. С. 146–151.

3. Российский гуманитарный энциклопедический словарь / гл. ред. П. А. Клубков ; рук. проекта С. И. Богданов: в 3 т. СПб. : ВЛАДОС : Изд. филол. фак. С.-Петерб. гос. ун-та, 2002. Т. 3: П – Я. 704 с. : ил.

4. Самохина А. А. Теоретические аспекты функционирования термина в художественном тексте // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. СПб., 2011. Т. 1, № 4. С. 167–176.

5. Хейли А. Окончательный диагноз : книга для чтения на английском языке // КАРО. СПб., 2015. 384 с.

6. Эфендиева Р. А., Дзасежева Л. Х., Хутова Э. Р. Особенности функционирования научных терминов в художественных произведениях : в 4 ч. // Грамота. Тамбов, 2015. Ч. IV, № 12 (54). С. 217–223.

7. Hailey A. The Final Diagnosis [Электронный ресурс]. URL: http://thelib.ru/books/hailey_arthur/the_final_diagnosis_read.html

Medical Dictionary [Электронный ресурс]. URL: <http://www.online-medical-dictionary.org/definitions-s>

Раздел 3
ЧЕЛОВЕК И МИР:
НАУЧНАЯ КОМБИНАТОРИКА,
ВЫЗОВЫ ВРЕМЕНИ

Марфа Теленова-Тексье,

Национальный музей естественной истории,

Париж, Франция; telepova@gmail.com

Muséum National d'Histoire Naturelle, 57 rue Cuvier 17005 Paris, France

МОТИВЫ НАСКАЛЬНЫХ РИСУНКОВ В ЦЕНТРАЛЬНЫХ КОРДИЛЬЕРАХ

В статье описываются горные резные фигурки в центральной части Кордильер. Рисунки были видимы только после распыления водой. Эти древние горные картины полностью ещё не расшифрованы.

Ключевые слова: наскальные рисунки, смысл мотивов, колумбийские рисунки, наскальные письма-рисунки, условный язык.

MOTIVES OF ROCK PAINTINGS IN THE CENTRAL CORDILLERAS

Here we describe the rock carvings in the central part of the Cordilleras. The drawings were visible only after spraying with water. These ancient rock paintings are not yet fully decoded.

Keywords: rock paintings, sense of motives, Colombian drawings, petroglyphic letters-drawings, conditional language.

Несмотря на то что наскальные рисунки изучаются уже около 200 лет, они до сих пор остаются загадкой. Рисунки из разных тысячелетий трудно датировать, и как ни искали черты сходства с самыми разными наскальными изображениями, их всё же надо искать в мировоззрении и философии той или иной нации. Так, в Колумбии, в отличие от Мексики, композиции никогда не содержат ни скафандров, ни полукружий с отходящими линиями-лучами, то есть на них нет признаков посещения потусторонних цивилизаций. И что особенно удивляет и радует меня лично: нет ни скелетов, ни оружия, ни черепов, хотя и прослеживаются черты сходства в манере плоского изображения. Чтобы перейти к описанию смысла мотивов и к предварительному анализу колумбийских рисунков, мы сделаем несколько замечаний о том, где они найдены и как не просто к ним добираться.

Колумбия отличается наличием трёх параллельных горных цепей Анд, пересекающих её с Севера на Юг. Это самый высокий горный хребет Колумбии, и здесь много вулканов, чередующихся со склонами, поросшими пальмами в Соленто или кактусами, а также великолепными *Seiba pentandra* с орхидеями на ветвях и кроне деревьев или

с зарослями орхидных литофитов. Всего в Колумбии насчитывают более 4000 видов орхидных. В 1801 году сюда можно было попасть из Каракаса лишь по реке Магдалена, а мы в 2017-м приехали по шоссе, которое сейчас активно приводят в порядок. Центральные Кордильеры расположены между впадинами рек Магдалена и Каука. Согласно описанию, сопровождающему гербарий А. Бонплана, именно в центре страны, где река плавно течёт, были сделаны основные сборы орхидных Колумбии. Поэтому в апреле 2017 года нами была организована естественно-историческая экспедиция «По следам Гумбольдта и Бонплана». Так как этот год проходил под эгидой особой дружеской миссии France-Colombie, наша группа состояла как из сотрудников Музея естественной истории города Парижа (Marpha Telepova-Texier, Denis Larpin, Claudia Navas), так и из колумбийских коллег (Luis Carlos & Maria-Luisa Piña, Mario Pedraza, Mar Piña).

После знакомства со столицей и визита в архив города Богота мы отправились в город Тенжо (Tenjo), где нас приняли в мэрии и помогли найти проводников. Мы хотели увидеть дорогу Camino Real, которая была построена испанцами для коммерческих целей и по которой Гумбольдт и Бонплан передвигались по джунглям. На городской площади мы посмотрели на памятник с наскальными рисунками (рис.1), который вдруг стал местом туристического паломничества и нужда-

*Рис. 1. Памятник с наскальными рисунками
в городе Тенжо*

Рис. 2. Гид и наскальные рисунки

ется в охране. В сопровождении локального гида и двух пожарных мы прошли по лесной тропе через ритуальные места, где всё было столь дорого нашему гиду, что у неё выступали слёзы и она прерывала рассказ и комментарии. Когда мы дошли до горной тропы, проходящей через скалы в виде нагромождения из валунов гигантских размеров, нас ждала неожиданная встреча с рисунками, которые были видны только после опрыскивания водой. Гид имела в руках пульверизатор, и мы увидели странные и непонятные для нас рисунки (рис. 2).

Эти древние наскальные письма-рисунки ещё не полностью расшифрованы. Состав красок вполне традиционный, считается, что они замешивались на «крови детей врага», а поэтому при высыхании рисунки не видны. Однако всем известно, что во время дождя можно их хорошо рассмотреть, но тогда возникает повышенная опасность встреч со змеями, которые выползают из гнёзд на поверхность. Кроме того, сюда нельзя ходить из-за сильного водного потока, который может быть смертельно опасен и для людей, и для сопровождающих их собак. Таким образом, наш гид и знаток этих «писем» показывала одну за другой надписи, а мы как могли их фотографировали, ползя иногда на коленях или даже по-пластунски с фотоаппаратом и рюкзаком в руках (рис. 3).

Надо отметить, что фотокамеры и прочее оборудование пожарные (они же альпинисты) перенесли по верху. Когда мы подошли к фрагменту дороги, сохранившейся от бывшей Королевской дороги (Camino Real), мы почувствовали, как Гумбольдт и Бонплан могли быть рады, что идут по мощёной каменными плитками дороге в шесть метров шириной.

Теперь о самих рисунках. Во-первых, там было много зигзагообразных линий, символизирующих горы и горные хребты, а во-вторых, композиции включали треугольники (звёзды) или квадраты, которые имели ещё и треугольные вырезы. Кроме этого, на них присутствуют два типа лабиринтов: квадратные и округлые, что говорит о принад-

Рис. 3. Наскальные рисунки

лежности соответственно к неживой и живой природе. Однообразные ромбики (два сложенных треугольника или больше) означают в самом общем виде разные организмы, населяющие землю. В зависимости от принадлежности к окружающей среде организмы снабжены различными аксессуарами (например, для рук и пальцев — чёточки, а для плавников — треугольники). Другая важная характеристика — положение в пространстве (рыбы и птицы бывают изображены и горизонтально, и под углом, но редко изображаются парами, их помещают в круг или в линию). Интересная деталь — нарисованные парами человечки похожи на существа разного пола, хотя и являются вертикально развёрнутыми простыми ромбиками (рис. 4).

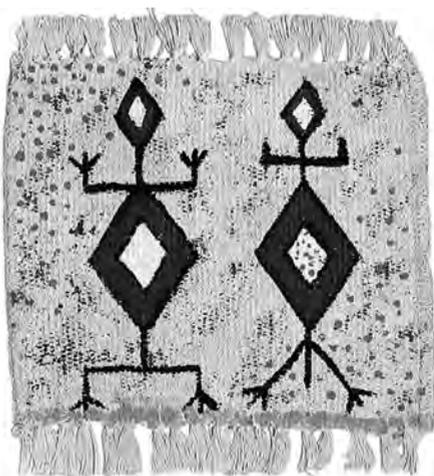

Рис. 4. Пара человечков

Рис. 5. Цветок

Особое внимание мне хотелось бы обратить на то, как в изображении цветка растений сочетаются разные элементы условного языка. В центре находится круг со спиралью (аналог лабиринта), а по краям — палочки, несущие ромбики (рис. 5).

Мы знаем, что у цветка вокруг завязи обычно расположены тычинки, то есть пыльца должна попасть именно в загадочный лабиринт из семязпочек, что и приводит к образованию плодов.

Современные художники продолжают традиции, но теперь рисуют на грунтованной ткани, а в составе красок преобладают коричнево-красная, зелёная и белая краски. И здесь присутствуют всё те же мотивы, но не боги со схожими скафандрами, как в Веракрус, Лас-Пальмас (Мексика), а здесь скорее присутствует поиск гармонии для соединения живого с неживым. Сходство в изображениях носит систематический характер: в частности, неживая природа всегда изображается треугольниками или квадратами, а дома — квадратными лабиринтами. Создаётся впечатление, будто в древности существовала та культура, которая сохранилась до сих пор в философии каждой коммуны, а единые универсальные знания совершенно не связаны с ней.

Заключение

Конечно странно, что многие фигуры на рисунках имеют одинаковые черты, а тем не менее сходства в изображениях нет. Возникает странное ощущение, что всё во вселенной построено из тех же элементов (как в современном конструкторе «Лего»).

Е. М. Максимова,
кандидат физико-математических наук,
доцент кафедры теоретической физики и физики твёрдого тела,
Физико-технический институт,
Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского, Симферополь

С. О. Мостовой,
кандидат медицинских наук,
доцент кафедры стоматологии и ортодонтии,
Медицинская академия,
Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского, Симферополь

И. А. Наухацкий,
аспирант кафедры теоретической физики и физики твёрдого тела,
Физико-технический институт,
Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского, Симферополь

К. В. Черкасская,
студентка 2-го курса магистратуры
кафедры теоретической физики и физики твёрдого тела,
Физико-технический институт,
Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского, Симферополь

РЕНТГЕНОДИФРАКТОМЕТРИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ИЗМЕНЕНИЙ КРИСТАЛЛИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЫ КОСТНОГО ГИДРОКСИАПАТИТА ПОД ВЛИЯНИЕМ ВРЕДНЫХ ФАКТОРОВ

Костные патологии составляют обширную группу болезней, угнетающих человеческую жизнедеятельность. Один из путей решения этой проблемы — применение комплексного подхода в изучении костных тканей с привлечением современных научных методов.

Методами рентгенофазового и рентгеноструктурного анализа, сканирующей электронной микроскопии исследованы изменения морфоструктуры гидроксиапатита $\text{Ca}_{10}(\text{PO}_4)_6(\text{OH})_2$ — кристаллической основы костной ткани человека и животных, при воздействии препарата приводящего к возникновению остеонекрозов нижних челюстей. Исследования проводились на нижних челюстях лабораторных белых крыс.

Установлено, что влияние исследуемого препарата обладает выраженным деструктивным действием на кристаллическую структуру кости и что метод графической экстраполяции позволяет увеличить точность определения параметров кристаллической решётки костного гидроксиапатита.

Ключевые слова: гидроксипатит, рентгеноструктурный анализ, сканирующая электронная микроскопия, графическая экстраполяция, остеонекроз.

X-RAY DIFFRACTIONOMETRIC STUDY OF CHANGES IN THE CRYSTALLINE STRUCTURE OF BONE HYDROXYAPATITE UNDER THE INFLUENCE OF HARMFUL FACTORS

Bone disease is a large group of diseases oppressing human activity. One of solutions of this problem is applying a comprehensive approach in studying of bone tissues involving modern scientific methods.

The changes in the morphostructure of hydroxyapatite $\text{Ca}_{10}(\text{PO}_4)_6(\text{OH})_2$, the crystalline basis of bone tissue of humans and animals, under the action of the drug, leading to the formation of osteonecrosis of the lower jaws, were studied by X-ray diffraction and X-ray diffraction analysis, scanning electron microscopy. The studies were performed on the lower jaws of laboratory white rats.

It was found that the investigational preparation has a strong destructive effect on the crystalline structure of bone and that the method of graphical extrapolation allows increasing the accuracy of determining the lattice parameters of bone hydroxyapatite.

Keywords: hydroxyapatite, X-ray diffraction, scanning electron microscopy, graphical extrapolation, osteonecrosis.

В последние годы заметно возросло число обращений в челюстно-лицевые отделения стационаров пациентов с нетипичными формами воспалительных заболеваний челюстей. При этом основная масса таких пациентов употребляют психотропные препараты суррогатного производства [1]. Ряд аналогичных случаев отмечается и в зарубежных публикациях [5, с. 237–241].

Ранее было проведено исследование, связывающее этиологию данного заболевания с действием примесей аминофосфонатной природы. Однако в качестве объекта исследования использовались только бедерные кости [3, с. 244–251], что было недостаточно для корректного обоснования патоморфологии данного заболевания.

Объектами исследования являлись нижние челюсти лабораторных белых крыс, подвергнутые воздействию ненаркотического препарата, моделирующего примеси, образующиеся при синтезе метамфетамина в кустарных условиях. Для сравнения часть животных была выделена в «контрольную» группу, не подвергающуюся действию исследуемого препарата.

Данные по минеральному составу исследуемых костных тканей были получены с помощью рентгенофазового анализа образцов нижнечелюстных костей, проводимого на дифрактометре общего назначения

ДРОН-3. Съёмка производилась в угловом диапазоне 2θ от 10 до 100° с использованием медного монохроматического излучения с $\lambda_{\bar{\alpha}} = 1,542\text{Å}$.

По данным рентгенофазового анализа, кристаллическая фаза исследуемой кости ткани представлена гидроксиапатитом $\text{Ca}_{10}(\text{PO}_4)_6(\text{OH})_2$, основным интенсивным линиям которого соответствуют межплоскостные расстояния d , Å: 21,8; 25,8; 33; 39,8; 46,8; 49,7; 50,6; 64,2 [2].

Группа симметрии гидроксиапатита P63/m. Расчёт параметров a и c кристаллических решёток исследуемого костного гидроксиапатита проводился по квадратичной формуле для кристаллов гексагональной сингонии:

$$\frac{1}{d^2} = \frac{4(h^2 + hk + k^2)}{3a^2} + \frac{l^2}{c^2}, \quad (1)$$

где d — межплоскостное расстояние; h, k, l — индексы интерференции; a, c — постоянные решётки.

Величина d рассчитывалась из уравнения Вульфа — Брегга:

$$2d\sin\theta = n\lambda, \quad (2)$$

где θ — угловое положение пика; λ — длина волны рентгеновского излучения.

Параметры кристаллической решётки неизменённого гидроксиапатита животных «контрольной» группы, определённые по пикам типа (001) и (hk0) составили: $a_{\kappa} = 9,39 \pm 0,01\text{Å}$; $c_{\kappa} = 6,90 \pm 0,02\text{Å}$. Параметры решётки гидроксиапатита животных группы, получавших модельный препарат, соответственно: $a = 9,32 \pm 0,01\text{Å}$; $c = 6,80 \pm 0,02\text{Å}$.

Для увеличения точности определения параметров элементарной ячейки был применён метод графической экстраполяции [4]. Соответствующие значения постоянных решётки гидроксиапатита, рассчитанные этим методом, приведены в таблице.

Размеры элементарной ячейки костного гидроксиапатита

Контроль	Исследуемый препарат
$a = 9,404 \pm 0,006\text{Å}$	$a = 9,458 \pm 0,04\text{Å}$
$c = 6,834 \pm 0,02\text{Å}$	$c = 6,833 \pm 0,01\text{Å}$

С помощью растрового электронного микроскопа РЭМ-106 методом сканирующей электронной микроскопии были проведены исследования морфологии наружной поверхности и внутренней структуры образцов.

На микрофотографиях поражённой костной ткани отмечаются более плотная степень упаковки костного вещества и меньшие размеры костных ячеек (пор) в отличие от таковых для контрольных проб. Наблюдаются полная деструктуризация альвеолярного отростка и полная облитерация нижнечелюстного канала костей животных, принимавших модельный препарат.

Список источников

1. Остеомиелит челюстей у больных на фоне наркотической зависимости : учеб. пособие для студентов мед. вузов / под ред. В. А. Маланчука, И. С. Бродецкого. Киев, 2013. 252 с.
2. Кристаллографическая и кристаллохимическая База данных для минералов и их структурных аналогов [Электронный ресурс] // ИЭМ РАН. 1997. № 2089. URL: <http://database.iem.ac.ru/mincryst/rus> (дата обращения: 15.11.2016).
3. Мостовой С. О., Остапенко О. В., Шульгин В. Ф. Идентификация этиологического фактора, вызывающего «винтовые остеомиелиты», и оценка его воздействия на костную ткань и мочевыделительную систему лабораторных белых крыс // Учёные записки ТНУ им. В. И Вернадского. 2012. Т. 25(64). № 2. С. 244–251.
4. Франк-Каменецкий В. А. Руководство по рентгеноструктурному исследованию минералов. Л. : Недра, 1975. 396 с.
5. Osteonecrosis of the maxilla related to long-standing methamphetamine abuse: a possible new aspect in the etiology of osteonecrosis of the jaw / J. Rustemeyer [et al.] // Oral and Maxillofacial Surgery. 2014. V. 18. Issue 2. P. 237–241.

УДК 159.9: 16.61

С. Е. Чёрная,

*магистрант кафедры социальной психологии
факультета психологии, Таврическая академия (с. п.),
Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского, Симферополь*

Научный руководитель — Н. Ф. Калина,

*доктор психологических наук, профессор, заведующая кафедрой
глубинной психологии и психотерапии, Таврическая академия (с. п.),
Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского, Симферополь*

Language adviser: Л. К. Валеева,

*старший преподаватель кафедры иностранных языков № 2,
Институт иностранной филологии, Таврическая академия (с. п.),
Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского, Симферополь*

DEVELOPMENTAL PATHS OF MARGINAL PERSONALITY

The article is devoted to the problem of marginalization and adaptation to a new socio-cultural environment. One may appear to be in a marginal situation for various reasons, and the way out is a very complicated and long process that requires great efforts from a migrant. Success in adaptation and transition

to certainty fully depends on the social, psychological support and migrant's intercultural interaction. The article highlights the factors that promote overcoming the state of marginalization. For effective work with such people, as the result there has been given a phenomenological description of marginality state and prognosis of its possible developmental paths.

Keywords: marginality, socio-cultural environment, social adaptation, social alienation, marginal situation.

ПУТИ РАЗВИТИЯ МАРГИНАЛЬНОЙ ЛИЧНОСТИ

Статья посвящена проблеме маргинализации и адаптации к новой социокультурной среде. В маргинальной ситуации человек может оказаться по разным причинам, а выход из неё — очень сложный и долгий процесс, требующий больших усилий от мигранта. Успех в адаптации и переход к определённости во многом зависят от социальной, психологической поддержки и межкультурного взаимодействия мигранта. В статье выделены факторы, способствующие преодолению состояния маргинализации, а в результате для эффективной работы с такими людьми приводится феноменологическое описание состояния маргинальности и осуществляется прогноз возможных путей его развития.

Ключевые слова: маргинальность, социокультурная среда, социальная адаптация, социальная дезадаптация, маргинальная ситуация.

In modern society, marginalization as a phenomenon is becoming very common and global. Quite often in literature, press and media marginality is associated with antisocial behavior, refusal to obey norms and protest against traditional forms of behavior. As a consequence it is associated with the desire to isolate from society and reality. In the post-Soviet (but not only) sociological literature, the marginal is considered destructive for society, on the verge of a criminal or completely criminal, dangerous subject. According to the observations of the French sociologist A. Farge: "Marginality is not a state of autonomy, but a result of conflict with social norms," and marginal person «is similar to all, identical to them and at the same time he is a cripple among his kind — a man with chopped off roots, cut into pieces in the very heart of his native culture and environment" [2, p. 146]. A person may find himself in such marginal situation for various reasons, such as voluntary or forced migration, loss of social status, repression on ethnic or political grounds, etc.

The objective of the research is to determine the essential characteristics of experiencing marginal state and to define and describe the most possible developmental paths of marginal personality.

In this regard, **the hypothesis** is that there is a connection between personal characteristics (as well as inclination to emotional instability, fear to make decisions and existential vacuum) and the path that a marginal person will take during adaptation to a new socio-cultural environment.

The positive impact that marginal situation can have on a man, and his impact on society is hardly ever mentioned. Using a theoretical analysis **approach**, we may state that, firstly, marginality as a phenomenon is viewed from a personal point of view (as a feeling or experience), while as the main goal of a psychologist is to help the client feel his marginality as something positive and stop being a marginal, i. e. to finally take a side. Secondly, for the society it is important if any marginal person or group constitutes a danger to the public. As a matter of fact, those who ravage the social system and bring uncertainty, indeterminism and insecurity are often called marginals. They are always both strangers and friends and it is unknown what to expect from them [4].

English anthropologist W. Turner believes that «prophets and artists have a penchant for liminality and marginality, they are “frontier people». Liminality, marginality and inferior position in the structure are the conditions when myths, symbols, rituals, philosophical systems and works of art are often born” [1, p. 198]. In our opinion, the state of marginality can be viewed both in a negative and positive ways:

1) marginality can be seen as a hindrance for intercultural (and not only) communication. In this case it is possible to refer to negative marginality, when a person rejects (denies, represses) own unique identity, focusing on living in the periphery and vacuum in between “different cultural planets”. He wishes to stay on one particular planet, but finds it difficult because both of them magnetize him and provoke his inner conflict. Without doubt, it is a state of frustration which leads to aggravation and aggression. In this case, marginality may be interpreted much larger than it is in the classic books [3, 5], because cultures are not only ethnic now, and there are many of them. For example, the culture of a small social group which differs from others by age, sex, social status, interests, etc. It can be also a family culture, when people make a new family together with someone from different family culture and feel its fundamentally different borders and features. Movements towards negative marginality over time lead to alienation and even anomie;

2) marginality may become a catalyst of successful intercultural (and not only) interaction: in case when marginal person positively accepts his speciality of existing on the fringes of both cultures at the same time. Precisely, when the fact of existing in both cultures prevails in self-identity, rather than being in the periphery. In the parlance of Charles V, Holy Roman Emperor: “As many languages as you know, so many separate individuals you are worth”. In this case we may state about positive marginality, or positive identity of a marginal person. Even E. Stonequist noted this ability for a marginal man — to be a guide, translator, and intermediary for interaction of different culture’s representatives [6]. As the result, the marginal person with a positive identity finds two ways: assimilation (complete dissolution, loss of individual traits and replacing them with borrowed from another culture) or

integration (maintaining its cultural identity while establishing contacts and immersing in a new environment). However, if assimilation is completely constructive for society, then it is not always the same for an individual.

Conclusions

1. Obviously, there are certain conditions where a person may appear closer to either positive or negative marginality pole. In the context of migration those are, firstly, cultural similarities, age or differences (such as climate, language, clothes, religion, etc). However, individual peculiarities of a person, motivation, cognitive complexity, emotional stability have the same essence. In other words, type and successfulness of adjusting to a new socio-cultural environment depends on interlacing of many personal and environmental factors.

2. Research perspectives of the marginality phenomenon are seen in marginality typology development, as well as designing practical recommendations for work with people in the state of marginality. Also, perspectives are seen in the introduction of socio-psychological help methods in the practice of social welfare, safety net and psychological facilities.

References

1. Тернер В. Ритуал и символ. М. : Наука, 1983. 231 с.
2. Фарж А., Рашковский Е. Маргиналы // 50/50: Опыт словаря нового мышления. М., 1989. С. 146–149.
3. Шибутани Т. Социальная психология. М., 1969. 528 с.
4. Шюц А. Чужак // Шюц А. Избранное: Мир, светящийся смыслом. М., 2004. С. 533–549.
5. Park R. E. Human migration and the marginal man // American Journal of Sociology. Chicago, 1928. Vol. 33, № 6. P. 881–893.
6. Stonequist Everett V. The problem of the marginal man // American Journal of Sociology. Chicago, 1935. Vol. 41, № 1. P. 9–12.

УДК 612.821.8

S. A. Makhin,

*PhD in biology, associate professor
of the Department of General Psychology and Psychophysiology,
Taurida Academy, V. I. Vernadsky Crimean Federal University,
Simferopol, Crimea, Russian Federation*

EMBODIED LANGUAGE OF THE MIRROR NEURONS

The article is aimed at giving a brief overview of neuroscientific studies examining the hypothetical relationship between the mirror neuron system (MNS) and human language abilities. A particular attention is given to the works implementing such an indicator of the MNS activation as the EEG

mu rhythm suppression. The main conceptual approaches to the research subject have been delineated. It is concluded that despite many promising results showing the link between the motor reactions accompanying the processes of speech perception on different levels, there are still a number of problematic issues awaiting an appropriate solution.

Keywords: language, speech perception, mirror neuron system, electroencephalogram, mu rhythm suppression.

«ТЕЛЕСНЫЙ» ЯЗЫК ЗЕРКАЛЬНЫХ НЕЙРОНОВ

В статье представлен краткий обзор результатов нейробиологических исследований, посвящённых изучению предполагаемой связи между активностью системы зеркальных нейронов (СЗН) и языковыми способностями человека. Особое внимание уделено работам, в которых в качестве маркера активации СЗН рассматривалась реакция супрессии сенсомоторного мю-ритма электроэнцефалограммы. Выделены основные концептуальные подходы, применяющиеся в контексте изучения данного вопроса. Делается заключение о том, что, несмотря на многообещающие результаты, демонстрирующие связь между моторными реакциями, которые сопровождают процессы речевой перцепции различного уровня сложности, остаётся много проблематичных моментов, требующих адекватного решения.

Ключевые слова: язык, восприятие речи, система зеркальных нейронов, электроэнцефалограмма, супрессия мю-ритма.

Introduction

More than twenty years ago, Italian neuroscientists managed to identify neural cells in the macaque brain that fired both when the animal performed an action and when it viewed an action being performed by another [2]. These cells were then named “mirror neurons” attracting quite rapidly more and more attention both in formal and popular science. There has been accumulated a large body of data primarily indirectly testifying to the presence of the same mirror-like system in humans which was coined the human mirror neuron system (hMNS).

The observation that the brain sensorimotor cortex, which normally activates when an individual performs movements, also becomes activated when viewing movement performed by others, subsequently evolved into the mirror neuron theory of action understanding [4]. This means that these neurons are more likely to mediate our ability to comprehend intentions underlying certain movement patterns than merely recognize movements by themselves. The sensorimotor cortex activation can be seen by means of electroencephalographic techniques as a reaction of mu rhythm power suppression. Following the discovery of mirror neurons, the phenomenon of mu suppression

received a new interpretation. The mu band arguably shows response properties similar to those of mirror neurons. There have been drawn parallels between mu rhythm activity and mirror neurons. A reduction in mu power was proposed to be taken as a signature of the mirror neuron activity [8].

General approaches to link the Mirror Neuron System and language

The hypothesis that language is likely to have certain relationship to the human mirror neuron system has arisen due to a number of partially overlapping and interconnected theories. The first of them is called the motor theory of speech perception [6]. It was first presented without reference to mirror neurons and posited that both perception and production of speech rely on the same brain functional networks. Speech is thus perceived by a listener as a series of articulatory movements or motor commands. It must be noted that the motor theory of speech perception has long been considered as not fully satisfactory to comply with the known data. Thus the revival of this theory following the discovery of mirror neurons, at least in its original form, cannot efficiently address the old problems with the theory [7].

The second theory linking hMNS to language acquisition is an evolutionary one. According to it, the early forms of relatively complex language communication became possible through an evolution of a primitive observation-execution matching system, followed by a development of a full-fledged hMNS which enabled specifically human forms of language and speech. Protolanguage in our ancestors may have existed as a mimetic gesture-based communicative system [1]. This line of theorizing follows the fact that mirror neurons had first been discovered in monkeys exactly in the cortex area F5 which is thought to be homologous to a key language area in humans, namely Broca's area. Rizzolatti and Arbib [9] believe that this brain region initially served the processes of action recognition in our human ancestors and was a "neural prerequisite" for the evolution of communication and eventually speech.

The third theory relating the functionality of the hMNS to language is based on the notion that language is "embodied", while the concept of mirror neurons can be taken as a proof for that. In a broad sense, this theory follows the argumentation about cognition being deeply grounded in perception and action. Perceptual experiences and actions performed by an organism are necessary to code the basic logic elements of its cognition. The embodiment process develops on multiple levels [3]. The "vehicle level" well matches the motor theory of speech perception while the "content level" deals with the semantic content of words. In that sense, this theory encapsulates the motor theory of speech perception and expands beyond it — the motor resonance applies now for not just articulatory gestures, but for the content of the sentence itself. For example, hearing or reading the

word “kick” may lead to the neural simulation of “kick” action in the motor cortex of a hearer or reader.

The studies relevant to finding the link between mu suppression and language have mainly focused on the mechanisms underlying speech perception and production, as opposed to the semantic level of understanding. The results obtained in such works comprise rather mixed findings. Many of them report suppression during fulfilling relevant tasks, though in some cases methodological issues would reduce confidence in the findings. A few researchers have also pointed out a need to investigate mu suppression in communication disorders, but no studies of mu suppression in language-impaired populations have so far been carried out [5].

Taking into account the evidence for mu suppression during speech perception (in contrast to language comprehension), suppression reaction is more likely to occur when performing tasks that require additional cognitive effort, rather than implementing a simple passive listening. According to one of the relevant theories [10], the recruitment of motor areas only occurs when speech processing demands certain level of effort. Motor areas effectively step in to serve as a helpful resource for the task. This would suggest that speech perception based on recruiting the motor cortex should be accounted for as a form of additional support, rather than a core process necessarily underpinning speech perception as it is. In such a context this theory looks not that great and promising to link the MNS and language. Another theory, arguably more parsimonious, states that when a task (be it speech perception or something else) becomes difficult enough, the suppression of EEG power in the alpha frequency band occurs because attentional effects happen. Alpha rhythm activity can be recorded all over the scalp, not only over the sensorimotor cortex, and variations in mental activity relevant to the level of individual task engagement can result in suppression of the alpha power independently of the activity of the motor cortex.

Conclusion

To resume, it is necessary to emphasize that there are still certain problems to which there are no clear solution when a researcher opts for the use of the mu rhythm suppression reaction as an indicator of the MNS activation in the context of searching its relevance to language and speech perception. Probably, more confidence in research findings could be achieved if the studies were methodologically based on a sufficiently strict pre-registered design when hypothesis, methods and analysis procedures are defined prior to the stage of data examination. In doing so, we would have clear and testable predictions necessary to cope with a range of additional variables covertly distorting statistical relationships based on which we decide whether hypotheses are true or false.

References

1. *Corballis M. C.* From mouth to hand: gesture, speech, and the evolution of right-handedness // *Behav. Brain Sci.* 2003. V. 26. P. 199–208.
2. *Di Pellegrino G., Fadiga L., Fogassi L.* Understanding motor events: a neurophysiological study // *Exp. Brain Res.* 1992. V. 91. P. 176–180.
3. *Gallese V.* Mirror neurons and the social nature of language: the neural exploitation hypothesis // *Social Neurosci.* 2008. V. 3. P. 317–333.
4. *Gallese V., Fadiga L., Fogassi L., Rizzolatti G.* Action recognition in the premotor cortex // *Brain J. Neurol.* 1996. V. 119. P. 593–609.
5. *Le Bel R. M., Pineda J. A., Sharma A.* Motor-auditory-visual integration: the role of the human mirror neuron system in communication and communication disorders // *J. Commun. Disord.* 2009. V. 42. P. 299–304.
6. *Lieberman A. M., Mattingly I. G.* The motor theory of speech perception revised // *Cognition.* 1985. V. 21. P. 1–36.
7. *Lotto A. J., Hickok G. S., Holt L. L.* Reflections on mirror neurons and speech perception // *Trends Cogn. Sci.* 2009. V. 13. P. 110–114.
8. *Muthukumaraswamy S. D., Johnson B. W.* Changes in rolandic mu rhythm during observation of a precision grip // *Psychophysiology.* 2004. V. 41. P. 152–156.
9. *Rizzolatti G., Arbib M. A.* Language within our grasp // *Trends Neurosci.* 1998. V. 21. P. 188–194.
10. *Szenkovits G., Peelle J. E., Norris D., Davis M. H.* Individual differences in premotor and motor recruitment during speech perception // *Neuropsychologia.* 2012. V. 50. P. 1380–1392.

УДК 504.3.054

Yu. S. Lisanovskaya,

*Bachelor Student, Department of Geoecology,
Geography Faculty, Simferopol Tavricheskaya Academy,
V. I. Vernadsky Crimean Federal University*

A. T. Kozlova,

*Associate Professor, Foreign Languages Department № 1
V. I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol*

QUALITY OF ATMOSPHERIC AIR IN SIMFEROPOL

This work deals with the problem of atmospheric air quality in Simferopol. The aim of this study is the analysis and assessment of atmospheric air quality in Simferopol. The following tasks have been put to achieve this aim: to analyze the statistical data about pollutants emissions into the atmospheric air and their concentrations in Simferopol; to define the factors promoting the increase of atmospheric air pollution; to carry out analysis

of the data received. The methods of research are bibliographical study and literature generalization on investigated theme, and the analysis of the data received. The quality of atmospheric air is the most important factor of urban environment, which depends on different factors.

Keywords: air pollution, emissions, pollutants, air quality.

КАЧЕСТВО АТМОСФЕРНОГО ВОЗДУХА В СИМФЕРОПОЛЕ

Работа рассматривает проблему качества атмосферного воздуха в городе Симферополе. Целью исследования является анализ и оценка качества атмосферного воздуха в Симферополе. Для достижения цели были поставлены следующие задачи: проанализировать статистические данные о выбросах загрязняющих веществ в атмосферный воздух и их концентрациях в Симферополе; выявить факторы, способствующие увеличению загрязнения атмосферного воздуха; произвести анализ полученных результатов. Методами исследования являются библиографическое изучение и обобщение литературы по теме, анализ полученных данных. Качество атмосферного воздуха — это важнейший фактор условий городской среды, который зависит от многих факторов.

Ключевые слова: загрязнение воздуха, выбросы, загрязняющие вещества, качество воздуха.

The quality of atmospheric air is considered to be the most important factor of urban environment conditions influencing people's well-being and health. The deterioration of air environment as a result of the anthropogenic pollution increases sickness rate and negatively affects the demographic indexes.

The aim of this study is the analysis and assessment of atmospheric air quality in Simferopol. The following tasks have been put to achieve this aim: to analyze the statistical data about pollutants emissions into the atmospheric air and their concentrations in Simferopol; to define the factors promoting the increase of atmospheric air pollution; to carry out analysis of the data received.

The methods of research are bibliographical study and literature generalization on investigated theme, and the analysis of the data received.

The quality of atmospheric air is the totality of physical, chemical and biological properties of atmospheric air, which shows its conformity to hygienic and ecological norms of the quality of atmospheric air. The quality of atmospheric air directly depends on the emissions of pollutants. The main sources of atmospheric air pollution are motorvehicles, and industrial enterprises: "Krymteplokommunenergo", Simferopol heat electric line, "Fiolent plant".

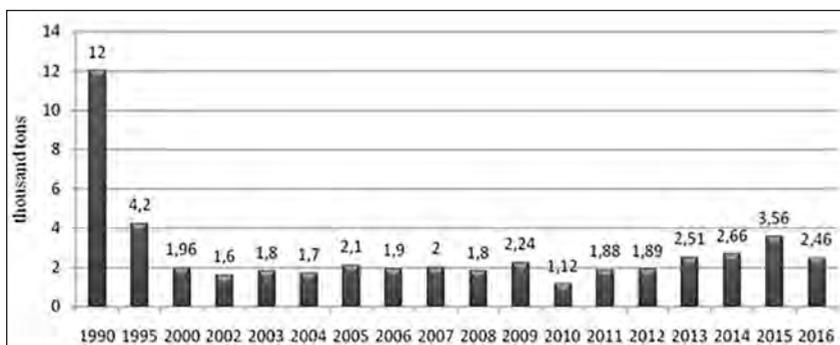

Fig. 1. Dynamics of pollutants emissions into the atmospheric air from stationary sources in Simferopol [1, p. 72]

Fig. 1 shows the dynamics of pollutants emissions from stationary sources in Simferopol. In the 1990s there was a sharp decrease in emissions and then a gradual increase until a present time. But 2016 saw a reduction of pollutants emissions, due to the measures taken by juridical bodies to decrease the pollutants emissions.

The system of environmental monitoring in Simferopol is a constituent of one single system of state ecological monitoring. Controlling atmospheric air in Simferopol is carried out by the Regional centre for hydrometeorology of the Crimean Republic on 3 posts and by Interregional administration of the Federal Service on supervision of consumer's rights and well-being of people in the Crimean Republic and Sevastopol. This activity is exercised by 14 points (three of which are stationary, 11 — route posts).

In Simferopol the exceeding of maximum permissible concentrations of pollutants was registered on motorways where the exceeding of carbon oxide was 13.9% in 2016 [1, p. 201]. But the contents of sulfur dioxide, nitrogen dioxide are declining now. Figure 2 shows the dynamics of some pollutants concentration for the last a half year.

To assess the quality of atmospheric air the received concentrations of pollutants are compared with maximum permissible concentration. Two indexes of air quality are used: standard index and the most frequent recurrency.

1. Standard index is the largest measured concentration of impurities for a short period of time.

2. The most frequent recurrency of exceeding of maximum permissible concentration from received measurements on the post.

According to the Monitoring centre for environment pollution at Federal State Budget Establishment "Crimean Administration of hydrometeorology

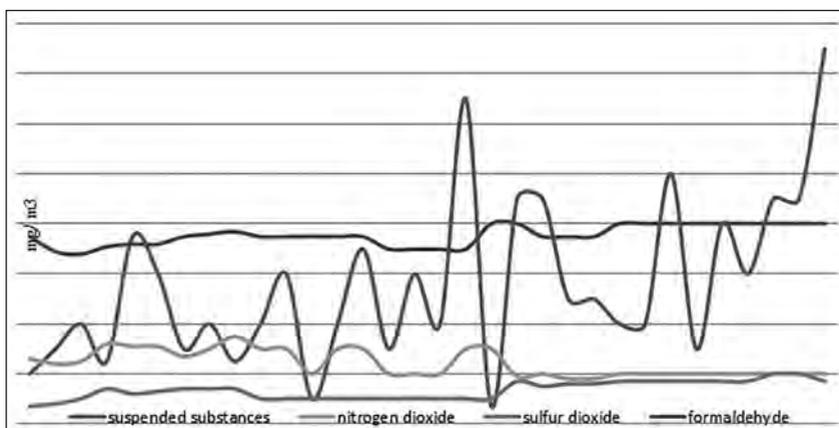

Fig.2. Dynamics of pollutants concentration in atmospheric air in Simferopol [2]

and environmental monitoring” the level of atmospheric air pollution is considered to be low, in some month — a little higher.

Relief features, climatic and meteorological peculiarities influence the quality of atmospheric air. On the one hand, the location of Simferopol in the inter-ridge depression prevents air masses from mixing. On the other hand, the Salgir river valley promotes the wind currents to stronger and hence, stimulates the emission of pollutants out of the city. The meteorological phenomena as fogs and atmospheric precipitation favour the accumulation of pollutants.

In Simferopol, the exceeding of maximum permissible concentrations of pollutants was registered on motorways. The main sources of air pollutant are motorways. Juridical bodies are decreasing the pollutants emissions. Thus the contents of sulfur dioxide, nitrogen dioxide are declining now.

Список источников

1. Доклад «О состоянии и охране окружающей среды на территории Республики Крым в 2016 году» / М-во экологии и природ. ресурсов Респ. Крым. Ижевск : ООО «Принт-2», 2017. 300 с.

2. Концентрация загрязняющих веществ в атмосферном воздухе Симферополя [Электронный ресурс]. URL: <http://meco.rk.gov.ru/rus/index.htm/news/372373.htm> (дата обращения: 24.09.2017).

K. V. Dahabra,

*Bachelor student, Physics and Technical Sciences Institute,
Crimean Federal V. Vernadsky University, Simferopol*

V. Yu. Ilyina,

*PhD in Pedagogy, Associate professor of Foreign Languages
Chair №1, Crimean Federal
V. I. Vernadsky University, Simferopol*

NBIC TECHNOLOGIES: THE SOCIOECONOMIC CHALLENGES OF HUMAN PERFORMANCE ENHANCEMENT

Technological advances have set the humanity on a path of unprecedented abilities that contribute to a world change. The rapid pace of technological progression brings undealt challenges that threaten the whole of mankind. The convergence of NBIC technologies (which stands for nanotechnology, biotechnology, information technology, and cognitive science) has an enormous potential not only to enhance human performance but also to transform the world as a whole in terms of society structure, human evolution and life-style, development of science, economics and politics.

Keywords: NBIC technologies, convergence, technological progress, human enhancement, transhumanism, artificial intelligence (AI), threats, challenges, humanity, threats to socioeconomic society structure.

НБИК-ТЕХНОЛОГИИ, РАСШИРЯЮЩИЕ ПОТЕНЦИАЛ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА: СОЦИОЭКОНОМИЧЕСКИЕ ВЫЗОВЫ БУДУЩЕГО

Технологический прогресс в современном мире приводит к созданию новых технологий, расширяющих потенциал человека, и постепенно ведущих к изменению социально-экономического устройства мира. Конвергенция нано-, био-, информационных технологий и когнитивных наук (НБИК) рождает технологические решения, имеющие огромный потенциал влияния на здоровье и продолжительность жизни человека, производительность труда и многие другие сферы жизни и деятельности, однако одновременно с этим влияющие на общественно-политическое устройство и экономическое благосостояние общества, что несёт угрозу современному устройству мира.

Ключевые слова: НБИК-технологии, конвергенция, технологический прогресс, технологии, расширяющие потенциал человека, сверхчеловек, искусственный интеллект, угрозы социально-экономическому устройству общества, человечество.

Introduction

Currently, the main drives in technology are automation and digitalization. Automation focuses on robotics in machinery, and control systems. And, digitalization focuses mostly on cloud technology. But it is important to look at those technologies from a wide angle. By themselves, technologies are mere tools that help complete a task. The problem comes in the mindset of dealing with them.

The **aim** of the paper is to dwell on the renowned modern philosophers' views on the factors shaping the society structure and ideology to define the role of technological advances in such processes in order to further ponder over the challenges the technological progress brings about in terms of its effects on the socioeconomic and political development of the society.

Thomas Kuhn, a renowned philosopher and a physicist, states that institutes see certain issues as unsolvable due to the paradigm of the institution at the time [1]. The same is applied not only among institutions, but also to society as a whole. Slavoj Zizek who is also an influential philosopher and the main interpreter of Jacques Lacan's psychoanalytic theory, takes a similar stance on the importance of the role of ideology in society. Zizek sees ideologies as the main drives of society's progression or digression, and considers that new technologies bring high responsibilities to those actors [2].

According to the philosophers, the main factors that shape ideology are the demography and culture. The workforce, being the bulk of demography, faces a growing challenge from automation technology as its efficiency will diminish job vacancies, leading to growing unemployment. Higher job requirements and the abolition of some professions will compromise many workers who will find themselves to be at risk not only of losing their jobs, but also of becoming obsolete on the job market altogether. A new class could be formed with a coined term the 'unemployables', or those who cannot be employed as their qualifications are no longer in demand.

Cutting-edge augmented reality tools (for instance, various simulators) and artificial intelligence robotics (let us just mention exoskeletons and AI expert systems) put enormous strain on the labour market making a wide range of professions irrelevant or redundant, thus adding to the unemployment rate.

With globalization flourishing, more places will merge in cultures and markets. Metropolitan development, becoming a global trend, is very likely to induce a decline in local doctrine; patriotism will be on the verge of a fall. Furthermore, uneven population growth among different cultural and religious backgrounds will play a bigger role in shaping the world politics, and social behavior [3].

Religious dogma may also increase its influence on ideology. Apocalyptic mindset would be the main challenge in upholding the responsibility of incorporating new technologies. The ongoing population growth in a reli-

gious environment will mean that the world will be more prone to amassing radical believers, who are occasionally inclined to extremism. The result would be the misuse of technology in accordance to ideology, or even worse, lethal terrorism practicing new technologies to bring more destruction [3].

Class struggle is known to be one of the main forces of social unrest. As the NBIC technologies will be available to those with access to them, whether by authority or through the market, the acquisition of those technologies will be spread disproportionately among the society. A small few would enjoy the capabilities that those technologies would bring to them, while the rest will seem stagnant when compared to the given progress. The class gap will probably further widen as the elites will be advancing far faster than the average human. In time, the class distinction will also lead to the biological distinctions as the elite will be able to access and afford life prolonging nano-bio-medical techniques to extend the lifespan and combat or prevent dangerous diseases [4, 5].

Economy is not just a beneficiary of innovation, it is the main motivator and a stimulus to society progression. Capitalism and globalization have led the market to accumulate immense power, triumphing even over the strongest of nations. Global consumer trends are rarely challenged by countries these days. The free market does what is best in its interests [7]. Any potential know-how will be utilized in accordance to those interests. Research and development of human enhancement technologies would be funded only if they are commercially viable. Most of the technological progress would be oriented on the consumer development [4, 7].

Conclusion

The implementation of new technologies can pose threats to the socio-economic structure which is a toll on improving efficiency, performance, lifespan or increasing short term profit. The process of utilizing technologies should be a thoroughly planned act that prioritizes on including human workforce in as many tasks as possible, in order to upkeep the society.

Thus, reshaping the workforce and rethinking its role in the modern NBIC society is an inevitable challenge to face in the near future. The processes will definitely lead to a new paradigm of human-technology interaction but are unlikely to be ignored or else there will be disastrous effects on all spheres of human life.

References

1. Stanford encyclopedia of Philosophy: Thomas Kuhn [Электронный ресурс]. URL: <https://plato.stanford.edu/archives/fall2013/entries/thomas-kuhn/> (дата обращения: 15.10.2017).

2. Internet encyclopedia of Philosophy [Электронный ресурс]. URL: <http://www.iep.utm.edu/zizek/> (дата обращения: 15.10.2017).

3. To survive we must go extinct — apocalyptic terrorism and transhumanism [Электронный ресурс]. URL: <http://hplusmagazine.com/2015/11/17/to-survive-we-must-go-extinct-apocalyptic-terrorism-and-transhumanism/> (дата обращения: 20.10.2017).

4. Here is how transhumanism's faithful are following it blindly into a future for the wealthy elite [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rawstory.com/2017/07/here-is-how-transhumanisms-faithful-are-following-it-blindly-into-a-future-for-the-wealthy-elite/> (дата обращения: 20.10.2017).

5. Super-intelligence and eternal life: transhumanism's faithful follow it blindly into a future for the elite [Электронный ресурс]. URL: <https://uk.news.yahoo.com/super-intelligence-eternal-life-transhumanism-041956373.html> (дата обращения: 15.10.2017).

6. NBIC technology and life prolongation [Электронный ресурс]. URL: <http://www.longlonglife.org/en/longevity/aging/nbic-technology-convergence-life-prolongation/> (дата обращения: 11.01.2018).

7. *Hunson R.* Economics of the singularity: stuffed into skyscrapers by the billion, brainy bugbots will be the knowledge workers of the future [Электронный ресурс]. URL: <https://spectrum.ieee.org/robotics/robotics-software/economics-of-the-singularity> (дата обращения: 15.01.2017).

8. NBIC science: towards transhumanism [Электронный ресурс]. URL: <http://www.nbic.info/> (дата обращения: 15.10.2017).

УДК 51+81–13]:001.2

Н. В. Сафонова,

*кандидат философских наук, доцент,
доцент кафедры философии естественнонаучного профиля,
философский факультет, Таврическая академия (с. п.),
Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского, Симферополь*

К. В. Фордук,

*студентка 4-го курса кафедры математического анализа
факультета математики и информатики, Таврическая академия (с. п.),
Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского, Симферополь*

О ВОЗМОЖНОЙ МЕТОДОЛОГИЧЕСКОЙ СВЯЗИ МАТЕМАТИКИ И ЛИНГВИСТИКИ

В работе исследуется проблема точности в математике. На основе многообразия интерпретаций смыслов, обнаруженных в языке математики, делается вывод о гораздо большей общности искусственного

языка математики и естественных языков. Высказывается предположение: не только гуманитарные науки могут переносить и адаптировать методы из точных наук (например, метод синергетики), но и наоборот. На рассмотрение вынесен метод герменевтики. Обоснованием этого переноса выступает доказанный факт множества смыслов в языках математики.

Ключевые слова: искусственный язык математики, лингвистика, метод герменевтики, множественность интерпретаций, смысл.

ABOUT POSSIBLE METHODOLOGICAL COMMUNICATION OF MATHEMATICS AND LINGUISTICS

The accuracy problem in mathematics is investigated in the given work. On the basis of variety of interpretations of the meanings found in mathematical language the conclusion about much bigger community artificial and natural languages is drawn. It is suggested that not only the humanities can transfer and adapt methods from the exact sciences (for example, a synergetics method), but also on the contrary. The hermeneutics method is submitted for consideration. The justification of this transfer is the proved fact of a set of meanings in mathematical languages.

Keywords: artificial language of mathematics, linguistics, hermeneutics method, plurality of interpretations, sense.

Введение

Крепкая взаимосвязь математики с естественными науками очевидна и не требует доказательства. Она настолько прочна, что это позволило известному американскому физическому, лауреату Нобелевской премии Э. Вигнеру говорить о «непостижимой эффективности математики в естественных науках» [2, с. 182–198].

Взаимопроникновение математики и гуманитарных наук не столь явно. Для обоснования этой общности в работе используются результаты немецкого математика и логика Леопольда Лёвенгейма, австрийского математика и логика Курта Гёделя, норвежского математика, логика и философа Туральфа Сколема.

Цель: выявить характеристики искусственного языка математики и определить в нём сферы применимости метода герменевтики. Цель конкретизируется рядом **задач:** определить место математической науки в заданной классификации наук; рассмотреть проблему неоднозначности в лингвистике и математике; выявить принципы метода герменевтики и указать их степень применимости в математике.

В настоящее время науки принято делить на естественные и гуманитарные. Под естественными понимают науки, изучающие природу

с той или иной стороны (природные явления, процессы, объекты, самого человека). Гуманитарные науки — дисциплины, изучающие человека в сфере его духовной, умственной, нравственной, культурной и общественной деятельности. В этом распределении среди всех наук математика стоит особняком, так как её сложно по указанному критерию причислить к той или иной группе наук. Практически всегда её относят к естественной (вследствие широкой применимости) и считают точной наукой.

Однако связь и сходство математики с гуманитарными науками нельзя отрицать. Даже у таких на первый взгляд разных наук, как математика и лингвистика, есть общее. Лингвистика — это наука, изучающая языки. Математика — это тоже язык. Об особом статусе языка математики писали Т. Гоббс, Г. В. Лейбниц, Д. Юм. Н. И. Лобачевский писал: «Из всех языков мира самый лучший — это искусственный весьма сжатый язык математики» [4, с. 247]. Язык математики — это искусственный язык, в первую очередь обладающий характеристикой терминологической точности.

Способность слова выражать наряду с основным понятийным значением различные эмоционально-экспрессивно-оценочные значения называется коннотацией. Под точностью понимают возможность ограничиться только одним определением с одним значением. Чем больше коннотативных смыслов имеет понятие, тем больше его значение размыто. Гуманитарные науки, как правило, оперируют с коннотативными словами.

Оказалось, что «самый лучший» язык математики не идеален, он сталкивался с проблемами, среди которых — проблема неоднозначности высказываний.

Впервые с этим свойством столкнулись в результате осознаний следствий из теоремы Курта Гёделя (1930 г.) о неполноте: «Логическая полнота (или неполнота) любой системы аксиом не может быть доказана в рамках этой системы. Для её доказательства или опровержения требуются дополнительные аксиомы (усиление системы)». Эту теорему можно понимать следующим образом — не существует языковых средств, обращение к которым гарантировало бы нам абсолютно достоверный (доказанный) вывод.

Более сильный и шокирующий результат получен позднее и зафиксирован в теореме Лёвенгейма — Сколема, которая была сформулирована в 1915 году Леопольдом Лёвенгеймом, а доказана Туральфом Сколемом в 1920-м. Теорема утверждает, что любая система аксиом допускает намного больше существенно — различных интерпретаций, чем предполагалось при её создании. Как это понимать? «Предположим, кому-то пришла в голову мысль составить перечень характерных

черт, присущих, по его мнению, американцам, и только американцам. К своему удивлению, в действительности он обнаруживает людей, обладающих всеми перечисленными им характерными особенностями американцев и более того наделённых множеством собственных специфических черт» [3, с. 316].

Иначе говоря, система аксиом, составленная для описания одного единственного класса математических объектов, явно не соответствует своей цели. Так, задавая одну и ту же аксиоматическую систему, можно обнаружить абсолютно новую интерпретацию заданных ею значений.

Таким образом, можно сделать вывод, что проблема неопределённости и неоднозначности высказываний делает математику достаточно близкой к гуманитарным наукам.

Гносеологические выводы, следующие из теорем Геделя и Левингейма — Сколема, привели к разочарованию в отношении представлений об идеальном языке математики: он не обладает той точностью, какую ему приписывали ранее. Метод герменевтики возник из необходимости выработки принципов постижения текстов, имеющих множество интерпретаций смыслов. Герменевтика осуществляется через: *перевод* (опыт иного и перенос смысла в свой язык), *реконструкцию* (воспроизведение истинного смысла или ситуации возникновения смысла), *диалог* (формирование нового смысла и субъективности — в соотношении с существующим).

Мы делаем предположение о возможности применения метода герменевтики к математическим результатам.

Каким образом метод герменевтики, утверждающий многообразие смыслов, может оказаться полезным в отношении применимости, как оказалось, к размытому языку математики?

Поиски новых идей привели к созданию в математике новых структур, нарушающих методологический принцип точности. Появляются теории, в которых имеет место

$$\langle \alpha(x-h)(x-2h)\dots(x-(n-1)h) = x^n, \rangle$$

где h — обычно называется постоянной Планка и считается малым. Все математические понятия, оказывается, допускают разумную в некотором смысле деформацию, так что при $h=0$ продеформированный объект превращается в обычный, а при отличных от нуля значениях параметра имеет качественно другие свойства» [1, с. 166]. Данное обстоятельство рассмотрено в работе «Метаморфозы принципа точности в математике» [6] и показано, что подобного рода «деформации» в математике существовали и ранее.

Для нас очевидно, что богатство интерпретаций смыслов не может служить точками развития математики. Хорошо известно, что боль-

шая часть современных структур математики, построенных формальным образом, вообще отказывается от интерпретации содержания объектов [5], следовательно, её не могут и не должны интересовать множество интерпретаций. Однако они могут оказаться полезными в области приложений математики, например, в квантовой механике.

Выводы

Проведённые исследования подтверждают тесную связь математики с науками о языке не только потому, что математика — это искусственный язык, а также и тем, что структуры последнего обладают множеством интерпретаций. На основе выявленного свойства выдвигается предположение о возможности применения метода герменевтики к указанной науке. В связи с тем, что большинство математических структур построены формальным образом и поэтому не имеют содержания, авторы считают, что применение метода герменевтики в математике возможно лишь в области прикладных наук.

Список источников

1. *Арнольд В. И.* Международный математический конгресс в Берлине // Вестник Российской академии наук. 1999. Т. 69. № 2. С. 163–174.
2. *Вигнер Э.* Этюды симметрии. М. : Мир, 1979. 319 с.
3. *Клайн М.* Математика. Утрата определённости / пер. с англ. М. : Мир, 1984. 446 с.
4. *Лихтенштейн Е. С.* Слово о науке. М. : Знание, 1981. 272 с.
5. *Сафонова Н. В.* К различию ключевых единиц естественного языка и языка математики // Учёные записки КФУ им. В. И. Вернадского. Серия «Философия. Политические науки. Культурология». Симферополь, 2015. Т. 1 (67). № 2. С. 173–181.
6. *Сафонова Н. В.* Метаморфозы принципа точности в математике // Культура народов Причерноморья. 2006. № 82. С. 77–81.

T. I. Orlova,

*Bachelor Students of Department of Mathematics
and Computer Science, Taurida Academy,
V. I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol*

O. V. Yermolenko,

*PhD, associate professor, associate professor
of Foreign Language Chair № 1,
V. I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol;*

*Foreign language advisor: PhD, associate professor,
associate professor of Foreign Language Chair № 1,
V. I. Vernadsky Crimean Federal University* **O. V. Yermolenko**

THE NEGATIVE EFFECT OF COMPUTER TECHNOLOGY ON TEENAGERS AND STUDENTS

The work deals with the problem of negative effect of computer technology on young generation. It is noted that the usage of internet has become obsession for most teenagers and students. The harmful impact on the mental and physical health is described with listing of the most common injuries. The threats of losing social skills and disruption of relationship with real world are underlined. The internet addiction is specified as the most threatening disease of young generation at present.

Keywords: Negative effect, young generation, computer technology, Internet addiction, aggression

КОМПЬЮТЕРНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ КАК ОТРИЦАТЕЛЬНЫЙ ФАКТОР ВОЗДЕЙСТВИЯ НА ПОДРОСТКОВ И СТУДЕНТОВ

В работе рассматривается проблема негативного влияния компьютерных технологий на молодое поколение. Отмечается, что использование интернета стало одержимостью для большинства подростков и студентов. Пагубное воздействие на психическое и физическое здоровье описано с перечислением наиболее распространённых нарушений. Подчёркиваются угрозы потери социальных навыков и нарушения отношений с реальным миром. Интернет-зависимость определяется как самая опасная болезнь молодого поколения в настоящее время.

Ключевые слова: отрицательное воздействие, молодое поколение, компьютерные технологии, интернет-зависимость, агрессия.

Computers continue to play a vital role in the life of today's young generation. Computer technology has changed the way we deal with the world. Many fields and spheres of the society are impacted by information

technology. Young generations were born and are growing up with this technology. Although the usage of it has certain benefits [1], it can also be detrimental to children and teenagers during a very important time of their growth. Too much computer use can make a negative effect on teenagers' physiological and psychological health as well as social skills.

The negative influence of computer technology and networking is increasingly becoming a reason for serious concern. Computer technology, while useful for communication, schoolwork and entertainment, can cause problems if they're overused.

At a time when children are growing physically, it's especially important to note the benefits of physical activity. Lack of teenagers' physical activity hampers their physical development. Too much screen time can promote a sedentary lifestyle [2], often causing obesity and heart disease. Obese teens usually grow up to become obese adults, giving them a contributing factor and increased risk for chronic health conditions, including heart disease, diabetes and arthritis. Computers may lead to specific health problems. Constant use of a keyboard and mouse can cause hand injuries, tendinitis, back problems and carpal tunnel syndrome. The eye strain will happen after a long time looking at the screen.

Constant computer use can affect a student's attention span and focus. Many games and other forms of computer entertainment do nothing to stimulate a student's mind. Constant switching between programs, games or videos makes it more difficult to focus on tasks for longer periods of time.

Students are sticking with the Internet all day, taking advantages of any time possible to browsing the Internet. Staying up late when the body cannot have enough time to rest causes many health problems. Moreover, electronics in bedroom can negatively affect his normal sleep cycle. The green light from the computer screen or other types of electronic items can be the cause of insomnia. Late-night texts, phone calls and emails can keep student from sleeping soundly even if he's not reading or answering them. For the teenagers, who are at the age of development, insomnia will affect both their mental health and physical growth.

Teenagers who spend most time on the computer usually fail to develop appropriate social skills. These skills are important not only for communicating with others. It is very important for developing their self-esteem and the ability to work in social environments. Underdeveloped social skills can cause loneliness and depression which are detrimental to health, relationships and academics.

Increased aggression is one of the problems promoted by violent video games and movies. Students who spend a significant amount of time playing violent video games or watching violent television shows are more likely to fight with their peers, argue with their teachers and generally engage in

more aggressive behaviors. Violence becomes their reality. Many teenagers are unable to distinguish between reality and fantasy. This makes violence 'normal' for them.

Spending too much time playing video games can increase depression in teens with mental health issues who may turn to video games for relief, but then become addicted to playing games, causing social, academic and emotional problems that may last well into adulthood. Feeling isolated and depressed such teens become addicted to video games and network. They tend to choose Internet communication avoiding their personal relationships with friends and family. The replacement of real life with the internet is the main sign of internet addiction.

With the increased addiction to social networks and internet games, teenagers are spending more time on computers and give up on their normal offline life. This has resulted into relation breakups and increases loneliness. Access to harmful information corrupts young people's minds and drives them to commit crime [3].

The Internet addiction is not less dangerous than other types of addiction. The feature of people having trouble with Internet addiction is that they seem to marry their own phones or computers. Many people come to the Internet as a way to hide from the real world feeling more comfortable and safer when living in a fiction world created on the Internet. The dangerous problem of internet addiction is not only about their life tendency but also their health.

The negative influence of computer technology on young generation is a dangerous problem and the parents should be aware of it and search for the ways of overcoming it [4].

Список источников

1. *Ivleva Y., Orlova T., Yermolenko O.* Some advantages of information technology // Сборник тезисов участников междисциплинарной научной конференции «Конвергентные технологии XXI: вариативность, комбинаторика, коммуникация». Симферополь, 2016. С. 217–219.

2. *Roberts H. L.* The negative effects electronics have on Teens [Электронный ресурс] URL: <https://www.livestrong.com/article/536846-the-negative-effects-electronics-have-on-teens/> (дата обращения 15.10.2017)

3. *Orlova T. I.* Some disadvantages of information technology // Сборник тезисов участников II научной конференции профессорско-преподавательского состава, аспирантов, студентов и молодых учёных «Дни науки КФУ им. В. И. Вернадского». Симферополь, 2016. С. 236–237.

4. *Chakravarty Ch.* Positive and Negative Influences of Media on teenagers [Электронный ресурс] URL: http://www.momjunction.com/articles/positive-and-negative-influences-of-media-on-teenagers_00107975/#gref (дата обращения: 15.10.2017).

УДК 316.62

D. A. Kiselyov,

*Bachelor Students of Department of Mathematics
and Computer Science, Taurida Academy,
V. I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol*

O. V. Yermolenko,

*PhD, associate professor, associate professor
of Foreign Language Chair №1,
V. I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol;*

*Foreign language advisor: PhD, associate professor,
associate professor of Foreign Language Chair №1,
V. I. Vernadsky Crimean Federal University* **O. V. Yermolenko**

COMPUTER ADDICTION AS AN ACTUAL SOCIAL AND PEDAGOGICAL ISSUE

The work deals with Computer addiction as the main problem of modern young people. The notion of Computer addiction is defined. The causes and signs of the phenomenon are listed. The Consequences and harmful effect of Computer addiction on the physical and mental health of adductors are described. The types of Computer addiction are specified.

Keywords: Computer addiction, cause, consequences, mental disorder, physical illness.

КОМПЬЮТЕРНАЯ ЗАВИСИМОСТЬ КАК АКТУАЛЬНАЯ СОЦИАЛЬНО-ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА

В работе рассматривается компьютерная зависимость как главная проблема современной молодежи. Определено понятие компьютерной зависимости. Перечислены причины и признаки этого явления. Описаны последствия и вредное влияние компьютерной зависимости на физическое и психическое здоровье молодежи, и студентов в частности. Указаны типы компьютерной зависимости.

Ключевые слова: компьютерная зависимость, причина, последствия, психическое расстройство, физическая болезнь.

Over the past decade, the Internet has become an integral part of life for the majority of the population. Undoubtedly, the Internet is of great importance in the modern world and it brings great benefit to mankind. However, the spread of the Internet around the world is accompanied by negative consequences. One of the most threatening of them is Internet addiction.

If a person or a student in particular regularly spends more time on the computer than it is necessary and his computer use interferes with his obli-

gations then he is likely to be suffering from an addiction to the computer [1]. This addiction is characterized by an excessive desire and subsequent use of the internet or the computer that results in negative consequences socially, financially, physically, emotionally or otherwise for the user [2].

Internet addiction is a mental disorder characterized by loss of self-control, an irresistible desire to be constantly on the Internet and inability to get out. It is a disease of our time, which has not been fully understood.

The Internet (Computer) addiction is not less dangerous than other types of addiction. Psychologists express the alarm and compare the phenomenon of Internet addiction only with addiction to alcohol and drugs [4].

There are some signs of computer addiction:

- preoccupation with the computer either online or offline;
- feeling a burning desire to go online or to use the computer to play a game, to socialize or to develop programming codes;
- spending time on the computer despite family functions taking place, special events or other activities that you were once happy to be a part of;
- performing actions on the computer that are outside the realm of what your original plans were;
- telling lies to your family about the activities that you perform while on the computer;
- mood swings or irritability when you are not allowed to spend as much time on the computer as you would like to telling yourself that you will get off the computer at a certain time and then spending more time than you committed;
- any use of the computer as an escape from your feelings.

Studies carried out on the subject of Internet addiction have proved that a long stay on the Internet leads to a change in the consciousness and work of the brain, which in turn leads to the loss of learning ability and the ability to think deeply. However, the violation of mental processes and memory impairment are not the only negative impact of the Internet on a person. Plunging headlong into the web of the World Wide Web, a person gradually loses the skills of real communication, which leads to some kind of antisociality [3].

The dangerous problem of internet addiction is not only about the life tendency but also the health. Internet addiction causes physical diseases. Spending a lot of time on the screens of monitors, a person spoils his eyesight, many have tunnel syndrome of the wrist. A sedentary lifestyle leads to various diseases of the spine and joints (scoliosis, osteochondrosis, arthrosis, etc.), cardiovascular pathologies (tachycardia, arrhythmias, arterial hypertension, lower limb varicose, etc.) and many other diseases.

Computer addiction has a number of causes and could be the result of a mental illness, an addictive personality or something else.

The most common causes for computer addiction are:

- anxiety caused by stress at work, relationships, financial problems or other sources;
- depression that leads to computer use to escape reality;
- inactivity and using the computer instead of working out or otherwise being active;
- physical illness that prevents an individual from leaving the home;
- boredom and feeling like there is nothing else to do.

Dependence on the Internet arises for a number of reasons and can be expressed in various forms. Today, psychologists and researchers of the problems of Internet addiction specify five main types of it.

- The most common type of Internet addiction is the need for continuous communication. It can be forums, social networks and various chat rooms.
- Information Internet addiction (online surfing), or an irresistible need for a constant flow of information, makes a person endlessly surf the Web.
- The next kind of Internet addiction is the game addiction. This is when a person is sitting down and cannot tear himself away from online games.
- Internet addiction associated with online gambling is in many respects similar to the usual addiction to playing for money.
- Another type of Internet addiction is the so-called cybersex attraction — it is an obsession for viewing porn films on the web and taking cybersex.

If a person thinks that he is addicted to a computer he can take some actions to reduce his computer usage and monitor this addiction. He should limit his computer use by setting a timer. Placing limitation on the location will help to avoid and reduce risky behavior. Social support will be of great assistance.

By keeping track of the amount of time that a person spends on the computer, the activities that he performs and the emotions that leads up to the computer use the addicted person can narrow down times or activities that are performed based on emotions and be better prepared to take control of his addiction and prevent relapse.

Список источников

1. Problematic internet use: proposed classification and diagnostic criteria / N. A. Shapira [et al.] // *Depress. Anxiety*. 2003. Vol. 17, N 4. P. 207–216.
2. *Orlova T. I.* Some disadvantages of information technology // Сборник тезисов участников II научной конференции профессорско-преподавательского состава, аспирантов, студентов и молодых учёных «Дни науки КФУ им. В. И. Вернадского». Симферополь, 2016. С. 236–237.
3. Интернет-зависимое поведение у подростков. Клиника, диагностика, профилактика / под ред. В. Л. Малыгина и соавт. М. : Арсенал образования, 2010. 136 с.
4. *Юрьева Л. Н., Бальбот Т. Ю.* Компьютерная зависимость: формирование, диагностика, коррекция и профилактика. Днепропетровск : Поги, 2006. 196 с.

*А. Э. Ибрагимов,
обучающийся*

*А. А. Ильясова,
обучающаяся*

*А. Ф. Рыбась,
кандидат физико-математических наук, доцент,
Физико-технический институт,
Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского, Симферополь*

МОДЕЛИРОВАНИЕ МОДОВОГО СОСТАВА ИЗЛУЧЕНИЯ ПОСЛЕ ДВЕНАДЦАТИМОДОВОГО ВОЛОКНА

Написана программа, которая позволяет моделировать основные моды и модовые комбинации, полученные после прохождения изотропного маломодового волокна. Программа позволяет строить распределение поляризации, эллиптичность и азимут для различных модовых комбинаций.

Ключевые слова: мода, оптическое волокно, интенсивность, поляризация, азимут, эллиптичность.

Written a program that allows modeling the basic modes and mode combinations obtained after passing an isotropic few-mode fiber. The program allows you to build a distribution of polarization, the ellipticity and azimuth for various modal combinations.

Keywords: mode, optical fiber, intensity, polarization, azimuth, ellipticity.

В настоящее время востребованной и актуальной задачей является необходимость увеличения пропускной способности существующих волоконно-оптических линий связи. Для решения этой проблемы авторами [3; 4] предложено использовать не стандартные Гауссовы пучки, а оптические вихри. Благодаря своим свойствам оптические вихри позволяют существенно увеличить количество каналов в волокне, так как при распространении в волокне благодаря спин-орбитальному взаимодействию имеют разные постоянные распространения [1; 2]. Для этого необходимо использовать волокно, волноводный параметр которого будет больше 2,4. В своей работе используется волокно, волноводный параметр которого равен $V=3,8$, в нём реализуется 12 мод.

Цель работы: разработать программу, моделирующую основные моды и модовые комбинации, полученные после прохождения изотропного двенадцатимодового волокна с градиентным профилем показателя преломления.

Теоретическое описание построения интенсивности и поляриза-
онной картины для LP_{11} моды:

1. Поле LP_{11} модовой комбинации получается при сложении HE_{21} и TM_{01} или TE_{01} мод. Например, чётная x — поляризованная на входе LP_{11} мода имеет следующий вид:

$$E_x = F_1(R) \cos \varphi \cos(\delta\beta_{21}z) \exp(i\beta z), \quad (1)$$

$$E_y = iF_1(R) \sin \varphi \sin(\delta\beta_{21}z) \exp(i\beta z),$$

где $\delta\beta_{21}$ — полуразность постоянных распространения HE_{21} и TM_{01} мод, β — полусумма постоянных распространения HE_{21} и TM_{01} мод, для упрощения описания радиальной функции воспользовались приближением параболического профиля показателя преломления, тогда

$$F_l(R) = R^l \exp\left(-\frac{VR^2}{2}\right), \quad R = r/\rho,$$

$$\tilde{\beta} = kn_{co} \left\{ 1 - \frac{4\Delta}{V} (2 + l - 1) \right\}, \quad m = 1, l = 1.$$

Распределение интенсивности в случае векторного поля равно нулевому параметру Стокса:

$$I = S_o = |E_x|^2 + |E_y|^2.$$

Для поля LP_{11} моды:

$$E_{xr} = F_1(R) \cos \varphi \cos(\delta\beta_{21}z),$$

$$E_{xi} = 0,$$

$$E_{yr} = 0,$$

$$E_{yi} = F_1(R) \sin \varphi \sin(\delta\beta_{21}z).$$

Тогда интенсивность можно представить в виде:

$$I = S_o = |E_x|^2 + |E_y|^2 = E_{xr}^2 + E_{xi}^2 + E_{yr}^2 + E_{yi}^2.$$

2. Согласно формуле (1), поле LP_{11} модовой комбинации в каждой точке поперечного сечения в волокне полностью поляризовано. В общем случае в произвольной точке поле имеет эллиптическую поляризацию. Как известно, поляризация характеризуется следующими параметрами: интенсивностью I , степенью эллиптичности Q и углом наклона ψ , большей полуоси к оси x лабораторной системы координат. Степень эллиптичности определяется как $Q = \pm \frac{b}{a}$, где знак «+» берётся, если электрический вектор вращается по часовой стрелке в плоскости наблюдения (свет движется на нас). Данные параметры однозначно определяются параметрами Стокса:

$$I = S_o,$$

$$\psi = \frac{1}{2} \arctan\left(\frac{S_2}{S_1}\right),$$

$$Q = \tan\left(\frac{1}{2} \arcsin\left(\frac{S_3}{S_0}\right)\right),$$

где:

$$S_0 = |E_x|^2 + |E_y|^2 = E_{xr}^2 + E_{xi}^2 + E_{yr}^2 + E_{yi}^2;$$

$$S_1 = |E_x|^2 + |E_y|^2 = E_{xr}^2 + E_{xi}^2 + E_{yr}^2 + E_{yi}^2;$$

$$S_2 = E_x^* E_y + E_x E_y^* = 2(E_{xr} E_{yr} + E_{xi} E_{yi});$$

$$S_3 = i(E_x^* E_y - E_x E_y^*) = 2(E_{xr} E_{yi} - E_{xi} E_{yr}).$$

В результате выполненной работы была написана программа (рис. 1), позволяющая моделировать модовый состав двенадцатимодового изотропного волокна (рис. 2). Программа позволяет строить распределение поляризации, эллиптичность и азимуты для различных модовых комбинаций.

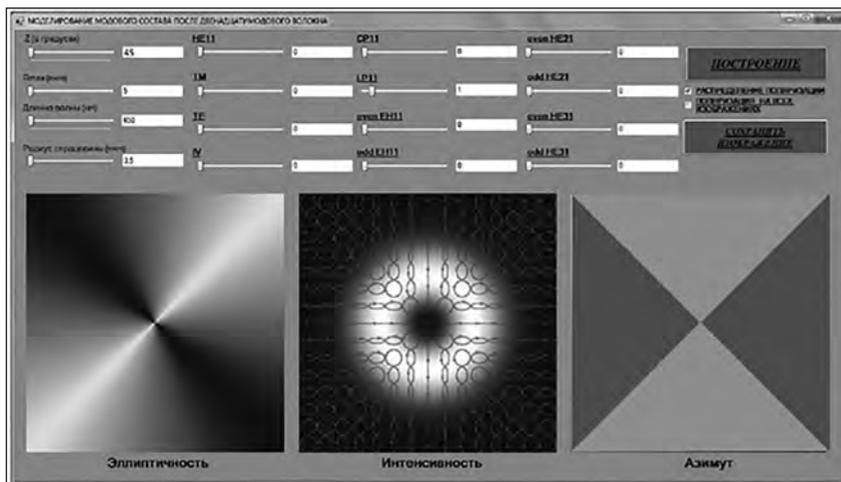

Рис. 1. Вид программы с моделированной LP_{11} модой

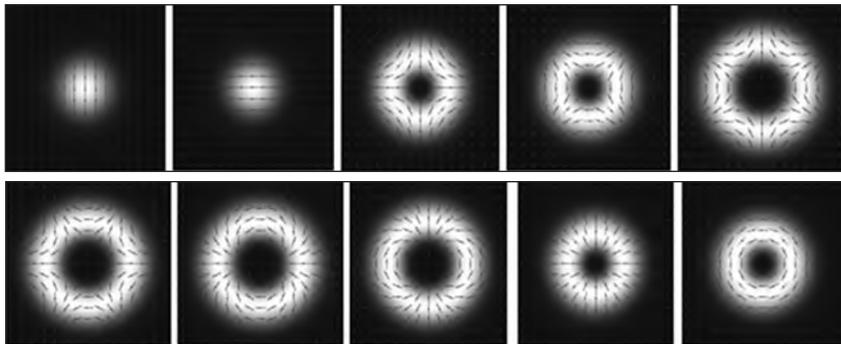

Рис. 2. Собственные моды волокна:
 HE_{1p}^x , HE_{1p}^y , HE_{2p}^{ev} , HE_{2p}^{od} , HE_{3p}^{ev} , HE_{3p}^{od} , EH_{1p}^{ev} , EH_{1p}^{od} , TM_{0p} , TE_{0p}

Список источников

1. Воляра А. В., Фадеева Т. А. Вихревая природа мод оптического волокна: I. Структура собственных мод // Письма в ЖЭТФ. 1996. Т. 22.
2. Снайдер А., Лав Дж. Теория оптических волноводов. М. : Радио и связь, 1987. С. 78, 79.
3. Terabit-Scale Orbital Angular Momentum Mode Division Multiplexing in Fibers / N. Bozinovic [et al.] // Science, 2013.
4. Nye J. F., Berry M. V. Dislocations in wave trains // Proc. R. Soc. Lond. A. 1974. V. 336. P. 165–190.

УДК 378.147.88

А. В. Карпенко,

кандидат философских наук, доцент кафедры иностранных языков № 3, Институт иностранной филологии, Таврическая академия (с. п.), Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь

Г. А. Гольдберг,

старший преподаватель кафедры иностранных языков № 3, Институт иностранной филологии, Таврическая академия (с. п.), Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь

ВНЕАУДИТОРНАЯ РАБОТА С ОБУЧАЮЩИМИСЯ КАК СРЕДСТВО РАСШИРЕНИЯ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОМПОНЕНТЫ (ИЗ ОПЫТА РАБОТЫ)

Статья посвящена вопросу роли внеаудиторной работы в подготовке обучающихся неязыковых специальностей по дисциплине «Иностранный язык». Авторы подчёркивают, что внеаудиторные методы работы способствуют более эффективному усвоению знаний, а также овладению межкультурной компонентой.

Ключевые слова: межкультурная компонента, внеаудиторная работа, иностранный язык, мультикультурная личность, внеклассная работа, интерактивные методы.

OUT OF CLASS ACTIVITY WITH STUDENTS AS MEANS OF INTERCULTURAL COMPONENT'S OUTREACH (INTERACTIVE TEACHING EXPERIENCE)

The article focuses on the role of out of class activity in the training of non-linguistic specialties in the subject of Foreign Languages. The authors emphasize that out of class methods of work contribute to more efficient

assimilation of Foreign Languages as well as the cultural phenomena and mastering of the intercultural component.

Keywords: intercultural component, out of class activity, foreign language, multicultural personality, interactive teaching experience.

При большом ежегодном выпуске специалистов современному обществу нужны не просто экономисты, юристы, менеджеры, а специалисты, владеющие навыками межкультурной коммуникации. Назрела необходимость обратить внимание на подготовку специалистов, готовых участвовать в диалоге культур разных народов. Знание и понимание культуры другого народа является залогом успешного общения. Иностраный язык, как средство межкультурной коммуникации, находится на одном из ведущих мест в профессиональной компетентности. В настоящее время существует множество определений межкультурной коммуникации, мы опираемся на определение, данное Е. М. Верещагиным и В. Г. Костомаровым, которые понимают под межкультурной коммуникацией «адекватное взаимопонимание двух участников коммуникативного акта, принадлежащих к разным национальным культурам» [1, с. 26].

Новые стандарты современного языкового образования, изменение целей обучения и методологических основ требуют повышения у обучающихся качества образования в целом, выдвижения на первый план мультикультурной личности, базирующейся на межкультурной составляющей как базовой для развития навыков межличностной и деловой коммуникации. Они также выдвигают приоритет формирования личностных качеств, поиска себя как личности в языковых структурах и в дискурсе, свойственном современному специалисту. Одним из важнейших факторов формирования и развития у будущих специалистов межкультурной составляющей является внеклассная работа. В лингводидактике также мало изучена проблема межкультурного взаимодействия, которая, по нашему мнению, свойственна лингвистическому образованию. Изучение культуры средствами изучаемого иностранного языка сегодня является приоритетным, а обучение иноязычному межличностному общению формирует мультикультурную личность. Конечной целью языкового образования является способность понять носителя иной культуры и языка, а также иное видение мира в целом. Это умение и формирует «вторичную» языковую личность и полноценную способность к межкультурной коммуникации. Революция, произошедшая в лингводидактике, слом её основ, изменение целей и задач со всей очевидностью привели к образованию межкультурной составляющей в лингводидактике.

Ежегодное уменьшение в учебных планах аудиторных часов в пользу часов, отводимых на самостоятельную работу, требует от пре-

подавателей серьёзных изменений не только в рабочих программах, но и в других видах работы с обучающимися, а именно во внеаудиторной работе для более эффективного усвоения знаний, получаемых во время практических занятий. Еще пять лет назад обучающиеся по специальности «Туризм» (второй иностранный язык) имели 8/6 часов аудиторных занятий в семестр на протяжении двух лет. К сожалению, теперь в учебных планах осталось только три часа аудиторных занятий на третьем курсе и два часа в седьмом семестре четвёртого курса. Все остальные часы отведены на самостоятельную работу, включающую такие виды работ, как подготовка внеаудиторного чтения, проводимого два раза в семестр, поиск материалов и составление разговорных тем, предусмотренных рабочими программами, подбор литературы и подготовка презентаций по темам, предложенным преподавателями, и т. д.

В рамках изучения иностранного языка на неязыковых специальностях в вузе затрагиваются вопросы страноведения, речевого этикета и правил поведения той или иной изучаемой культурной среды, проводятся также анализ и изучение особенностей культуры. Кроме того, рассматриваются типичные ситуации, в которых будущие экономисты, менеджеры или юристы будут встречаться с носителями той или иной культуры.

В современной методической литературе много внимания уделяется различным видам самостоятельной работы с обучающимися. Но практически нет наработок, связанных с внеаудиторной, клубной работой.

Мы предлагаем обучающимся, изучающим иностранный язык, внеаудиторную работу в клубе Terra Lingua, организованном на кафедре № 3 иностранных языков Института иностранной филологии Таврической академии (с. п.) Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Перед началом учебного года мы разрабатываем программу/план работы клуба. Стержнем программы проходит тематика рабочих программ дисциплины «Иностранный язык». В начале учебного года мы вносим коррективы и дополнения по темам, предложенным обучающимися с учётом их интересов и возможностей. Так, внеклассная работа ведёт к изменению приоритетов в обучении. Происходит процесс перехода от директивной методологии к диалогической модели. Начинается активный диалог между преподавателем и обучающимися. Становясь активными участниками внеаудиторной работы, они отрабатывают навыки говорения, расширяют свой кругозор, овладевая дополнительным языковым и культурологическим, другим учебным материалом, необходимым для их будущей профессии. Таким образом, они могут предложить тематику

работы клуба в соответствии со своими интересами и пожеланиями. Например, по рабочей программе идёт тема «Страна изучаемого языка», где большое внимание уделяется изучению истории, культуры, географическому положению, а также политической системе Германии. К внеаудиторному мероприятию обучающиеся с интересом готовят доклады и презентации, посвящённые другим немецкоязычным странам (Австрия, Швейцария, Лихтенштейн). С большим интересом и выдумкой проходят мероприятия, посвящённые праздникам (Рождество, Новый год, Международный женский день и т. д.). Преподаватель в условиях внеаудиторной работы отбирает материал по страноведению, культуре в соответствии с уровнем знаний обучающихся, а также стимулирует творческие способности участников клуба. Подобранный материал должен не только способствовать усилению мыслительной деятельности обучающихся, умению соединять логические цепочки, делать обобщения, вести дискуссию, уметь излагать свою точку зрения, но также раскрывать таланты, которые просто можно не заметить в условиях учебного процесса. И, таким образом, повышать интеллектуальный уровень и коммуникативные способности.

Внеаудиторная работа превращает образовательную среду в площадку реального диалога культур. С. Г. Тер-Минасова отмечает: «...для того чтобы научить иностранному языку как средству общения, нужно создавать обстановку реального общения, наладить связь преподавания иностранных языков с жизнью, активно использовать иностранные языки в живых, естественных ситуациях» [2, с. 26]. Такие формы занятий, как ролевые игры, лингвокультуроведчески ориентированные дискуссии, защита презентаций способствуют более эффективной подготовке студентов к межкультурной коммуникации, а соответственно, и их межкультурной компетенции, которая является неотъемлемой характеристикой специалиста, отвечающего современным требованиям.

Каковы же критерии, позволяющие воспитать мультикультурную личность? Во-первых, это погружение в культуру изучаемого языка с опорой на родную культуру; во-вторых, культурное обогащение предлагаемого учебного материала, изучение символов и явлений данной культуры с использованием современных средств коммуникации и технологий, используемых в иноязычном образовании с целью расширения иноязычной коммуникативной компетенции обучающихся. Кроме того, иностранный язык оказывает огромное влияние на развитие творческих способностей обучаемых.

Основной задачей преподавателя иностранного языка в настоящее время является максимальное развитие коммуникативных способно-

стей современного специалиста как широко образованного человека, имеющего фундаментальную подготовку. Специфика преподавания иностранного языка обучающимся заключается в сочетании как профессиональных знаний, так и в овладении знаниями, связанных с межкультурной коммуникацией, овладеть межкультурной компонентой как в аудиторной, так и во внеклассной, клубной работе. Для развития этих способностей преподаватели могут использовать не только классические методы работы, но и развивать творческий потенциал обучающихся на внеаудиторных мероприятиях.

Список источников

1. *Верецагин Е. М., Костомаров В. Г.* Язык и культура. М. : Рус. яз., 1990. 246 с.
2. *Тер-Минасова С. Г.* Язык и межкультурная коммуникация. М. : Изд-во МГУ, 2004. 352 с.

УДК 372.471:811.111

Д. И. Семёнова,

*старший преподаватель кафедры иностранных языков № 1,
Институт иностранной филологии, Таврическая академия (с. п.),
Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского, Симферополь*

А. В. Скляренко,

*старший преподаватель кафедры иностранных языков № 1,
Институт иностранной филологии, Таврическая академия (с. п.),
Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского, Симферополь*

ВИДЫ РЕЧЕВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В АСПЕКТЕ ЛИНГВОДИДАКТИКИ (НА ПРИМЕРЕ ИЗУЧЕНИЯ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА)

Статья посвящена методике обучения видам речевой деятельности: говорение, аудирование, чтение, письмо. В частности, дана классификация различных видов обучающих текстов, проанализированы виды речевой деятельности, которые более приоритетны на каждом этапе обучения. Определены основные лингводидактические принципы обучения видам речевой деятельности на примере изучения английского языка.

Ключевые слова: лингводидактика, речевая деятельность, говорение, аудирование, чтение, письмо.

TYPES OF SPEECH ACTIVITY IN THE ASPECT OF LINGUODIDACTICS (STUDYING ENGLISH AS A MODEL)

The article is devoted to the teaching methods of types of speech activity: speaking, listening, reading and writing. In particular, the classification of various types of teaching texts is given, the types of speech activity which are higher priority at each stage of training are analyzed. The main linguodidactic principles of teaching the types of speech activity are determined.

Keywords: linguodidactics, speech activity, speaking, listening, reading, writing.

Свободное владение языком как иностранным предполагает доскональное усвоение общепринятых четырёх видов речевой деятельности: слушания (аудирования), говорения, чтения, письма. Передача мысли осуществляется в коммуникативном процессе путём соблюдения норм речи. Свободное чтение, грамотное правописание реализуются посредством английского языка в различных сферах — коммуникативно-общественной, общественно-производственной (учебной, переводной), познавательной деятельности, а следовательно, выявляет совершенство в продуктивных (говорение, письмо) и рецептивных (слушание, чтение) видах речевой деятельности.

Обобщив научные труды по методике обучения языка как иностранного — труды, освещающие общие принципы (Г. Городиловой, А. Щукина, Г. Дергачевой, В. Костомарова, А. Митрофановой), посвящённые конкретным видам речевой деятельности (А. Барыкина, Т. Вишняковой, Л. Журавлевой, Н. Зиновьевой, В. Павловой, Д. Изаренкова, В. Скалкина и многих других), методики преподавания английского и немецкого языков, в частности, коллективную монографию под редакцией К. Куско, методику преподавания иностранных языков в средних учебных заведениях под общей редакцией профессора С. Николаевой, Общеевропейские рекомендации по языковому образованию, — сформулируем основные лингводидактические принципы обучения видам речевой деятельности.

1. Комплексность и взаимосвязанность обучения видам речевой деятельности. Обучение этих видов происходит на всех этапах (начальном, среднем, продвинутом, завершающем). Основные моменты для определения взаимосвязанного обучения: одновременность, последовательно-временная соотнесённость, общий языковой материал, специальная серия упражнений (подготовительных, тренировочных, речевых) и тому подобное.

2. Доминантность одного из видов речевой деятельности на определённом этапе обучения. Это обусловлено требованиями интенсификации учебного процесса. Механизму становления одного из видов речевой деятельности подчинена вся система работы на определённом этапе. На начальном этапе это говорение, на среднем — аудирование, продвинутом — чтение, завершающем — письмо. Однако в процессе развития на определённом этапе одного из видов речевой деятельности непрерывно совершенствуется первичный вид — говорение. Хотя одним из основных видов обучения языку вообще считается слушание.

3. Цель обучения, которая влияет на определение приоритета в обучении видам речевой деятельности. Различные виды деятельности будут доминантными в обучении переводчиков, учёных, бизнесменов, преподавателей и тому подобное. Соответственно будут разными по характеру учебные материалы (стили, жанры, лексическое наполнение), отличные грамматические материалы, практические задания.

4. Постепенность и последовательность формирования навыков и умений (с точки зрения психологии, усложнение языкового материала, стадийности становления речевых навыков, например: введение нового материала, имитация модели, интенсивное повторение, генерализация, свободное переключение с одной модели на другую). В каждом виде речевой деятельности есть свои начальные механизмы, которые формируют навыки, которые в свою очередь постепенно переходят в умения.

Техника письма и техника создания письменных текстов имеют различный методический аппарат. Действия, направленные на овладение техникой письма, — это коррекция графики, усвоение правил орфографии, пунктуации, пространственного размещения эпистолярных атрибутов, употребление паралингвистических средств. Для овладения навыками логико-информативного структурирования текста нужно усвоить его лексический состав и грамматические структуры, иметь стилистические навыки, знать средства связности на уровне слов, словосочетаний, частей предложений в абзаце.

5. Восприятие видов речевой деятельности и как цели, и как средства обучения. Текст для чтения мы используем для изучения новой лексики, для обучения развитию речи, для получения страноведческих знаний, для обретения стилистической компетенции, а также для обучения чтению. Как средство обучения аудирование выполняет множество вспомогательных функций: стимулирует речевую деятельность, обеспечивает управление процессом обучения, знакомит студентов с новым языковым, речевым и краеведческим материалом,

которые являются средством формирования навыков и умений во всех видах речевой деятельности («слушая, учиться»), помогает поддерживать достигнутый уровень владения речью, повышает эффективность обратной связи и самоконтроля.

6. Текст является основой любого вида речевой деятельности: диалог, аудиотекст, текст для чтения, письменное сочинение. В каждом виде деятельности учебный текст имеет разностороннюю классификацию. Существует и общее распределение текстов в лингводидактическом аспекте. Например, Н. Бурвикова описывает учебные тексты с точки зрения того, какую работу проводят с ним — аудиторную или внеаудиторную, а также различает тексты, в основе которых лежит определённый целостный композиционный план, то есть тексты монологического характера, и тексты-диалоги, в которых обучающийся принимает активное участие, или диалоги-беседы, в которых слушатель не является участником коммуникативного акта [4, с. 5].

Типология учебных текстов-диалогов отражает большое количество подходов к рассмотрению этих текстов как коммуникативного акта, как языковой единицы, как формально-структурного единства, состоящего из вопросов и ответов, и тому подобное.

7. Богатство методического аппарата в каждом виде речевой деятельности. Общность некоторых видов речевой деятельности обуславливает общность методических подходов к их обучению. Например, работа с текстом для чтения и с аудиотекстом может быть основана на общности критериев отбора этих текстов (информационном, познавательном, речевом, структурном), общности логико-смыслового и стилистического анализа, подобия упражнений (предтекстовые — предназначены для снятия страноведческих, лексико-грамматических и лингвостилистических трудностей, притекстовые — которые формируют коммуникативную установку, послетекстовые — контролируют понимание текста). Говорение и слушание предполагает аналогичную классификацию упражнений на языковые и речевые (подготовительные и тренировочные).

8. Использование технических средств, новейших технологий обучения. Технические средства способствуют интенсификации и эффективности обучения. Они составляют богатый арсенал: интерактивные доски, презентации, схемы, таблицы, рисунки, открытки, карикатуры, картины, карты, афиши, рекламные ролики, аудиотексты и учебные звукозаписи, пресса, видеозаписи, записи песен на компакт-дисках, кинофильмы и др. Используют эти средства как источник информации и как способ управления процессом формирования навыков и развития умений во всех видах речевой деятельности.

Использование компьютерных технологий в обучении английскому языку как иностранному требует отдельного внимания как мощное современное средство в системе образования вообще. В процессе обучения целесообразно руководствоваться принципами отбора наглядных средств, в частности их значимостью, достаточностью, типичностью, соответствием изображения и слова, достоверностью страноведческой информации, спецификой наглядности [2, с. 154].

Следовательно, для правильной организации обучения английскому языку как иностранному необходимо осмыслить структуру и предметное содержание речевой деятельности, психофизиологические механизмы её обеспечения на родном и иностранном языках, сущность и особенности её видов, но и не менее важным является практическое воплощение основных принципов обучения видам речевой деятельности, основанное на богатом опыте специалистов в лингводидактике.

Список источников

1. *Бурвикова Н. Д.* Типология текстов для аудиторной и внеаудиторной работы. М., 1988.
2. *Городилова Г. Г.* Обучение речи и технические средства. М., 1979.
3. *Костомаров В. Г., Митрофанова О. Д.* Методическое руководство для преподавателей русского языка иностранцам. М., 1978.
4. Методическая мастерская. Образцы уроков по русскому языку как иностранному / Н. Б. Битехтина [и др.]. М. : Рус. яз., 2012. 175 с.
5. *Хазов П. В.* Лексико-смысловые единства в строении текста (на материале газетной хроники) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1984.
6. *Шнехт Н. А.* Использование компьютерных программ в обучении английскому языку // Педагогический опыт: теория, методика, практика. Чебоксары : ООО «Центр науч. сотрудничества «Интерактив плюс», 2014. С. 311–314.
7. *Komorowska H.* Metodyka nauczania języków obcych. Warszawa, 2002.
8. *Seretny A., Lipińska E.* ABC metodyki nauczania języka polskiego jako obcego. Kraków, 2000.
9. *Stawna M.* Podejście komunikacyjne do nauczania języków obcych. Warszawa, 1991.

V. Yu. Akopzhanyan,

*Master Student, Department of Computer Engineering and Modeling,
Physics and Technology Institute, V. I. Vernadsky Crimean Federal University*

I. B. Khasanov,

*Master Student, Department of Computer Engineering and Modeling,
Physics and Technology Institute, V. I. Vernadsky Crimean Federal University*

E. S. Shestakova,

Foreign language advisor: associate professor

IT PROJECT FROM IDEA TO FINAL PRODUCT

Technological progress leads to appearance of a huge number of technologies, but the problem of their application remains unresolved. Research in the field of methodology of high-tech projects implementation helps balance technology growth and standardization, as well as develop individual models for project development. The aim of the paper is to analyze the most effective existing techniques and methodologies at each stage of the project development (shaping the idea, software development, publishing and promoting) in the field of Information Technology. The results obtained can serve as foundation for selecting a proper development model for young developers, as well as a basis for further research in related fields.

Keywords: information technologies, development stages, development organization, product realization.

ПРОЕКТ В ОБЛАСТИ ИНФОРМАЦИОННОЙ ТЕХНОЛОГИИ ОТ ИДЕИ ДО КОНЕЧНОГО ПРОДУКТА

Существующий технологический прогресс приводит к появлению огромного количества технологий, однако проблема их правильного использования остаётся нерешённой. Исследования в области методологии реализации высокотехнологичных проектов позволяют сбалансировать разницу между ростом технологий и стандартизацией, а также выработать собственные модели развития проектов. Цель работы заключается в анализе наиболее эффективных существующих техник и методологий на каждом из этапов разработки проектов (формирование идеи, разработка ПО, публикация и продвижение) в сфере информационных технологий. Полученные результаты могут послужить источником при выборе модели разработки для молодых разработчиков, а также основой в дальнейших исследованиях в смежных областях.

Ключевые слова: информационные технологии, этапы разработки, организация разработки, реализация продукта.

Introduction

Technological progress predetermines an increase in demand for high-tech products. There is also a huge amount of new technologies allowing to create full-fledged applications, systems and services. Nevertheless, developers having breakthrough ideas neither are able nor know how to implement them. Therefore, there is an urgent need for methodology that would let young developers overcome all the stages of development and put their ideas into practice.

Purpose of the research

The aim of the paper is to identify and analyze the most effective existing techniques and methodologies at each stage of the project development in the field of Information Technology. The results obtained can serve as a source for selecting a development model for young developers, as well as a basis for further research in related fields.

Methods of research

For the purposes of the research two approaches were combined:

1. Theoretical: theoretical analysis and generalization of CS sources.
2. Empirical: comparison models of product development.

Results

Young talented project developers often face a problem how to get from the stage of generating an idea to its implementation. There are some parameters which can help select ideas for further development and make a project attractive for potential investors:

1. Market size and addressable market. The important metric here is total addressable market, which means the total amount of expected profit. There are two common ways to calculate this number: top down and bottom up. In the top-down approach, it starts with the total size of the market, and then filters down to target audience. Bottom-up approach calculates the addressable market size by developing a formula that calculates profit based on target business model.

2. Actual and potential demand. Total addressable market represents the revenue that product can get.

3. Search Engines. Searching for keywords in search engines can show the degree of interest of the audience in this matter. However, if the problem is mentioned rarely, then either the keywords are mistaken, or the problem is not as large as it is thought to be. Some products create new markets or change established ones by generating demand. The demand for such products is more difficult to assess using a search engine.

4. Staking out audience. Feedback will help determine whether the idea is worth pursuing and how to refine it.

Software development life cycle (SDLC) is important for the software project success. A software engineer should have enough experience and knowledge for deliberate choice of a certain model based on the project context. There are several SDLC models [1, c. 102–104]:

1. Waterfall Model is a linear sequential flow in which progress is seen as flowing steadily downwards (like a waterfall) through the phases of software implementation. This means that any phase in the development process begins only if the previous phase is completed.

2. V-Shaped Model is an extension of the waterfall model, but instead of moving down in a linear way, the process steps are bent upwards after the implementation and coding phase, to form the typical V shape. The major difference between V-shaped model and waterfall model is the early test planning in the V-shaped model.

3. Prototyping Model refers to the activity of creating prototypes of software applications, for example, incomplete versions of the software program being developed. It has some types, such as:

- a. Throwaway prototyping: Unnecessary prototypes are discarded;
- b. Evolutionary prototyping: prototypes that evolve into the final system through an iterative incorporation of user feedback;
- c. Incremental prototyping: the final product is built as a separate prototype which result in merging in an overall design;
- d. Extreme prototyping: used at web applications mainly. Basically, it breaks down web development into three phases, each one based on the preceding one.

4. Spiral Model (SDM) is favored for large, expensive, and complicated projects. This model uses many of the same phases as the waterfall model, in essentially the same order, divided by planning, risk assessment, and the building of prototypes and simulations [3, c. 1].

5. Iterative and Incremental Model is developed to overcome the weaknesses of the waterfall model. It starts with an initial planning and ends with deployment by the cyclic interactions in between. The basic idea behind this method is to develop a system through repeated cycles (iterative) and in smaller portions at a time (incremental), allowing software developers to take advantage of what was learned during the development of earlier parts or versions of the system.

6. Agile Model based on iterative and incremental development, where solutions and requirements evolve through collaboration between cross-functional teams [2, c. 265].

Publishing apps and promotion is another important stage. The easiest way to distribute an Android app is via the Google Play store. It is not the only distribution method, but it is the simplest way to reach millions of potential users. Play Store account costs only 25\$.

Techniques and resources that can be utilized to promote a software product successfully are:

1. Crowdfunding helps get significant financial support and publicity for a project at early development stages.

2. Marketing materials. The product site can serve as a good presentation for the target audience. Existing design techniques (white flat design, long scrolling

page, hidden main menu) can result in the greatest effectiveness. Product can be represented in an entertaining and creative way with the help of explainer videos might which are placed on product website and/or sent to target customers.

3. Search advertising assumes placing ads on the pages with the search engine queries results. The major benefit of this method is targeting ads to match the particular keywords entered on search engines. In addition, it is possible to target ads by location, age, gender, device type, browser characteristics, etc.

4. Ad networks attract potential investors and customers. It comes in various forms: online ad networks including space on websites, in RSS feeds, on blogs, in IM applications, in e-mails, etc. and ad networks that focus on serving ads on the mobile web and within mobile app.

5. Blogs give possibility to contact with blog owners and discuss writing a guest post. It is important to discuss the conditions of getting published: the topic that might be interesting to readers, the text length, the possibility to post back links, etc.

6. Social networks use a variety of promotional tools in social networks: company pages creation, participation in themed groups, advertising — placing targeted banners, sponsored posts, etc.

7. Forums are used to contact with target audience on specialized forums.

8. Q&A platforms provide another great opportunity to inform about the product without looking promotional. Of course, the message needs to be relevant to the audience.

9. Press release distribution services spread a word about product and helps get more publicity to project and drive traffic to website.

Building venture might be a little intimidating, but it is an amazing experience. Reducing the risk by doing research is an important first step which will be useless without belief in the potential of the product.

Список источников

1. *Şayko E.* An Economic Analysis of Software Development Process based on Cost Models [Электронный ресурс]. URL: <http://docplayer.net/8258949-An-economic-analysis-of-software-development-process-based-on-cost-models.html> (дата обращения: 10.10.2017).

2. *Bhuvanewari T., Prabakaran S.* A Survey on Software Development Life Cycle Models [Электронный ресурс] // International Journal of Computer Science and Mobile Computing. 2013. № 2. URL: <http://docplayer.net/8258209-T-bhuvanewari-et-al-international-journal-of-computer-science-and-mobile-computing-vol-2-issue-5-may-2013-pg-262-267.html> (дата обращения: 09.10.2017).

3. Contrast With Waterfall Development Method Information Technology Essay [Электронный ресурс]. 2013. URL: <https://www.ukessays.com/essays/information-technology/contrast-with-waterfall-development-method-information-technology-essay.php> (дата обращения: 09.10.2017).

G. V. Vitkovskaya,
senior lecturer, Chair of Foreign Languages № 2,
Institute of Foreign Philology, Taurida Academy,
V. I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol;

T. N. Kuzmina,
third-year student of the Philosophical Department,
Taurida Academy, V. I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol

A VOTER TURNOUT ANALYSIS IN THE REGIONS OF THE CRIMEA AT THE ELECTIONS TO THE STATE COUNCIL OF THE REPUBLIC OF CRIMEA IN 2014 AND TO THE STATE DUMA OF THE RUSSIAN FEDERATION IN 2016

The article analyzes the activity of the Crimean voters at the elections of deputies to the State Council of the Republic of Crimea in 2014 and to the State Duma of the Russian Federation in 2016. The electoral systems and the schemes of single-mandate constituencies used at these elections are investigated and compared. The peculiarities of the regional distribution of voter turnout are examined, and the general and regional dynamics of the voting activity in the Republic of Crimea is analyzed.

Keywords: elections, an electoral system, electoral behaviour, voting activity, the regional distribution of voter turnout, the dynamics of activity.

В статье анализируется активность крымских избирателей на выборах депутатов в Государственный Совет Республики Крым 2014 года и в Государственную Думу Российской Федерации 2016 года. Исследуются и сопоставляются применяемые на данных выборах избирательные системы и схемы одномандатных избирательных округов. Рассматриваются особенности регионального распределения показателей явки избирателей, а также анализируется общая и региональная динамика электоральной активности в Республике Крым.

Ключевые слова: выборы, избирательная система, электоральное поведение, активность избирателей, региональное распределение активности, динамика активности.

The study of electoral behaviour and election results is an important part of political science. The sufficient empirical data in the field of electoral statistics have already been accumulated in the Republic of Crimea since 2014: the Crimeans have participated in the republican elections twice. The representative authorities of different levels were elected within the framework of this election cycle — the State Council of the Republic of Crimea and the State Duma of the Russian Federation. The results of these elections

make it possible to generalize and reveal tendencies in the behaviour of the voters of the Republic of Crimea. This problem is certainly relevant. Firstly, it lays the foundation for further study of electoral processes in the Crimea. Secondly, it allows us to outline some regularity in the field of political life. Thirdly, it provides a basis for predicting the election results. Besides, the creation of a certain “portrait” of the Crimean voter in the new political environment is a question of great importance. The outlined problem is a subject for a wide range of studies, but in this work we will focus on a narrower aim. The aim of the article is a comparative analysis of the activity of voters in the regions of the Republic of Crimea at the elections of deputies to the State Council in 2014 and to the State Duma in 2016. To achieve this aim it is necessary to investigate comprehensively the electoral behaviour of the voters of the Republic of Crimea, specifically their activity at the aforementioned elections.

The comparative study of the voter turnout at the election of deputies to the State Council of the Republic of Crimea and to the State Duma of the Russian Federation is expedient mainly because the elections are of the same type — these are elections of representative bodies of power. However, it is incorrect to consider any voting results without taking into account the peculiarities of the electoral systems regulating these elections. Electoral behaviour “...despite its conditionality by a number of socio-economic, cultural and political-ideological factors, is dictated in many ways by the nature of the electoral system” [5, p. 78]. In order not to deviate the subject of the study, the impact of the peculiarities of the electoral system on the nature of the voting is not considered in detail. However, it is necessary to identify the similarities and differences between these systems before analysing the results directly, because if there are significant differences, the comparison of the electoral behaviour will be incorrect.

The comparison of the electoral legislation governing the elections of deputies to the State Council of the Republic of Crimea and to the State Duma of the Russian Federation demonstrates that the type of electoral systems used in the elections in question is the same — they are mixed. Almost all the constituent elements of these systems are the same, only the quantitative ratio of the mandates of deputies distributed at the regional and federal elections in proportional and majority ways differs. At the elections to the State Council of the Republic of Crimea, a larger number of the deputies is elected by party lists (50 out of 75) [2, p. 6]. At the elections to the State Duma of the Russian Federation the number of “majority” and “proportional” mandates is equal [1, p. 6]. There is no doubt that the observed difference is not significant in the context of influencing electoral behaviour. It is, therefore fair to assume that the electoral systems used do not cause any difference in the level of voter turnout at the elections of deputies to

the State Council of the Republic of Crimea and to the State Duma of the Russian Federation.

The territorial organization of elections is an essential part of the electoral system. As the focus of this work is, *inter alia*, on the regional distribution of the activity of the inhabitants of the Crimea, a comparative analysis of the results of the elections in certain territorial units is necessary. In the electoral context, the territory of the Republic of Crimea is structured by the systems of single-mandate districts, which should be considered in detail. The analysis of electoral legislation shows that the schemes of 2014 and 2016, differ significantly in the number of districts (25th and 3rd districts, respectively) and in the territory they occupy [2, p. 46], [1, p. 51]. As with the differences in the electoral systems, the peculiarities of the districts are likely to have no impact on the electoral activity. The schemes of single-mandate districts also differ from the administrative-territorial division of the Republic of Crimea, because their organization is based on a different principle. Therefore, within the framework of this study the area of the Republic of Crimea is analyzed precisely through its administrative and territorial division, as it is thus possible to compare the level of voter turnout at the elections at the same territories.

The main part of this article is based directly on the analysis of electoral statistics, through which it is possible to quantify the level of activity of the Crimean electorate. The level of voting activity is determined through the voter turnout, namely through the ratio of the number of voters participating in the elections to the total number of citizens who have passive suffrage.

Thus, in the voting at the elections of deputies to the State Council of the Republic of Crimea, which took place on September 14, 2014, 53.6 per cent of the electorate participated in general [4]. The minimum turnout was recorded in the city of Feodosia (46.1%). The greatest activity was shown by the residents of Leninsky district, where 64.62% of the electorate took part in the voting. In general, the voter turnout in the Crimean regions was fairly at the same level at these elections, the activity rates varied from the region to the region in a small range. In 2016, the dispersion of voter turnout rates in the regions became higher, the scope of the rates increased. The voter turnout in the Republic of Crimea was 49.15%; the minimum activity at these elections was recorded in the city of Dzhankoy (41.85%). The maximum activity of 68.22% was shown by the residents of Razdolnensky district [3]. However, in general, the voting activity at both elections of deputies to representative bodies of power does not take any extreme rates, so it can be considered homogeneous.

The territorial regularity of the activity distribution has been revealed: both at the elections of the deputies to the State Council of the Republic of Crimea and at the elections of deputies to the State Duma, voters in

the rural areas were more active than the electorate in the cities. In 2014, with an average turnout of 55.12%, the average turnout in the urban areas of the Crimea was 52.02%; in the rural areas it was 57.5%. In 2016, with a republican average turnout of 51.8%, the turnout in the urban areas had an average of 48.83%; in the rural areas it was 54.1%. In addition, both in 2014 and 2016, the minimal activity rates were recorded in the cities, and the maxima were in the rural areas. The Russian researcher R. F. Turovsky notes that the rural-urban divide is a fundamental factor in the differences in electoral behaviour. And in Russia this divide is more pronounced than in foreign countries [6, p. 208–209]. It is possible to say that this territorial feature structures the Republic of Crimea as an electoral area. Any other grouping of the Crimean regions on the basis of the voter turnout rates cannot be made.

A comparative study of election results allows us to reveal the dynamics of various electoral rates. If we analyze the dynamics of voting activity in the Republic of Crimea, it will be possible to determine how far and in what direction these rates change over time. In the electoral cycle under review, the participation of the Crimean electorate as a whole declined by 4.5%.

The generalized results are important; but they do not reflect the regional peculiarities of voter turnout dynamics. Thus, it has been found that in 17 municipalities in the Crimea the voter turnout at the elections of deputies to the State Duma of the Russian Federation actually decreased in comparison with the results of the elections of deputies to the State Council of the Republic of Crimea, but in 8 regions, i. e. the number makes up almost a third, the activity increased on the contrary. This phenomenon shows some unevenness in the dynamic changes in the voting turnout rates in the regions of the Crimea. The observed drop in the voter turnout is dominant, but not common in all regions.

The analysis of the activity dynamics in different types of municipalities shows that with a decrease in the average by 3.3%, in the urban districts the voting turnout rates fell by 3.4%, in municipal areas it fell by 3.1%. As we can see, the drop in the voter turnout in the urban and rural regions occurred almost in the same degree, so the nature of the dynamics does not depend on the type of the region.

It is also worth noting that the observed general decline of activity has been found at the elections to the federal authority. This phenomenon does not correspond to the widespread tendency of higher voter turnout in higher-level elections. Consequently, the direction of the activity dynamics of the voters of the Republic of Crimea is determined by the influence of some other factors that require a separate expert analysis.

If we consider the dynamics of voter turnout within the first electoral cycle globally, it becomes clear that the observed changes in the behaviour

of the voters of the Republic of Crimea are not fundamental or significant. We can reasonably conclude that the level of activity of the Crimeans has transformed in some ways, but in general it remains at the same level. This phenomenon is likely to indicate that the creation of the electoral behaviour of the Crimeans in the Russian political system has been completed.

Unfortunately, the voting results considered in this work are not sufficient to build reliable scientific predictions about the behaviour of the Crimean electorate in the subsequent elections. To identify stable trends in any indicators of electoral behaviour, in particular, in turnout, more empirical material is required. Therefore, the further study of voter turnout statistics in the subsequent elections in the Republic of Crimea will be promising and fruitful. The results of this analysis make it possible to understand the peculiarities of the electoral participation of the Crimean electorate in the current Russian political choice, and can also be used as a support for further studies of the electoral processes in the Crimea.

References

1. Федеральный закон от 22.02.2014 № 20-ФЗ «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_159349/ (дата обращения: 28.07.2017).

2. Закон Республики Крым от 02.07.2014 № 26-ЗПК «О выборах депутатов Государственного Совета Республики Крым» [Электронный ресурс]. URL: <http://crimea.gov.ru/content/uploads/files/base/3z.pdf> (дата обращения: 28.07.2017).

3. Сводная таблица итогов голосования по федеральному избирательному округу. Выборы депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации седьмого созыва [Электронный ресурс]. URL: http://www.crimea.vybory.izbirkom.ru/region/region/crimea?action=show&root=1000305&tvd=100100067796159&vrn=100100067795849®ion=93&global=1&sub_region=93&prver=0&pronetvd=0&vibid=100100067796159&type=233 (дата обращения: 28.01.2017).

4. Сводная таблица результатов выборов по единому округу. Выборы депутатов Государственного Совета Республики Крым первого созыва [Электронный ресурс]. URL: http://www.crimea.vybory.izbirkom.ru/region/region/crimea?action=show&root=1&tvd=293200067855&vrn=293200067850®ion=93&global=&sub_region=93&prver=0&pronetvd=0&vibid=293200067855&type=379 (дата обращения: 28.07.2017).

5. *Тургаев А. С.* Политология : учеб. пособие. СПб. : Питер, 2005. 560 с.

6. *Туровский Р. Ф.* Политическая география. М. ; Смоленск : Изд-во СГУ, 1999. 293 с.

УДК 327:94:316.4.063.3(4)

G. V. Vitkovskaya,

*senior lecturer, Chair of Foreign Languages № 2,
Institute of Foreign Philology, Taurida Academy,
V. I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol;*

E. A. Goncharenko,

*fourth-year student of the Philosophical Department,
Taurida Academy, V. I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol*

EUROOPTIMISM AND EUROSCEPTICISM AS CONCEPTUAL APPROACHES TO UNDERSTANDING EUROPEAN INTEGRATION PROCESSES

The article deals with the history of European integration of the late 20th and early 21st centuries, 1992–2016. Such phenomena as “Eurooptimism” and “Euroscepticism”, that are conceptual approaches to understanding European integration, are being studied. Various approaches and methods to the study of “Eurooptimism” and “Euroscepticism” are being investigated and contrasted. The features of each phenomenon and their impact on the current state of the European Union are being analysed.

Keywords: European integration, the European Union, Eurooptimists, Eurosceptics, globalization, international security.

В статье рассматривается история европейской интеграции конца XX — начала XXI века, 1992–2016 годов. Изучаются такие явления, как «еврооптимизм» и «евроскептицизм», которые являются концептуальными подходами к осмыслению европейской интеграции. Исследуются и противопоставляются различные подходы и методы к изучению «еврооптимизма» и «евроскептицизма». Анализируются особенности каждого явления и их влияние на современное состояние Европейского союза.

Ключевые слова: европейская интеграция, Европейский союз, еврооптимисты, евроскептики, глобализация, международная безопасность.

The unification of Europe is one of the most significant factors in the history of international relations of the 20th and early 21st centuries. Europeans appreciate their democratic, economic and social gains. We cannot deny the positive impact of integration on strengthening political stability, economy growing, improving the quality of democracy and protecting human rights in all EU member states.

The relevance of the study is due to the fact that European integration today, along with the processes of globalization, is one of the defining trends

in the development of the modern geopolitical and political picture of the world. Today the EU is on the verge of reorganization, as, indeed, the whole world. The global crises of the last two decades have led to a significant increase in Eurosceptic sentiments in the European Union and have shown the need to develop new concepts and development strategies in the political, economic and social fields.

Under the pressure of global problems, the basic postulates and principles of the development of the EU, which helped to overcome difficult periods, are in question. In view of the crises that the European Union has experienced and is still experiencing, it is necessary to trace and identify their causes and factors.

Within the framework of the European community, the foundation and development of supranational institutions and a high degree of cooperation among member countries in a wide variety of sectors have been achieved. The success of the European integration process also deeply affects the international relations in other regions. This has drawn the attention of researchers to the identification and analysis of factors enabling this kind of economic and political integration.

When analyzing the policy of the European Union, three basic directions can be singled out: the Economic and Monetary union (EMU); The Common Foreign and Security Policy (CFSP), in which the increasing weight is being gained by the military component — the Common Security and Defence Policy (CSDP) and social policy.

Over the past twenty years the European Union has experienced a number of crises that have stimulated its transformation. In recent times, the division into Eurooptimists and Eurosceptics within the Union has become more and more noticeable. The crisis of integration was exacerbated especially before the accession of the CEE (Central East Europe) countries to the European Union in 2004 and in connection with the recent United Kingdom European Union membership referendum. The so-called Brexit again stirred up the EU public and poured oil on the flames of disputes between Eurosceptics and Eurooptimists.

Eurooptimism is one of the two dominant schools of thought on the development of the European Union. We cannot deny the positive impact of integration on promoting stability, economy growing, improving the quality of democracy and protecting human rights in all EU member states.

Eurooptimists can be divided. For some, the priority area of activity is the Euro-Atlantic partnership, for the others the idea of European unification through maintaining a socially-oriented market economy and democratic values is of paramount importance.

The domestic market is the basis of European integration. Without a single domestic market, the European integration would have lost its signif-

icance. A single domestic market is an economic space within which there are no economic boundaries and the Four Freedoms are fully operational [6, p. 125]. More than 20 years have elapsed since the date of the official completion of the single domestic market. In the meantime, the Four Freedoms (goods, services, capitals and individuals) have become the main competitive advantages of the EU [5, p. 8–11].

The single market of the European Union has become one of the most significant integration projects in Europe. The general social policy has enabled the EU countries to progress in the solution of such important social tasks as freedom of movement of workers, employment, and safety in the workplace, working conditions, gender equality and anti-discrimination measures. The European system of social guarantees is one of the best in the world.

In recent years, the term “Euroscepticism” has become quite firmly entrenched in the international political discourse, and the forms and causes of its emergence may vary. Due to the lack of a common view of the problem and the terminological confusion, political scientists have so far failed to develop a generally accepted theory of Euroscepticism.

As a concept, Euroscepticism appeared in the UK among opponents of the EU membership in 1971. Since then the term has spread to other European countries.

The Danish researcher Katharina Sørensen identifies several types of Euroscepticism: economic scepticism; scepticism related to the questions of sovereignty; Democratic scepticism; Socio-political scepticism [3, p. 207]. All Eurocritics can be divided into mild (soft) or radical (hard) [7, p. 6–13].

A new wave of Euroscepticism has risen in connection with the global economic and financial crisis. Since 2008, within the EU, there has been a division not only between the members and outsiders of the Monetary Union, but also between the centre and the periphery [2, p. 192].

Migration processes play a special role in the European Union. The increased influx of refugees after the events of the “Arab Spring” in 2015 led to the migration crisis in the EU, to the growth of public expenditure and to the burden on the social insurance system, and to the strengthening of Eurosceptic sentiment [4, p. 39–41].

On June 23, 2016, the majority of the population of the United Kingdom voted for the withdrawal of the country from the European Union. The main arguments of the supporters of the withdrawal from the EU were the need to fully restore the national sovereignty of the state, to return the powers given to the supranational level, and to restrict the freedom of movement adopted in the EU [1, p. 21].

The country's withdrawal from the Union, especially such a large and important one as the UK, is an unprecedented phenomenon bringing the EU the loss of image and reputation. With the British exit the European Union loses its second largest economy; the EU budget will be deprived of one of the largest donor countries.

Today there are too many new problems and factors affecting the process of European integration, but we cannot discount the positive results achieved over several decades, the fruitful experience gained, and the high educational and cultural level of the population.

As a conclusion, one should say that the EU is on the threshold of a serious crisis linked with mistakes made in the process of its creation. The dissolution of the Eurozone is also almost inevitable. There is a pressing need to reform it developing new strategies in the political, economic and social fields.

The European model is the most successful of all today's integration models due to the common market space for all member countries, the single currency, the Central Bank, etc. All this is conditioned and provided by the current laws, the activities of supranational institutions of government.

In the relations with the rest of the world, the Union affirms and promotes its values and interests and offers protection of its citizens. It promotes peace, security, sustainable development, solidarity and mutual respect for all cultures, civilizations and religions, free and fair trade, the eradication of poverty and the protection of human rights, including the Rights of the Child, as well as the strict observance and development of international law, especially the observance of the principles of the Charter of the United Nations.

Currently, the EU is looking for ways and approaches that could help strengthen its institutional structure and strengthen the influence of its institutions. According to the British researcher Patrick Dixon, the most likely scenario for the future of the EU (for 10–15 years) is a slow but progressive advance along the path of integration, restrained by a wide variety of cultures and economic situations. But this requires strong management and far-sighted leaders. It is still too early to make pessimistic forecasts for the future of the European Union. It seems that in a clash between Eurooptimists and Eurosceptics the victory should go to the former. But the path is difficult because political instability and military-political conflicts around the globe, in turn, cannot but affect the deepening of the global economic and financial crisis, and the EU cannot stay apart from the rest countries of the world.

References

1. *Бабынина Л. О.* Значение Brexit для Европейского Союза // Современная Европа. 2016. № 4 (70). С. 21–32.
2. *Буторина О. В.* Европа без Евросоюза? // Россия в глобальной политике. 2011. № 6. С. 179–193.
3. *Громыко Ал. А.* Выстраивая добрососедство. Россия на пространствах Европы / под ред. Ал. А. Громыко, Е. В. Ананьевой. М. : Весь Мир, 2013. 230 с.
4. *Квашнин Ю. Д.* Социальное государство в странах ЕС: прошлое и настоящее / отв. ред. Ю. Д. Квашнин. М. : ИМЭМО РАН, 2016. 189 с.
5. *Фрумкин Б. Е.* Углубление интеграции. Основные направления политики ЕС. Единый внутренний рынок // Европейский союз. Факты и комментарии. 2010. № 62. С. 8–41.
6. *Шемятенков В. Г.* Европейская интеграция : учеб. пособие. М. : Международные отношения, 2003. 400 с.
7. *Szczerbiak A., Taggart P.* Theorising Party-Based Euroskepticism: Problems of Definition, Measurement and Causality // Sussex European Institute Working Paper. 2003. № 69. P. 2–17.

УДК 316.342.2:316.334.3-027.541(292.471)

G. V. Vitkovskaya,
*senior lecturer, Chair of Foreign Languages № 2,
Institute of Foreign Philology, Taurida Academy,
V. I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol;*

O. A. Dobrenkaya,
*fourth-year student of the Philosophical Department,
Taurida Academy, V. I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol*

THE SOCIAL DIVIDES IN THE SOCIO-POLITICAL LIFE OF THE MUNICIPALITIES IN THE REPUBLIC OF CRIMEA

The article deals with the emergence of social divides in the Republic of Crimea at the municipal level. The impact of social divides on the voter turnout and political preferences in some Crimean administrative-territorial units at the elections of deputies to the State Council of the Republic of Crimea in 2014 and to the State Duma of the Russian Federation in 2016 is being investigated.

Keywords: the Republic of Crimea, municipality, social divide, electorate, voter turnout, political preferences.

В статье рассматривается появление социальных водоразделов в Республике Крым на муниципальном уровне. Исследуется влияние социальных водоразделов на активность избирателей и политические предпочтения в отдельных крымских административно-территориальных единицах на выборах депутатов в Государственный Совет Республики Крым 2014 года и в Государственную Думу Российской Федерации 2016 года.

Ключевые слова: Республика Крым, муниципалитет, социальный водораздел, электорат, электоральная активность, политические предпочтения.

At the referendum on the status of the Crimea on March 16, 2014, more than 96% of the population voted for integration of the region into the Russian Federation. On March 18, 2014, Russian President Vladimir Putin signed the Treaty on the Adoption of the Republic of Crimea to Russia. Despite the fact that three years have passed, this subject is still topical and of interest to many people. Every day you can find numerous inquiries about the Crimean peninsula on the Internet. People take a keen interest in its history, nature, sights, political and cultural life. There are many publications, reviews and investigations devoted to the life of the Crimeans after the admission to the Russian Federation. But we can note the lack of information on the political and public life at the municipal level in the Republic of Crimea.

No one can deny that in the recent three years the life of common people in the Crimea has changed greatly. We have to admit that the process of integration is very demanding and, to succeed, it requires a great deal of supporting measures. Some challenges have not been highlighted properly. Even though plenty of phenomena have been examined, it is our opinion that these are not sufficient. Some changes in the political and public life at the municipal level in the Crimea have not been studied enough. The aim of our study is to describe the emergence of social divides in the social and political life at the municipal level in the Republic of Crimea.

The founders of the theory of «social divides» are S. Lipset and S. Rokkan. They argue that there are social divides or cleavages in society, reflected in the political struggle, in the party system of the state, in electoral preferences of citizens. Meanwhile, according to Lipset and Rokkan, the most important divides are structural conflicts between the center and the periphery, the church and the state, the city and the village, the owners and workers [1, p. 81].

As for the peninsula as a whole, it has its electoral distinctive features. In fact, all Crimean candidates had low or moderate support throughout Ukraine; but their potential electorate in the Crimea was supportive of them. It was not surprising that the elections to the State Duma in 2016 showed that although the United Russia party's popularity throughout Rus-

sia declined from its peak of 64.4% in the 2007 Duma elections to 54.20%, its rating in the Crimea was 72.8%. However, we should note that within the Republic the voter turnout varied [4].

This feature has been marked by V. A. Temnenko in his article “The People of the Autonomous Republic of Crimea as a Voting Machine”. In particular he said that the entire population of the Crimea is characterised by the so-called “irrational propensity to generate symbols”, which is more clearly pronounced among the urban population but the rural electorate of Crimea is “a quieter voting machine”. It means that the villagers cast their votes more evenly, “not creating idols for themselves” [5, p. 183].

Thus, the divide of the city and the village was shown at the elections of the President of Ukraine in 1994. Throughout the Crimea the advantage of L. D. Kuchma was overwhelming, but the rural voters gave the second of the main candidates L. M. Kravchuk significantly more votes than the city dwellers did. In the same year the presidential elections were held in the Crimea. Two main contenders fought for the victory: Yu. A. Meshkov and N V. Bagrov. The electorate of the former consisted of 66% of the urban population. The electorate of the latter was made up of 45% of the city dwellers. Yuri Meshkov won, and, according to some researchers, the line of the city and the village became the main politico-geographical divide at the elections. [7, p. 2].

In the Crimea we can also trace the emergence of the divide of the centre and the periphery. In particular, the vote in Simferopol differs sharply from the rest of the Crimea. It is explained by the relatively large population and the peculiarity of the functions performed. As Pierre Bourdieu wrote in his work “Sociology of Politics”, the structure of the capital is a physical projection of the social structure of society. Therefore, the elections in Simferopol have both urban and rural features and are kind of the all-Crimean average voting option [6].

In order to find out whether the divide of the city and the village emerges in the electoral activity of the Crimeans and how it happens, we will cite as an example the comparative analysis of the voter turnout in the municipalities of the Republic of Crimea at the elections to the State Council of the Republic of Crimea in 2014 and the State Duma of Russia in 2016 (see table) [2].

The comparison of the voter turnout in the rural and urban areas showed that the city dwellers voted less actively than the residents of the rural areas. Thus, the average turnout in the urban districts was 50.42%, and in the municipal areas it was 55.84%. At the Duma elections the maximum turnout was recorded in Razdolnensky district (68.22%); while the minimum rate at the same election was recorded in Dzhankoy (41.85%). At the elections to the State Council of the Republic of Crimea the maximum turnout was

Name of the ATU	Elections to the SC, 2014			Elections to the SD, 2016			Average %
	Number of voters		%	Number of voters		%	
	Total votes	Votes		Total votes	Votes		
1	2	3	4	5	6	7	8
City districts							
Alushta	34576	20741	59,99	41458	20751	50,05	55,02
Armyansk	20740	10870	52,41	21017	12499	59,47	55,94
Dzhankoy	27807	14697	52,85	34356	14379	41,85	47,35
Yevpatoriya	72932	43207	59,24	87451	42217	48,28	53,76
Kerch	87859	49300	56,11	107576	48216	44,82	50,46
Krasnoperekopsk	23331	10948	46,92	22143	13797	62,31	54,62
Saki	19508	10286	54,25	21427	10184	47,53	50,89
Simferopol	281253	130969	46,57	274590	127531	46,44	46,50
Sudak	24774	12087	48,79	25006	11759	47,02	47,90
Feodosiya	88777	40924	46,10	81598	37908	46,46	46,28
Yalta	83756	41079	49,05	104302	44803	42,96	46,00
Municipal districts							
Bakhchisarayskiy	60849	35416	58,20	73739	33061	44,84	51,52
Belogorskiy	40627	24176	59,51	48122	21406	44,48	51,99
Dzhankoyskiy	50732	30283	59,69	55420	30008	54,15	56,92
Kirovskiy	39176	19606	50,05	40728	18214	44,72	47,38
Krasnogvardeyskiy	58098	34561	59,49	66210	35577	53,73	56,61
Krasnoperekopskiy	22144	10781	48,69	21261	11627	54,69	51,69
Leninskiy	38791	25068	64,62	48612	25009	51,45	58,03
Nizhnegorskiy	37173	20929	56,30	38356	22586	58,89	57,59
Pervomayskiy	24005	14612	60,87	25007	15819	63,26	62,06
Razdolnenskiy	24331	14120	58,03	25668	17510	68,22	63,12
Sakskiy	52846	32765	62,00	60548	33272	54,95	58,47
Simferopolskiy	105564	56218	53,25	117952	55716	47,24	50,24
Sovietskiy	22752	13168	57,88	26017	13588	52,23	55,05
Chernomorskiy	26275	15052	57,29	25401	16545	65,14	61,21
Total for the RC	1372655	735146	53,60	1493965	734230	49,15	51,37

recorded in Leninsky district (64.62%); while the minimum rate at the same election was recorded in Feodosia (46.10%).

According to results of the two elections, the most active electorate are in Razdolnensky district (the average turnout was 63.12%), and the least active electorate are in Yalta (the average turnout was of 46.00%)

Simferopol showed a similar turnout in 2014 and 2016. The average turnout (46.5 per cent) did not confirm the allegation that the elections in Simferopol have both urban and rural features, and are kind of the all-Crimean average voting option.

The divide of the city and the village in the Crimean electoral space can also be reflected in the electoral preferences of residents in the different regions of the Crimea.

According to the results of the elections to the 2016 State Duma, the United Russia party received more support in the rural areas than in the urban ones. Thus, the rating of this party was made up of 62.89% in Yalta; whereas it amounted to 81.77% in Pervomaisky district [3].

The LDPR received the highest level of support in the urban districts of the Crimean coast (Yevpatoria, Saki, Yalta, Alushta, Sudak, Feodosia, Kerch) and in Dzhankoy. In these cities, the party's rating exceeded 12%; whereas in Yalta and Feodosia the party won 14%. But in the rural areas at least 12% of citizens voted for the Liberal Democratic Party; in seven districts the party failed to gain even 8%.

The electoral support to the Communist party also remained high in the urban districts (Alushta, Yevpatoria, Krasnoperekopsk, Saki, Feodosia and Yalta), where the party rating ranged from 7% to 8%. But in the rural areas of the Crimea, the Communists were supported by less than 6% of voters.

In conclusion, after analysing the social divides we have found out that the Republic of Crimea is heterogeneous in the electoral activity and in the political preferences of its inhabitants. The emergence of the social divides can be noticeable when comparing the voter turnout and the rating of political parties in the municipalities, especially the divide of the city and the village. Moreover, it is important to note that the urban district of the South coast particularly stands out against the rural steppe areas of the Republic of Crimea.

References

1. *Ахременко А. С.* Социальные размежевания и структуры электорального пространства России // *Общественные науки и современность.* 2007. № 4. С. 80–92.
2. Выборы и референдумы [Электронный ресурс] // Избирательная комиссия Республики Крым. URL: <http://www.crimea.vybory.izbirkom.ru/region/crimea> (дата обращения: 28.07.2017).

3. География крымского выбора [Электронный ресурс] // Крымское Эхо. URL: <http://c-eho.info/politika/krym/item/2774-geografiya-krymskogo-vybora> (дата обращения: 28.07.2017)

4. ЦИК обнародовал окончательные итоги выборов в Госдуму [Электронный ресурс] // РБК. URL: <http://www.rbc.ru/politics/23/09/2016/57e458999a7947b5f68a8268>

5. *Темненко В. А.* Население Крыма как электоральная машина // Вопросы развития Крыма : сб. науч. тр. / Крым. акад. наук. Симферополь : СОНАТ, 2012. Вып. 16. С. 167–184.

6. Физическое и социальное пространства: проникновение и присвоение [Электронный ресурс] // Социологическое пространство Пьера Бурдьё. URL: <http://bourdieu.name/content/fizicheskoe-i-socialnoe-prostranstva-proniknovenie-i-prisvoenie> (дата обращения: 28.07.2017).

7. *Хан Е. А.* Электоральная география Крыма (по результатам выборов в 1994 г.) // Учёные записки Симферопольского государственного университета. 1997. № 3 (42). С. 83–95.

УДК: 159.964.28

Y. V. Muravyova,

Master's student,

Chair of deep psychology and psychotherapy

L. K. Valeeva,

Senior English teacher, Chair of foreign languages,

Institute of Foreign Philology, Taurida Academy,

V. I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol

THE CONTENT AND STRUCTURE SPECIFICITY OF THE INTERNALIZED OBJECT RELATIONS IN ANTISOCIAL PERSONALITY DISORDER

The article reports on the research study of antisocial personalities. Findings suggest that earlier specific object relations prove to be the essential formation factor of the personality structure under review. The goal of the research is to examine the content and structure specificity of the internalized object relations in antisocial personality disorder. The article presents the results of the experiment in the course of which the specificity of ego-representation, the object-interaction, affects and defensive mechanisms are described. The obtained data can be used for further theoretical developments and practical problems solving in the frame of psychoanalytical psychotherapy and criminal psychology.

Keywords: antisocial personality disorder, psychopathy, object — relations theory, ego-representation, object-representation.

ОСОБЕННОСТИ СОДЕРЖАНИЯ И СТРУКТУРЫ ИНТЕРНАЛИЗОВАННЫХ ОБЪЕКТНЫХ ОТНОШЕНИЙ ПРИ ДИССОЦИАЛЬНОМ РАССТРОЙСТВЕ ЛИЧНОСТИ

Диссоциальное личностное расстройство — это структура личностной организации, для которой характерно отсутствие морального измерения, пренебрежение к социальным нормам, импульсивность, отсутствие осознаваемых чувств вины и страха, неспособность к построению взаимных неэксплуатационных отношений и формированию привязанностей. Существенным фактором формирования данной структуры личности являются особенности ранних объектных отношений. Интернализованная схема объектных отношений представляет собой систему компонентов личности, определяющую особенности восприятия ею реальности, других людей и взаимодействия с ними. Целью исследования является изучение особенностей содержания и структуры интернализированных объектных отношений личности с диссоциальным расстройством. Полученные результаты могут быть использованы для дальнейших теоретических разработок и решения практических задачи в рамках психоаналитической психотерапии и криминальной психологии.

Ключевые слова: диссоциальное личностное расстройство, психопатия, теория объектных отношений, Я-репрезентации, объект-репрезентации.

Introduction

Antisocial personality disorder is regarded as personality organization structure, characterized by the lack of morals and conscious feelings of guilt and fear, social norms disregard. Also, impulsivity, inability to develop mutual non-selfish relations and to form attachments are typical of such type of personality. The peculiarities of earlier object relations are the essential factors of the related personality structure formation. Object relations are viewed as personality component system manifesting itself in the relations of an individual with the surroundings and changing under the influence of new interaction experience. Earlier object relations of antisocial personalities are characterized by unstable surroundings, the lack of safety feeling and emotional comfort, holding and containment process violation, inconsistent and inadequate reactions of the adults toward the instinctive child life resulting in the internalization of defective object relations. Internalized scheme of object relations defines the specificity of reality perception, other people and interaction with them.

The goal of the research was to examine the content and structure specificity of the internalized object relations in antisocial personality disorder: ego specificity and objects-representations, object interaction patterns, af-

fects and defense mechanisms. The following tasks were solved: to evaluate the antisocial personality disorder level; to describe the specificity of the internalized objective relations; to compare it between in antisocial personality disorder and those without it.

Research methods

Participants for the research were selected from among the males of 2 groups: the experimental consisting of 30 prisoners (Simferopol reformatory colony № 1) and those registered at the RC Criminal-Executive Inspection with high level of antisocial personality disorder and the control one consisting of 30 workers from the RC Fire Prevention Service. The following techniques were used: Hare, Newmann, Polhuss psychopathy questionnaire “Complete control list of psychopathy”, Kornilova’s questionnaire “Dark dozen”, Philipson’s “Object Relations Test”, Adler’s method of earlier memories, author’s questionnaire. To find out the differences U — Mann-Witney criteria was applied.

Research results

1. *Ego-representations*. The data obtained testify that among ego-representations in antisocial personalities the images of the indefinite gender are more frequently indicated than in the control group but as for the male images it is less frequent ($p \leq 0,001$). Indication frequency of the split images is higher than in the control group but indication frequency of intergraded ego-representations is considerably lower ($p \leq 0,001$). The images of antisocial personalities are split that is, partial, positive and negative representations are not integrated into total genuine image. Mostly, they are neutral-indifferent, performed by the characters whose feelings, thoughts and emotions either not described or formal and not intensive. Based on the data, the super-grandiose images of EGO-representations are quite frequent ($p \leq 0,001$), as for the negative images of ego-representations they are performed as criminal images ($p \leq 0,05$).

2. *Object-representation*. In the group of antisocial subjects the male images are less represented ($p \leq 0,001$), female and the images of the elderly people ($p \leq 0,05$), as for the images of indefinite gender, they are displayed more noticeably ($p \leq 0,001$). The indifferent images prevailing may be explained by the disability of the antisocial personalities to understand the feelings of other people as their process of empathizing is violated. The image of the couple as the whole is revealed not so often ($p \leq 0,05$). Actually, it can be connected with the inability to develop the intimate mutual object relations. As it has been stated splitting, neutral-indifferent and temporary objects are more noticeable ($p \leq 0,001$), less integrated, stable ($p \leq 0,001$) and positive ($p \leq 0,05$) objects. Split object-representations occur as neutral-indifferent images-characters

deprived of feelings, thoughts, emotions; the subject describes the interactions of formal type. Typically, the object-representations are temporary and appear to be the objects of attractions to which the individual applies only with the purpose to satisfy the needs (the images of lovers who are deprived of close and lasting relations).

3. *Object-interactions.* Analysis of the data shows that the subjects of the experimental group tend to display the following patterns: the lack of emotional intimacy, attacking the object and its destruction ($p \leq 0,001$), supervision tendency over the object, dissociation from the object ($p \leq 0,05$). It is stated that the relations are deprived of originality, frankness, emotional component more over stereotyped and of social — demanding type. The pattern of the attack on the object and the injury is represented. In addition, the object attack more often appears to be a male character but the victim — a female character. Factually, dissociation and object neglect pattern (the subject's attention is focused on one of the characters, ignoring others.) is widely spread. The attempts to control the object and omnipotence display are observed.

4. *The affects of object-interaction.* Strongly indicated: affective emptiness ($p \leq 0,001$), grandiose feeling and aggression ($p \leq 0,05$). Less indicated: sadness, joy and anxiety ($p \leq 0,001$), the feeling of helplessness and resignation ($p \leq 0,05$). As for the narration there are no feelings and emotions of the characters, at least, it is formal. Aggression appears to be quite frequently shown, affects are being manifested in the narrations through the characters attacks against each other, quarrels, injuries. Grandiose feeling is demonstrated in the characters experiencing satisfaction from the ability to govern and supervise.

5. *Defensive mechanisms.* The antisocial subjects show narrower range of defensive mechanisms and the prevailing one is dissociation, when rationalization is indicated among the subjects from the control group ($p \leq 0,001$). Dissociation is revealed by the offer of different variants of the story plot development or unexpected change of the narration course. Also, antisocial subjects quite frequently offer the alternative variants of the story, one of which is more socially acceptable and formal, hiding definite intentions.

Conclusion

The results of the reported research indicate that ego-representations of antisocial personalities are splitting and also are presented, generally, by neutral-indifferent, super-grandiose or poor representations. Both the object — representation and representations are characterized by being split and performed by neutral-indifferent images of indefinite gender. Temporary object-representations are prevailing. Integrated, constant and positive object-representations as well as the couple-image as the whole are rarely

observed. Object-interactions are formal and characterized by the lack of emotional intimacy and the splits. The findings indicate the patterns of object destruction and neglect, rivalry, supervision and omnipotence display. Narrow affective range is observed. In addition, affective emptiness is prevailing. As it is fixed, aggression, grandiose feeling, excitation and sexual attraction are stated. As a fact, sadness, joy and anxiety are manifested faintly. Defense dissociation mechanism is noted to prevail though in the experimental group the defense mechanism range is wider and the defense rationalization mechanism is prevailing.

References

1. *Кляйн М.* Психоаналитические труды : в 7 т. : Т. 1 : «Развитие одного ребёнка» и другие работы 1920–1928. Ижевск : ИД «ERGO», 2008. 374 с.
2. *Мак-Вильямс Н.* Психоаналитическая диагностика. Понимание структуры личности в клиническом процессе. М. : Класс, 2007. 480 с.
3. *Шарфф Дж. С., Шарфф Д. Э.* Основы теории объектных отношений. М. : Когито-Центр, 2009. 304 с.
4. *Akhtar S.* Broken Structures: Severe Personality Disorders and Their Treatment. Maryland : Jason Aronson, 2000. 440 p.
5. *Meloy J. R.* The Psychopathic Mind: Origins, Dynamics and Treatment. Northvale, NJ : Jason Aronson, 1988. 440 p.

УДК 699.841=11

G. T. Kostovsky,

*First-year student of Master's degree in Civil engineering,
Academy of Building and Architecture,
V. I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol*

*Foreign language adviser: English teacher, A. Z. Abdurakhmanova,
Chair of foreign languages, Institute of Foreign Philology,
Taurida Academy, V. I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol*

THE ASPECTS OF CONSTRUCTION IN SEISMIC ZONES

Theoretical research in the field of modern construction in the earthquake-prone areas is based on the method of active and passive protection of buildings from seismic waves. The aim of this research is to define the techniques of protection from earthquakes by means of modern effective and money-saving methods. The obtained results can be used in further theoretical and practical studies on the protection of buildings and structures.

Keywords: earthquake, Richter scale, foundation, oscillations, earthquake-prone area, volcanic eruption, resonant oscillations.

ОСОБЕННОСТИ СТРОИТЕЛЬСТВА В СЕЙСМИЧЕСКИЙ РАЙОНАХ

Представлены теоретические исследования в области современного строительства в сейсмоопасных районах, основанные на методике применения активных и пассивных средств защиты здания от сейсмических волн. Цель работы — определить базовые методы защиты от землетрясений, используя современные методов защиты, при этом придерживаться максимальной экономии финансов и ресурсов. Полученные результаты могут быть использованы в дальнейших как теоретических, так и практических разработках по защите зданий и сооружений.

Ключевые слова: землетрясение, шкала Рихтера, фундамент, колебания, сейсмоопасные зоны, вулканическое извержение, резонансные колебания.

The problem of earthquakes remains relevant for many countries including Russia, taking into account its large area where all points aren't equally seismically stable. Approximately 5% of the territory of Russia is in the zone of possible earthquakes of up to nine numbers on the Richter scale. These possible territories are Kamchatka, Transbaikalia, Altai, Sayans, the North Caucasus. On another 20% of the country's territory, earthquakes occur occasionally. The most devastating earthquake in the history of Russia during 20th century occurred on May 28, 1995 on Sakhalin. The strength of tremors on the Richter scale was more than 7 scores. The city of Okha suffered most severely, as a result of the earthquake almost all buildings and structures were completely destroyed. In total, 2040 people died in the city.

The most seismically dangerous places on Earth are the Japanese Islands, Indonesia, the Philippines, Chile and the coast of California. These areas are often exposed not only to earthquakes, but also volcanic eruptions. All local facilities are characterized by a stable foundation and a strengthened structure that allows to withstand earthquakes of any severness.

We live in a seismically active zone, too. So, this research becomes topical and its main purpose is to study the basic factors affecting the strength of structures and to define the ways of preventing the seismic vibrations.

Seismic regions are the ones that prone to earthquakes. The earthquake is understood as short-term oscillations of the crustal surface caused by seismic waves occurring during disorder of its local complexity with the sudden release of elastic energy. Seismic waves are spreading in all directions from the source of the earthquake while they are moving away.

Oscillations of the earth's surface cause displacement of the structure base which in turn brings into the action the inertial forces in the structure.

The vibrations of the soil are chaotic; hence, it follows that the inertial forces can have any direction in space. The most dangerous are the horizontal forces, since they extend over great distances. Regarding vertical forces, they also carry a significant danger, but not at such great distances. The most severe destructions vertical forces carry on the large-span structures, arches, beams, frames which are more than 24 meters in length.

Many experts are of the opinion that the number of victims directly depends on the strength of buildings. The seismic stability of buildings and the safety of people living in these houses depends entirely on what methods are chosen by the construction company while they are designing structures or buildings in hazardous areas. Buildings and structures which are erected in earthquake-prone areas should have the ability to withstand seismic impacts without loss of performance, i. e to be seismic proof.

Seismic resistance of buildings and structures is ensured by the use of structural solutions, structures and materials that appropriate for seismicity (intensity of seismic impact in numbers) of the construction site, as well as the erection of structures and the production of work in seismic regions strictly according to rules.

What can improve earthquake resistance of the building or why have some Japan palaces and old structures still preserved after numerous earthquakes? These questions often come to mind while discussing the consequences of earthquake.

According to many experts in most medieval buildings the details of the structures were not fixed rigidly to give them flexibility and help to withstand earthquakes. This ancient tradition has been improved and in the construction of modern multi-storey houses engineers are trying to use steel structures of beams and trusses made of steel, steel rods that are mounted inside the ceilings, concrete columns and walls. This construction forms a flexible structure, giving the building a special strength and holding together parts of the building [1].

Nowadays the design in the seismic regions develops in two directions according to the degree of protection from earthquakes: active and passive. With passive seismic protection the main frame is strengthened and new structural schemes are used to increase the load to be withheld and to perceive additional forces.

Active seismic protection is a relatively new direction in construction. Its main objective is to carry out additional constructive measures. These measures are mainly aimed at preventing the occurrence of resonant oscillations that leads to a decrease in the seismic effect on the structure. To achieve such a result special switching on or off connections, as well as settings of dynamic vibration damper, should be added to the design [2].

The application of disconnected links lies in the fact that under seismic action which causes resonant oscillations and, in the same way, disengaging the connections while affecting the weak elements. Subsequently, the latter are eliminated from the work and it results in the rigidity decrease, then the frequency of natural oscillations decreases, too. So, this contributed to the exit from the resonance. In many cases switching off connections are not very effective due to the fact that in the beginning earthquakes have a greater frequency of oscillations and subsequently decrease. Therefore, when the oscillations are reduced by switching off, it does not guarantee that under the oscillations of earthquake, the structure would not get into resonance and be destroyed. Hence, the conclusion is that the most effective elements are the connecting links which increase the frequency of the structure oscillations and leads to the exit from resonance and the limitation of horizontal displacements.

Dynamic vibration dampers are small masses with elastic bonds that are installed on the structure. The weight of the absorber and the rigidity of the bonds are selected in such a way that their ratio is equal to the square of the forced oscillations' frequency of the structure base.

When constructing a scheme of an earthquake-proof structure, the building must be designed as a symmetrical, besides it has to distribute the structure masses evenly and symmetrically. Measures should be carried out to increase the spatial rigidity and subsequently it results in the seismic resistance increase. The simpler the house plan the better, it should be designed close to a rectangle shape without any protruding buildings.

“With complex planning, anti-seismic seams are built in the structure, dividing the building into simple geometric figures” [3, p. 644]. If the building has visors, balconies, cornices, they should be limited in number and connected with the frame. To strengthen the base with weak soils, cross-shaped foundation tapes or a solid foundation slab are arranged [3, p. 644].

Therefore, the main task is the design of safe structures without any possibility of brittle fracture due to seismic vibrations and to provide conditions that facilitate the development of plastic deformations. Along with a combination of constructive solutions and active protection of earthquakes, it is also necessary to incorporate inclusive links as much as possible. The system of active seismic protection successfully solves the problem of reconstruction of old and modern buildings. However, despite all the advanced technologies, design solutions, devices, the only guarantee of safety is timely evacuation of the population. The evacuation is possible only if this is known in advance. Nowadays none of the seismological services or systems being developed cannot warn of a possible threat with one hundred percent accuracy. In addition, the development

of measures to prevent earthquakes remains a topical issue and consists in conducting thorough research of earthquake nature as well as the factors contributing to its occurrence.

References

1. *Gorshkov A., Kossobokov V., Soloviev A.* (2003) Recognition of Earthquake-Prone Areas. In: Keilis-Borok V. I., Soloviev A. A. (eds) *Nonlinear Dynamics of the Lithosphere and Earthquake Prediction*. Springer Series in Synergetics. Springer, Berlin, Heidelberg. P. 239–310.

2. *Akulenko N. E.* Sploshnyje fundamenty [Solid foundations [Electronic resource]] // Yu. A. Gagarin Saratov State Technical University. <https://studfiles.net/preview/1758471/page:38/> (accessed 05.10.2017).

3. *Baikov V. N.* Zhelezobetonnyje konstrukcii [Signals E. E. reinforced concrete structures]. M.: Stroizdat, 1991. 767 p.

УДК 697.35=20

L. G. Perfilieva,

*Student of the Department of Construction and Architecture
Crimean Federal V. Vernadsky University*

*Foreign language adviser: senior teacher A. V. Sklyarenko,
Chair of foreign languages, Institute of Foreign Philology,
Taurida Academy, V. I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol*

MODERN CENTRAL HEATING SYSTEMS

The article is devoted to the central heating item and boilers as the most efficient method of warmth providing. The writing discloses main characteristics of different boilers stressing on their advantages and disadvantages. The author describes several types of fuel and proves gas-fired boilers popularity. The article writes about locally produced boilers and compares it with imported.

Keywords: central heating systems, boilers, types of fuel, imported equipment, local producer.

СОВРЕМЕННЫЕ СИСТЕМЫ ЦЕНТРАЛЬНОГО ОТОПЛЕНИЯ

Статья посвящена источникам центрального отопления, в частности бойлерам как самым эффективным методам обеспечения теплом жилых помещений. Описываются основные характеристики, преимущества и недостатки различных бойлеров, приводятся примеры

нескольких видов топлива и подтверждается эффективность газового оборудования. Автор рассматривает бойлеры отечественного производства и сравнивает их с импортными.

Ключевые слова: системы центрального отопления, бойлеры, виды топлива, импортное оборудование, отечественный производитель.

Residential buildings without central heating system need an independent heating system. A boiler can easily deal with it. A heating boiler consists of a closed vessel and a heat carrier which heats up to the fixed temperature and provides customers with heat and warm water.

Main characteristics of a boiler are efficiency and type of fuel. Efficiency can be calculated in the following way: for 10 sq. m. heat supply area in the building with 3 m height we need 1kW. Heating boilers are divided into solid fuel boilers, liquid fuel boilers, gas boilers, electric boilers and comb boilers. The sort of fuel is a second important factor of a boiler. There are such types of the fuel as: liquid fuel (diesel fuel), electricity, gaseous fuel (communal gas or cylinder gas) and solid fuel (coke, pellets, wood, coal etc.). Solid fuel boiler is a practical solution in case when there's no way to have full central heating system installed. Boilers using wood as a fuel are considered to be a traditional variant of a heating system almost popular among the customers. Solid fuel boilers are installed in private residential houses or in garages, technical facilities etc.

Gas boilers use a natural gas or a liquefied gas if possible. It's the most popular type of boilers in Russia and all around the world because gas is the most convenient fuel to use. From long-term experience it was found that comb boilers are practical and effective. Comb boilers can be geared to different types of fuels; so they are very comfortable. Householder can use sort of fuel that is available in the moment. Boiler functioning is based on converting energy from electric to thermal. Electricity is considered to be the most expensive type of energy resources. But we have to admit the benefits such as usability and environmental friendliness. Nowadays customer can find the most convenient solution because of vast range of heating systems. Gas boiler is a good choice if your house is attached to the central gas pipeline. Electric boilers are convenient for the house with area up to 100 sq. m. in the case if you won't live there permanently. Comb boiler or liquid boiler is a right choice for the house with a large area where you plan to live all year round.

The benefits of the exploitation of the gas-fired boilers in Russia are clear: the supply is more stable (the gas won't be turned off suddenly) and the gas price is less than electricity price. What do we need from a good gas-fired boiler? We need to stay warm and safe at home, to be sure that the device will serve for many years.

The absolute majority of the gas-fired boilers in our stores are imported, almost from the European countries. The range of the best producing firms are Wolf (Germany), Vaillant (Germany), BAXI (Italy), Protherm (Slovakia), Bosch (Germany) etc.

Besides there are two domestic plants: the machine-building plant in Zhukov (single circuit boilers and double circuit boilers) and “Konord plant” in Rostov-na-Donu (boilers KONORD and solid-propellant boilers DON).

Boiler ZOTA Pellet 25A

This single circuit boiler is considered to be the best solid-propellant boilers of 2017. It's used for heating average and wide areas — up to 250 sq. m. This boiler is equipped with the temperature sensor which allows regulating the temperature inside the building. The recommended fuel is wood and briquettes.

The experienced customers will surely appreciate the features of this boiler — it's autonomous, has a function of an automatic fuel supply and an automatic control system. External controls and heated floors can also be burned on. Advantages:

- the bunker for automatic fuel supply
- the protection from the overheating
- the control panel with a lot of sensors

Disadvantages:

- a high price
- a high fuel consumption

Stropuva Mini S8 is a single circuit solid-propellant boiler used for the heating of the areas up to 80 sq. m. It doesn't depend on electricity or other communication, so it's a great decision for the countryside. But it's also a good choice for the house in the city because it keeps warm for 20 h. Its COP is claimed to have 85%. Advantages:

- It goes in an assembled form, so it's already ready for installation
- a low fuel consumption
- it keeps warm for a long period
- it's compact

Disadvantages:

- the low-lying window for briquettes, coal and wood
- it's heavy

The Bison NL series — comb boilers (Protherm)

Protherm, a well-known Slovak company that produces the heating equipment introduces the series of the floor comb boilers Bison NL. It's worth to highlight the comfortable control system with an intuitive control panel, the failure sensors and some thermo regulators. Advantages:

- the floor boiler
- a high COP

- the cast-iron heat exchanger
- the flame availability control
- the built-in microprocessor
- the “Winter-Summer” option

The NO series — the floor industrial fire-tube boilers Protherm

Protherm NO is a series of the efficient and powerful industrial boilers. The models of this series are made of the material which is very reliable and has stood the test of time. The heat exchanger is made of the high quality steel that guaranties long term usability and a stable work during the whole period of exploitation. The cascading of this heating device is possible. Advantages:

- the closed combustion chamber
- a high COP
- the protection from the overheating
- an electrical ignition
- the iron heat exchanger
- the protection from the overpressure
- a long service life

It’s necessary to take into account a thermal capacity of the future boiler and parameters of the transfer medium. Also you have to take into consideration the material of the boiler, its size, weight and, of cause, its price. To make a right choice you may ask for help a professional who will design your heating system. It’s the only way how you can reach the most optimal combination of the element of the system without any problems in future.

Список источников

1. Газовые котлы отопления отечественного производства [Электронный ресурс]. URL: <http://www.otoplenie-gid.ru/kotli/gazovie/37-gazovye-kotly-otopleniya-rossijskogo-proizvodstva> (дата обращения: 10.10.2017).

2. Котлы отопления для дома [Электронный ресурс]. URL: <http://www.teplo.guru/kotly/kotly-otopleniya-dlya-doma.html> (дата обращения: 27.11.2017).

3. Обзор, виды и выбор комбинированных котлов отопления для дома [Электронный ресурс]. URL: <http://www.etapech.ru/kotly/kombinirovannyj-kotel.html> (дата обращения: 08.11.2017).

4. Электрический котёл отопления — варианты, выбор, установка [Электронный ресурс]. URL: <http://www.gidotoplenijaru/kotly-i-kotelnoe-oborudovanie-4570> (дата обращения: 30.09.2017).

Sh. R. Bairamov,

*Student of the Department of Construction and Architecture
Crimean Federal V. Vernadsky University*

A. I. Lukashova,

*Student of the Department of Construction and Architecture
Crimean Federal V. Vernadsky University*

Foreign language adviser: senior teacher A. V. Sklyarenko,

*Chair of foreign languages, Institute of Foreign Philology,
Taurida Academy, V. I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol*

BRIDGE TO THE FUTURE

The article is devoted to the Kerch Strait Bridge construction. The necessity of the bridge over the Kerch Straight has been a subject for debate over centuries. Different plans and projects were proposed and even realised by some governors but they all became a forlorn attempt. Several interesting facts from the history of this place are mentioned. The writing discloses committed mistakes and explains nowadays construction activities; brought engineering factors and site specific geological data provide insight into the complexity of the project.

Keywords: the Crimea, the Kerch strait, construction, bridge, geological data, engineering factors.

МОСТ В БУДУЩЕЕ (СТРОИТЕЛЬСТВО МОСТА ЧЕРЕЗ КЕРЧЕНСКИЙ ПРОЛИВ)

Статья посвящена строительству моста через Керченский пролив. Вопрос о необходимости данного сооружения поднимался неоднократно на протяжении уже нескольких столетий. Представлялись разнообразные планы и проекты, а некоторые даже частично реализованы, но все попытки оказались напрасными. Цель работы заключается в определении допущенных ошибок в первоначальных проектах, что доказывает сложность реализации плана. Приводятся технические пояснения из-за особенностей геологической специфики местности для успешного завершения строительства.

Ключевые слова: Крым, Керченский пролив, строительство, мост, геологические особенности, технические характеристики.

The first notion about the bridge dates back to 1870 when following successful construction of the Indo-European Telegraph by the British government, a railroad route from England to India, through the Crimea

and across Kerch Strait was considered but deemed too expensive. A bit later in 1903 Tsar Nicholas II cherished the idea but put it away because of Russo-Japanese War and then World War I.

The first who realized the construction was Albert Speer in 1943. He hoped that the bridge would help the German invasion of the North Caucasus. Initially a ropeway across the Strait of Kerch appeared with a daily capacity of 1000 tons. Hitler ordered a combined road and railway bridge which planned to be built within 6 months. After successful attacks of the Red Army, Germans retreated and blasted one third of the bridge which had been completed at that time. In the summer of 1944 after the liberation of the Crimea, Soviets built the 4.5-kilometre bridge from the materials left on the site by the Wehrmacht. Unfortunately it was destroyed within six months by flowing ice due to the absence of groynes.

Since 1944, various bridge projects to span the strait have been proposed or attempted. Since the mid 1960s the Kerch hydro unit project developed here. It was a system of dams and bridges across the strait. The project was not implemented in connection with the collapse of the USSR.

The idea of a Kerch Strait bridge resurfaced after the collapse of the Soviet Union, but in 1994 the Russian and Ukrainian sides failed to finalize the project. On 25 April 2010, Ukrainian President Viktor Yanukovych and Russian President Dmitry Medvedev signed an agreement to build a bridge across the Kerch Strait. Russia and Ukraine signed a memorandum of mutual understanding on the construction of the bridge on 26 November 2010.

The rejection of the Ukraine–European Union Association Agreement in November 2013 led to increased interest in the construction of a bridge between the Crimea and the Taman Peninsula of Russia. In late January 2014, the Ukrainian and Russian governments decided that a new joint Ukrainian-Russian company would be commissioned to handle the construction of the bridge, while the Russian state enterprise “Avtodor” would become responsible for the bridge in the long term. Additionally, it was decided a special working group would determine the location and set the technical parameters. Construction was estimated by the Ministry of Economic Development and Trade of Ukraine to take 5 years with a cost between \$1.5 and \$3 billion.

Following the Annexation of Crimea by the Russian Federation in March 2014 amid the deterioration of the Ukraine-Russia relationship, president Vladimir Putin announced that Russia would build a road-rail bridge over the strait, because supplies had to be airlifted or delivered by sea. The current connection is by the Kerch Strait ferry between Port Kavkaz and Port Krym.

Prime Minister Dmitry Medvedev signed a governmental decree to create a subsidiary of “Avtodor” to oversee the project. In April, the Ukrainian government gave Russia six months notice of its withdrawal from the now-defunct bilateral Kerch Bridge agreement. In January 2015, the multibillion-dollar contract for the construction of the bridge was awarded to the SGM Group.

It is considered that the bridge should resist to all kinds of environmental circumstances such as currents, floods and ice convergence. Technical specification must be taken into account:

- ship dimensions (channel height — 45 m, width — 200 m);
- seismic activity (up to 9 points);
- abyssal roof (more than 40 m);
- high load on the ice plate, hummock thickness — 2 m, flow rate — 2 m/s, wind speed — 25 m/s;
- wide area of sections (5 km).

To build a strong and durable bridge across the Strait it is very important to follow all these specifications, to make correct calculation and to work qualitatively.

Construction on the bridge began in May 2015. Water area of the Kerch Strait was thoroughly examined by sappers. Approximately 200 bombs from the World War II were found in the area during pre-construction clearance. Engineers have defined some basic geotechnical data. Bridge supports should be constructed using jack-up platforms, floating cranes and heavy-duty vehicles.

Metal pipes at the base of the supports are submerged in the thick silt and bedrock by hydraulic hammers with a mass strike more than 100 tons. In the section of the bridge where geological conditions are favorable drill columns of a large diameter may be used. Raft foundation and supports are solid, made of reinforced concrete. Spans are mounted on both shores by hinged method.

The installation of navigable span is implemented by carriage afloat in a lower level, with a subsequent rise in the level of the project by heavy lifting technology. Spans are presented as separate through farms for the combined movement. This solution allows building a bridge crossing in two stages.

To increase the permissible longitudinal slopes and to reduce the length of the bridge, the railway track is laid on ballast. Railway traffic is carried out in the lower level zones of farms and road traffic — on a steel road plate located in the upper level of the farm belt.

Navigable part of the strait is covered by three-span farm scheme: 132+220+132 meters. The rest of the strait is covered by two farms transiting scheme: 2×132 meters.

Three temporary bridges were built, to facilitate access (independent of weather and currents) for main construction. The construction material for the temporary bridge is more than 3,500 tons. Bridge support piles were sunk to a depth of 35 to 56 meters.

By October 2015, the first of the temporary bridges had been constructed, connecting Tuzla Island and Taman peninsula. But even with a large firm's backing, the bridge's construction has seen some setbacks. Inclement weather, including storms in June, have delayed the project by forcing ships to remain in port and keeping workers from their tasks.

By March 2017, 70% of pilings for the 12-mile road bridge were in place, and almost a third of those for a parallel railway should be completed by the end of the year. In August the first of the two shipping channel arches, for the railway side of the bridge, was lifted into position.

The bridge is expected to be opened by December 2018 for testing and vehicular traffic, and to be fully operational by June 2019.

The construction of the bridge involves great difficulties and dangers associated with the peculiarities of the Strait's bottom and the region's ecology. But in spite of these problems thanks to collaboration of the best engineers, geologists and ecologists the Kerch bridge will be built as it is a "bridge to the future", "the road to a new life" for our beloved peninsula.

Список источников

1. *Боровиков А. Г.* Строительство мостов [Методические указания к курсовому проектированию]. Томск : Изд-во Том. гос. архит.-строит. ун-та, 2011. 33с.

2. Мост в Россию Керченский мост (неофициальный сайт) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kerch-most.ru> (дата обращения: 20.11.2017).

3. РИА Новости Крым Строительство моста через Керченский пролив [Электронный ресурс]. URL: <http://www.pmolimp.ru/files/content/1218> (дата обращения: 05.11.2017).

4. ФКУ Упрдор «Тамань» Система управления комплексным проектом [Электронный ресурс]. URL: <http://www.pmolimp.ru/files/content/1218> (дата обращения: 30.09.2017).

T. V. Gumilenko,

*Second-year student of the Faculty of Mechanization of Production
and Agricultural Processing Technology, the Academy of Bioresources
and Environmental Management,*

V. I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol

Foreign language adviser: senior teacher **O. G. Chernyavskaja,**

*Chair of foreign languages, Institute of Foreign Philology,
Taurida Academy, V. I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol*

RUSSIAN CHEESE MARKET

The article is intended to give an overview of the cheese production in Russia. The article begins with main characteristics of cheese as a product and the main details of its production. The main part of the article is focused on the cheese industry of Russia and its specific features. There is discussion of the recent cheese industry trends in the conclusion of the article.

Keywords: cheese, dairy product, hard cheese, soft cheese, processed cheese.

Основная цель данной статьи — дать характеристику производству сыров в России. Во введении даётся описание и характеристика сыров и некоторые детали производства данного продукта. В основной части работы описывается производство сыров в России, приводятся основные характеристики данной отрасли. В заключение описываются основные тенденции развития производства сыров в России.

Ключевые слова: сыр, молочный продукт, твёрдый сыр, мягкий сыр, плавленый сыр.

No one can say for sure when or where cheese appeared. Ancient Greeks thought that cheese was presented by the gods. Even pharaohs liked cheese. Cheese is the favorite food of most people on the planet. It is a dairy product made from milk. Cheese is a fresh or matured product which is obtained by draining the whey after the coagulation of casein, the major milk protein. In France where more than 300 varieties of cheese are produced, people say: “A dessert without cheese is like a beautiful woman with only one eye”. In the capital of the Canada, Ottawa there is a monument devoted to this product. It is very popular and in demand in our country as well.

The art of cheese making has not changed a lot over the course of its history. The chemical composition of cheese includes high-grade proteins (about 25%), which are easily absorbed by the body, milk fat (about

30%), minerals (calcium, sodium, phosphorus, etc.), fat and water-soluble vitamins (A, D, E, B1, B2, PP). Cheese has high caloric content and physiological fullness. Cheese is obtained from cow, goat, sheep and buffalo milk by coagulation and processing. In the production process, it will retain all the basic nutrients of milk, except for carbohydrates. When cheese is produced, a significant part of water is removed, resulting in a concentrated food product. It is a product with high energy and biological value; it is almost completely absorbed (up to 98%) by the body and extremely useful for health as it does not require special treatment before use and has a wide range of flavors. By the method of rolling up milk, cheeses are divided into rennet and sour-milk. Depending on the characteristics of production, rennet cheeses are divided into hard, soft, brine, processed, and according to the content of fat in dry matter, cheese is 20, 30, 40, 50% fat. In the process of cheese production, the decisive factor is the physical properties, chemical composition, microbiological indicators of milk. By type of basic raw materials cheeses are divided into natural and melted, the main raw material for which are natural cheeses.

Melted cheeses were invented in the 20th century and can't be considered high-grade cheeses, since they contain extraneous fats of vegetable origin. According to the consistency, the melted cheeses are close to soft, but differ from them by the way of preparation (additional melting after a short maturity period), and taste: Pathefin For, Cancúllot, Fromage du Larzac.

Depending on the technology of production and chemical composition, the melted cheeses are divided into a number of groups: chunks, sausage, pasty.

Chopped cheeses have a dense structure of cheese dough, easily cut into slices, not sticking to the knife, are produced with the introduction of up to 60–70% of young natural cheese with a high content of insoluble protein, which provides a dense structure. Consistency platelet, slightly elastic.

Sausages are produced on the basis of low-fat cheeses with the addition of rennet cheeses of various kinds and dairy products (cottage cheese, butter, milk powder, dry whey). The taste of cheeses is due to smoking and added fillers. Consistency is moderately dense, slightly elastic. They can be fat content from 20 to 40% in dry matter.

Natural cheeses include soft, semi-solid, hard cheeses.

Soft cheeses are cheeses with a soft creamy / curd consistency, produced without additional processing, such as smoking or melting. Such cheeses can be either with a crust (mold, natural) or without it (fresh cheeses). These include cheeses: Ricotta, Feta, Mozzarella, Camembert, Brie, Maroilles, Picodon, Romadur.

Semi-solid cheeses are cheeses with a dense consistency, produced without additional processing, such as, smoking or melting, covered with crust, can be packed into wax. They differ from soft cheeses by pressing and maturing. These cheeses are one of the most familiar for the Russian consumer. These include: Russian, Dutch, Kostroma. From exotic cheeses to semi-solid belongs a subclass of «blue cheeses»: Roquefort, Stilton, Gorgonzola, Dorblu.

Solid cheese cheeses with a firm, dense consistency. Among them, it is customary to single out a subclass of «warm» cheeses that are difficult to cut and are therefore used as a complement to dishes in grated form. Covered with a dense crust, wax or natural. They differ from semi-solid pressing and maturing. Hard cheeses are the most common and popular in Russia. These include: Emmental, Maasdam, Raclette, Parmesan, Romano. Among the hard cheeses, there are almost no paddles, since the technology of hard cheese production doesn't allow free development of mold cultures inside the cheese.

The first cheese factory for the production of rennet cheeses in Russia was opened in 1795 in the village of Lotoshino, Tver Province, in the estate of Prince Meshersky. Swiss cheese was produced on the cheese factory. By 1886, in the European part of Russia, there were already 72 landowner's dairies. By the 60th years of the 20th century, enterprises equipped with imported equipment began to be built. Cheese gradually began to turn into from a delicious product to a product of mass consumption. The centers of industrial cheese making in Russia were the Krasnodar, Stavropol and Altai Territories, Yaroslavl, Kostroma, and Tver Region. Nowadays there are more than 500 companies producing hard and semi hard cheeses in Russia. There are about 200 companies specializing in processed cheeses in Russia.

A wide range of cheeses is produced in Russia nowadays. They differ in the features of the technology or preparation, external signs and organoleptic indicators. The main peculiarity of consumption of cheese in Russia is that cheese is a part of sandwich or a dessert ingredient but in France or Italy cheese is a meal as it is.

The largest segment in total cheese production volume belongs to processed cheese in Russia. The share of processed cheeses is about 43%. Production of hard cheeses is the second largest segment of this market with 35.2%. The third place belongs to soft cheeses. Their share is 6.5% of total production volume. As you can see Russian manufacturers prefer to produce inexpensive varieties of cheese. The main and obvious advantage of processed cheeses is long shelf life and lower price in comparison to hard cheeses.

After 2014 many well-known international brands left the Russian market so local cheese producers got greater opportunities to increase do-

mestic production. Russia holds the third position in the world in cheese consumption. Despite the fact that just a small share of cheese sorts wide-spread abroad is being produced in Russia, the market of cheese production is developing quickly. Modern manufacturing capacities for exotic cheeses production are already implemented in Russia. There is a cheese plant for soft cheese production by Italian technologies in Moscow region. There is a plant for producing noble blue cheeses in Krasnodar region. Nowadays Russian consumers are willing to buy Russian-made cheeses so local producers hope to use this advantage to create a greater variety of products and the volume of sales.

References

1. Технология молока и молочных продуктов / Г. В. Твердохлеб [и др.]. М. : Агропромиздат. 1991. 463 с.
2. Экспертиза молока и молочных продуктов. Качество и безопасность : учеб.-справ. пособие / Н. И. Дунченко [и др.] ; под общ. ред. В. М. Поздняковского. Новосибирск : Сиб. универ. изд-во, 2007. 477 с.
3. Технология молока и молочных продуктов / Г. Н. Крусь [и др.] ; под ред. А. М. Шалыгиной. М. : КолосС, 2008. 455 с.
4. *Бегунов В. Л.* Книга о сыре. М. : Пищ. пром., 1974.

Раздел 4
ТУРИЗМ:
КОНГЛОМЕРАТ ЭКОЛОГИИ,
ГЕОГРАФИИ, КРАЕВЕДЕНИЯ

М. В. Черезова,

*кандидат педагогических наук, доцент кафедры
иностранных языков № 1, Институт иностранной филологии,
Таврическая академия (с. п.), Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского, Симферополь*

ЭКСКУРСИЯ КАК ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС

В статье экскурсия рассматривается как педагогический процесс, анализируются характерные педагогические признаки экскурсии. Кроме того, выделяются те признаки экскурсии, которые отличают её от традиционных форм организации обучения. Это даёт возможность рассматривать экскурсию как самостоятельный педагогический процесс или как звено системы педагогических мероприятий, направленных на обучение и воспитание.

Ключевые слова: экскурсия, признак, педагогический процесс.

EXCURSION AS PEDAGOGICAL PROCESS

An excursion as a pedagogical process is considered in the article. Excursion characteristic pedagogical indications are examined and analyzed. Besides, the excursion indications that differ it from traditional forms of education arrangement are revealed. It makes possible to regard the excursion as independent pedagogical process or as the element of the system of the pedagogical approaches aimed at teaching education.

Keywords: excursion, indication, pedagogical process.

Для успешного развития современной туристической отрасли Крыма необходимо решать комплекс важных задач, способствующих привлечению туристов в места отдыха и организации курортных сезонов таким образом, чтобы они могли становиться источником дохода для местного и федерального бюджета, а также удовлетворять запросы и потребности туристов в качественном отдыхе в непростых условиях экономических и социальных потрясений, в условиях ускоряющегося темпа жизни, хронической усталости, психологических кризисов и финансовой нестабильности. Большие ожидания в этой связи возлагаются на экскурсионную сферу. Увлекательная экскурсия способна влюбить гостя в красоту и историю региона, компенсировать неудовлетворённость другими туристическими услугами, стать источником не только информации, но и новых, положительных эмоций, способствовать активному и познавательному отдыху,

смене обстановки, установлению новых контактов коммуникации. Даже самая качественная краеведческая литература не может заменить живое общение с человеком, способным профессионально, с помощью методически правильного объединения показа и рассказа, презентовать экскурсионный объект, создать вокруг него положительный эмоциональный фон, способствующий личностному восприятию, превратить экскурсию в событие. Организованная экскурсия составляет достойную конкуренцию хаотичному обзору объектов. Правильной является мысль И. Русанова о том, что «без знаний самостоятельный обзор даже самых известных достопримечательностей даёт очень мало».

Современная экскурсия должна отвечать требованиям времени и запросам потребителей. Наблюдения показывают, что экскурсия сегодня воспринимается не только как процесс познания, но и как процесс общения, отдыха, психологической разрядки. Однако когнитивные процессы остаются ведущими в экскурсионном познании мира. Поэтому целесообразно и актуально рассматривать экскурсию как педагогический процесс. Такое рассмотрение позволит выделить её основные педагогические характеристики, что в свою очередь позволит целенаправленно планировать и использовать экскурсию в педагогических целях, выделяя её образовательную и воспитательную функцию.

Таким образом, целью статьи является определение педагогических признаков экскурсии.

В соответствии с целью решаются следующие задачи:

- 1) выделить педагогические признаки экскурсии;
- 2) охарактеризовать эти признаки в сравнении с формами и особенностями педагогического процесса;
- 3) выявить характерные отличия между экскурсией и традиционным педагогическим процессом.

Ключевой фигурой экскурсии выступает экскурсовод. Основой его практической деятельности является общение с группой экскурсантов, а главной целью такого общения становится познание нового, создание у экскурсантов собственных мнений и оценок, расширение системы знаний о мире, развитие личности в процессе познания, эмоциональное восприятие. Качественная экскурсия — это результат скрупулёзной, тщательно спланированной и продуманной работы, которая состоит в подготовке и проведении экскурсии, а также в последующей рефлексивной деятельности экскурсовода, направленной на её детальный анализ. Для этого экскурсовод применяет большой запас знаний, умений, навыков и личностных качеств. Являясь многокомпонентным понятием, экскурсия во многом отвечает требованиям педагогического процесса. А профессиональное

мастерство экскурсовода во многом определяется знаниями основ педагогики и психологии.

Наши предварительные исследования экскурсии позволили выделить и описать ряд признаков, позволяющих говорить об экскурсии как о педагогическом процессе. В этой связи мы рассматриваем такую экскурсию, которая является наиболее распространённым видом услуги, предлагаемой в курортных зонах Крыма, а именно коллективный выезд с посещением памятников природы, истории или архитектуры, комбинированная экскурсия с точки зрения тематики, места проведения, способа передвижения, состав группы.

Были выделены следующие педагогические признаки экскурсии.

1. Субъект-субъектный характер экскурсии.
2. Наличие темы, цели и задач, среди которых в каждой экскурсии выделяют дидактическую и воспитательную задачи [2, с. 41].
3. Следование определённой методике подготовки и проведения экскурсии. Использование педагогических методов. Познавательный компонент деятельности экскурсовода.
4. Мотивированность действий экскурсовода и экскурсантов
5. Определяющая роль интереса в мотивации познания.
6. Организованная коллективная познавательная деятельность. Организационный компонент деятельности экскурсовода.
7. Определённая структура экскурсии.
8. Форма прямого общения с применением вербальных и невербальных средств общения. Коммуникативный компонент деятельности экскурсовода.
9. Дифференциация методов проведения экскурсий. Дифференцированный отбор информации. Учёт возрастных и индивидуальных особенностей. Конструктивный компонент деятельности экскурсовода.

10. Активность субъектов экскурсии.

11. Учёт психических процессов.

12. Эмоциональная насыщенность.

13. Высокие требования к личности экскурсовода.

Дадим более подробную характеристику каждого показателя.

1. Каждая экскурсия носит субъект-субъектный характер. Субъектность участников экскурсии проявляется в их активности по отношению друг к другу и объективной действительности. Эта субъектность выражается прежде всего в общении в системе экскурсовод — экскурсанты.

2. Экскурсия, как и каждый вид учебной деятельности, ведётся по определённой теме, регламентирующей отбор экскурсионных объектов и направленность общения. Экскурсия имеет свою цель, выполняет дидактическую и воспитательную задачи, даёт новые

знания и расширяет кругозор, позволяет выработать у экскурсанта определённые мировоззренческие установки, собственные оценки и убеждения.

3. Как и педагогический процесс, экскурсия строится и проводится по определённой методике, которая состоит из методов и средств воспитания и обучения, методических приёмов, применяемых в экскурсионной деятельности. Такими приёмами являются приёмы показа и рассказа [2, с. 108]. Их применение и сочетание позволяют раскрыть тему и достичь цели экскурсии. Методические приёмы показа и рассказа реализуются в совокупности с педагогическими методами: словесными, наглядными, практическими. Что касается средств обучения, то ими выступают все экскурсионные объекты, включённые в экскурсию, и материалы из «портфеля экскурсовода», которые используются с целью дополнить недостающие компоненты видеоряда, воссоздать в воображении объекты, которые не сохранились, сохранились частично или претерпели существенные изменения. Экскурсионные объекты являются объектами познания. Комбинация всех методических приёмов имеет целью вызвать интерес экскурсантов. Это становится возможным лишь при условии тщательного отбора экскурсионной информации, когда реализуется познавательный компонент деятельности экскурсовода.

4. Мотив или их совокупность является причиной участия в экскурсии, мотивация в экскурсии выступает источником активности её субъектов. К числу мотивационных факторов относятся прежде всего субъектные особенности экскурсанта и экскурсовода, эмоциональная насыщенность экскурсии, интерес, который она представляет.

5. Главным мотивационным фактором для участия в экскурсии, как и в учебной деятельности, выступает интерес, предпосылкой которого является новизна восприятия. Он возникает как любопытство, желание расширить кругозор, сменить вид деятельности. Эти факторы могут перерасти в устойчивый интерес, если ожидания экскурсанта совпадут с действительностью. В отличие от учебной деятельности, которая имеет более широкие временные рамки, в экскурсии интерес должен возникнуть сразу, стать своеобразной «вспышкой». В таком случае интерес, эмоциональная окраска и приятные впечатления от экскурсии могут вызвать дальнейшие познавательные действия экскурсанта.

6. Как и большинство видов учебной деятельности, экскурсия является коллективным видом деятельности. Экскурсовод взаимодействует с количественным партнёром, однако, в отличие от учебной группы, группа экскурсантов чаще всего является случайно и временно созданной группой людей. Говорить о сложившемся кол-

лективе экскурсантов нецелесообразно. Индивидуальные характеристики субъектов экскурсионной деятельности доминируют над коллективными. Однако экскурсантов объединяет общая тема общения, общие цели и переживания, единое пространство. В течение экскурсии экскурсовод может создавать установки, которые позволят сформировать положительный микроклимат в группе, проявить высокую культуру межличностного общения, предотвратить возникновение конфликтов. Экскурсовод проявляет себя не только как человек, сведущий в тематике экскурсии, но и как организатор. Под его руководством происходит познавательная деятельность экскурсантов. Он направляет также ход экскурсии, следование временным рамкам, организацию всей экскурсии.

7. Структура экскурсии является чётко определённой. Это приближает её к учебному занятию, к основным характеристикам которого относятся целостность, наличие определённой структуры — логически связанных между собой последовательных этапов, на которых реализуются отдельные дидактические задачи. Основными элементами экскурсии являются вводная, основная и заключительная части. Вступительная часть содержит информационный и организационный компонент. Основная часть подразделяется на отдельные подтемы, связанные логическими переходами. В заключительной части подводятся итоги экскурсии, экскурсовод отвечает на вопросы экскурсантов. Все эти три части экскурсии реализуются в сменяемости обстановки, видов деятельности, способов передвижения, применении методических приёмов показа и рассказа. Экскурсия является очень динамичным процессом.

8. Взаимодействие экскурсовода и экскурсантов заключается в общении. Как и педагогическое общение, общение экскурсовода и экскурсантов является формой прямого общения. Общения экскурсовода с экскурсантами содержит не только информативный компонент. Целями такого общения могут быть организация, эмоциональная насыщенность, установление и поддержание контакта, выход из контакта, благодарность, замечания, решение конфликтных ситуаций. Экскурсовод активно использует как вербальные, так и невербальные средства общения. К культуре общения экскурсовода предъявляются очень высокие требования. Они касаются не только культуры и техники речи, но и культуры межличностных отношений, что определяется общей культурой.

9. Экскурсионная деятельность является групповой деятельностью. Каждый экскурсанта выражает собственные проецируемые ожидания от экскурсии. И его удовлетворённость результатом зависит от степени осуществления этих ожиданий. Групповая экскурси-

онная деятельность в значительной степени осуществляется через индивидуальную деятельность каждого члена экскурсионной группы, что требует значительного внимания к индивидуальности каждого экскурсанта. Каждая экскурсия требует дифференцированного подхода к её участникам в зависимости от состава группы. Этот подход заключается в отборе и способе передачи информации и определяется различными категориями экскурсантов и целями экскурсии. Как невозможно спланировать универсальное учебное занятие без учёта специфики учебной группы, так и не может быть универсальной экскурсии, которая удовлетворяла бы потребности всех категорий экскурсантов.

10. Субъект-субъектный характер экскурсии предусматривает двустороннюю активность её участников. Общая тенденция взаимодействия между экскурсоводом и экскурсионной группой заключается в том, что свою активность экскурсовод регулирует и определяет. Она является первичной. Активность экскурсантов экскурсовод вызывает и регулирует. Она является вторичной и зависит от активности и профессиональной подготовки экскурсовода. Активность экскурсанта заключается в восприятии информации, его мыслительной деятельности. Признаком активности экскурсантов выступает способность к анализу, формированию представлений и собственных оценок. Экскурсоводу необходимо осознавать личностную ответственность, поскольку именно он является носителем не только определённой информации, но и собственного отношения к событиям, о которых идёт речь на экскурсии. Его персональная оценка является предпосылкой формирования оценок и установок экскурсантов.

11. Каждая экскурсия строится с учётом психических процессов и происходит по законам психологии. На экскурсии задействованы такие психические образования, как память, внимание, мышление, интеллект, активность, эмоции. Экскурсоводу необходимо иметь чёткое представление об упомянутых психических процессах, законах их развития, управления ими в течение экскурсии.

12. Для положительного восприятия экскурсии важнейшее значение приобретает её эмоциональная насыщенность. Каждому педагогу известно, что положительный эмоциональный заряд учебной работы во многом определяет её результативность. Это ещё в большей степени касается экскурсии, поскольку она выполняет не только учебные и воспитательные функции, но и функции отдыха. К положительным эмоциям на экскурсии относится не только радость познания, но и радость созерцания, общения, пребывания в приятной атмосфере человеческого взаимодействия, контакта с природой, историей, другими

людьми. Поэтому проблема контакта занимает важное место в исследовании экскурсионного процесса.

13. Описанные выше педагогические признаки экскурсии являются действенными только тогда, когда экскурсовод является интересной личностью, эмоциональным лидером группы. Его должен отличать высокий профессионализм, в том числе педагогическое мастерство, идейность и убежденность, совокупность личностных качеств, позволяющих строить эффективные взаимоотношения с людьми, широкий кругозор, развитая профессиональная интуиция, артистическое мастерство, шарм, культура вербального и невербального общения и культура речи, развитая память и внимание. Личность экскурсовода должно стать объектом детального изучения профессиональной педагогики.

Таким образом, экскурсия выступает как сложный педагогический процесс. Её успех зависит не только от интереса, который вызван экскурсионной информацией. Существует система факторов, которые влияют на успех экскурсии и позволяют строить её как педагогический процесс. Рассматривая экскурсию как педагогический процесс с постоянными педагогическими признаками, мы выделяем также такие признаки, которые позволяют выявить наиболее значимые расхождения между экскурсионным и учебным процессом познания.

Это следующие признаки:

1) эпизодичность экскурсионной деятельности (в основном экскурсия является единовременным событием для экскурсанта);

2) отсутствие функции контроля (деятельность экскурсантов на экскурсии не оценивается традиционными для учебного процесса способами);

3) высокая степень наглядности;

4) отсутствие пространственного ограничения, признак передвижения;

5) добровольность участия в экскурсии;

6) отсутствие устойчивого воздействия на мотивационную сферу экскурсантов;

7) сочетание познавательной деятельности с отдыхом;

8) ограниченность дисциплинарных воздействий на экскурсантов.

9) невозможность создания полноценного коллектива экскурсантов из-за ограниченности экскурсии по времени.

И самое главное, что отличает экскурсию от традиционного педагогического процесса, — это то, что педагогическое воздействие на экскурсии является скрытым. Поскольку экскурсовод находится в ситуации информационного преимущества, у участника экскурсии не должно сложиться впечатление о его более низкой социальной позиции по отношению к экскурсоводу. Как говорит В. Гюнтер, экс-

курсия может произвести на экскурсанта впечатление о том, что он находится в позиции ученика, которого учат и воспитывают, вызвать воспоминания о школе и опасения почувствовать себя в роли ученика. Поэтому экскурсовод должен тщательно готовиться к экскурсии, выбирать формы общения с экскурсантами так, чтобы предотвратить это и дать почувствовать экскурсantu его равноправие и направить его активность [3, с. 166].

Выявленные педагогические черты позволяют рассматривать экскурсию как самостоятельный педагогический процесс, а также применять её как форму организации педагогического процесса. Однако педагогический компонент не является единственным в комплексном понимании экскурсии. Речь может идти также об историческом, культурном, социальном, психологическом, физиологическом, экономическом, коммуникативном, эстетическом аспектах экскурсии, которые играют важную роль для формирования комплексного представления об эффективной экскурсии и о профессиональном мастерстве экскурсовода.

Список источников

1. *Емельянов Б. В.* Экскурсоведение : учебник. 3-е изд., перераб. и доп. М. : Сов. спорт, 2000. 224 с.
2. *Günter W.* Allgemeine Didaktik und Methodik der Studienreise // Handbuch für Studienreiseleiter. Pädagogischer, psychologischer und organisatorischer Leitfadens für Exkursionen und Studienreisen. Oldebourg Wissenschaftsverlag, 2003. 383 S.
3. *Русанов И. В.* Таинственный остров Крым. Симферополь : Инфолекс, 2006. 400 с.
4. *Черезова М. В.* Формування культури професійного спілкування майбутніх фахівців сфери туризму у навчально-виховному процесі коледжу : дис. ... канд. пед. наук. Луганськ, 2010. 245 с.

А. А. Байракова,

*ассистент кафедры геоэкологии географического факультета,
Таврическая академия (с. п.), Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского, Симферополь*

**ОПТИМИЗАЦИЯ
РЕКРЕАЦИОННОЙ ИНФРАСТРУКТУРЫ
НА ТРОПЕ ГОЛИЦЫНА ГОСУДАРСТВЕННОГО
ПРИРОДНОГО БОТАНИЧЕСКОГО ЗАКАЗНИКА
«НОВЫЙ СВЕТ»**

В работе рассматривается территория Государственного природного ботанического заказника «Новый Свет» с точки зрения рекреационной значимости. Предлагается комплекс мероприятий (управленческие, технические, финансовые, социальные), которые позволят оптимизировать рекреационную инфраструктуру на экологической тропе Голицына.

Ключевые слова: оптимизация, рекреационная инфраструктура, экологическая тропа.

**IMPROVEMENT OF RECREATIONAL
INFRASTRUCTURE ON THE GOLYTSYN TRAIL
OF THE “NOVY SVET”
STATE NATURAL BOTANICAL RESERVE**

This article considers the territory of the “Novy Svet” State Natural Botanical reserve from the point of view of recreational significance. It is proposed a set of measures (administrative, technical, financial, social) that will improve recreational infrastructure on the Golitsyn trail.

Keywords: improvement, recreational infrastructure, ecological trail.

Государственный природный ботанический заказник «Новый Свет» имеет государственный природоохранный статус. Территория заказника расположена в пределах посёлка Новый Свет городского округа Судак Республики Крым.

Посещение территории осуществляется по двум экологическим маршрутам (тропам), которые начинаются на границе заказника у специальных пропускных пунктов.

Один из экологических маршрутов — тропа Голицына — начинается на юго-западном берегу бухты Зелёной.

Вторая экологическая тропа начинается у западной окраины посёлка Новый Свет и проходит по склонам горы Караул-Оба.

На территории преобладают можжевеловые редколесья, сообщества сосны Станкевича, ксерофитно-злаковой растительности.

Территория характеризуется засушливым климатом, и потому чрезвычайно велика роль древесной растительности, способствующей задержанию и накоплению влаги, смягчению климата. Многие растения засухоустойчивы и имеют развитую корневую систему, которая хорошо укрепляет горные склоны. Всё это немаловажно в условиях засушливого восточного побережья. На территории преобладают сообщества из сосны Станкевича, а также формации из можжевельника высокого и колючего [1]. Большая часть площади склонов занята шибляком из дуба пушистого с единичной примесью кустарников (грабинник, палиурус) и травостоем из типчака с участием тимьяна или ранневесенних злаков. В травяном ярусе господствует типчак с участием бородача, костра, пырея, чия, осоки. В кустарничковом ярусе можжевелово-дубовых шибляков много грабинника, местами кизила, видов иглицы, ладанника, колючего можжевельника, жасмина кустарникового, пираканты красной [2].

Дубово-можжевеловый шибляк выполняет важные функции на территории ботанического заказника «Новый Свет». Шибляк имеет почвозащитную и противозерозионную функции. Изреженные и расстроенные шибляковые сообщества не могут служить серьёзным препятствием для развития поверхностного стока. Сосновые сообщества имеют специфику влияния на процесс почвообразования и свойства почв, однако подлесок в сосновых лесах нивелирует это влияние. Сосновые леса обладают водоохранными и почвозащитными свойствами, они менее требовательные к почве и влаге по сравнению с лиственными породами, должны в дальнейшем найти более широкое распространение в условиях горного региона Крыма [3].

Экологическая тропа представляет большой интерес среди рекреантов, количество которых ежегодно увеличивается. Таким образом, основными целями данной работы являются оптимизация рекреационной инфраструктуры и повышение привлекательности экологической тропы среди посетителей.

Управлением территории занимается Государственное автономное учреждение Республики Крым (ГАУ РК) «Судакское лесохозяйственное хозяйство», которое включает пять лесничеств. На территории городского округа Судак находятся четыре туристические фирмы, которые ежедневно летом проводят экскурсии по территории заказника. Для получения дополнительных средств, которые будут использованы для оптимизации инфраструктуры территории, необ-

ходимо привлечь волонтеров, предпринимателей Нового Света, которые получают доход от посетителей тропы Голицына, и задействовать средства местного бюджета.

Для оптимизации рекреационной инфраструктуры предлагаются следующие мероприятия:

- обустройство тропы, создание настила на некоторых участках тропы;
- маркировка тропы;
- оборудование экологической тропы информационными аншлагами, таким образом — реализация эколого-просветительской функции тропы;
- обустройство экологической тропы мусорными урнами во избежание замусоривания территории;
- охрана территории во избежание ненормированного посещения экологической тропы;
- экскурсионное обслуживание на тропе, которое обеспечит активную эколого-просветительскую деятельность.

Каждая задача реализуется посредством комплекса мероприятий: управленческих, технических, финансово-экономических и социальных.

В ходе работы были выделены основные субъекты, которые являются заинтересованными лицами в улучшении рекреационной инфраструктуры экологической тропы:

- управление экологического надзора Восточно-Крымского региона;
- Государственное автономное учреждение РК «Судакское лесохозяйственное хозяйство»;
- туристические агентства городского округа Судак;
- администрация города;
- общественные организации;
- научно-исследовательские учреждения;
- волонтеры.

Реализация перечисленных мероприятий позволит повысить привлекательность тропы Голицына, она приобретёт не только рекреационную, но и образовательную значимость.

Список источников

1. *Дидух Я. П.* Растительный покров горного Крыма (структура, динамика, эволюция и охрана). Киев : Наук. думка, 1992. 256 с.
2. *Рубцов Н. И.* Растительный мир Крыма : науч.-популяр. очерк. Симферополь : Таврия, 1978. 128 с.
3. *Поляков А. Ф., Плугатарь Ю. В., Рудь А. Г.* Экологическая роль горных лесов Крыма. Львів : РВВ НЛТУ України, 2008.

*В. В. Гавриленко,
обучающаяся 1-го курса магистратуры, географический факультет,
направление подготовки 43.04.02 — туризм,
Таврическая академия (с. п.), Крымский федеральный
университет имени В. И. Вернадского, Симферополь
Научный руководитель — С. А. Гуров,
кандидат географических наук, доцент*

РАЗВИТИЕ ГОСТИНИЧНОГО ХОЗЯЙСТВА РЕСПУБЛИКИ КРЫМ В УСЛОВИЯХ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ТРАНСФОРМАЦИЙ

Гостиничное хозяйство является основой материально-технической базы туризма. В условиях рыночных преобразований ситуация в гостиничном хозяйстве Крыма достаточно сложная: устаревшая инфраструктура, несоответствие качества оказываемых услуг уровню цен, нестабильность экономической и политической ситуации и т. д. В связи с чем возникает необходимость в изучении данного вопроса. Целями статьи являются сравнительный анализ рынка гостиничных услуг Республики Крым до и после вступления в состав РФ и выявление главных проблем гостиничной индустрии. Для достижения целей были использованы ретроспективный и статистический методы. Полученные результаты могут использоваться для дальнейшей теоретической разработки путей оптимизации гостиничного комплекса Республики Крым с учётом выявленных проблем.

Ключевые слова: Республика Крым, гостиничное хозяйство, социально-экономические трансформации, переходный период.

The hospitality industry is the material and technical foundation of tourism. Under conditions of market transformations the situation in the Hospitality industry of the Crimea is quite complicated: outdated infrastructure, inconsistency between the quality of services rendered and the price level, instability of the economic and political situation, etc. As a result, there is a need to study this issue. The purpose of the article is a comparative analysis of the hotel services market in the Republic of Crimea before and after the reunification with Russian Federation and identifying the main problems of the hospitality industry. Retrospective and statistical methods were used to achieve the goal. The obtained results can be used in the further theoretical development of ways to optimize the hotel complex of the Republic of Crimea, taking into account the problems that have been identified.

Keywords: Republic of Crimea, hotel industry, social and economic transformations, transition period.

На основании использования показателей динамики был осуществлён анализ гостиничного хозяйства Крыма. Результаты показали, что вхождение полуострова в состав РФ повлекло за собой в 2014 году сокращение турпотока на 35%. Уменьшилось количество функционирующих коллективных средств размещения (КСР) на 33% и количество койко-мест на 40% в связи с отсутствием статуса юридического лица, вдвое снизился показатель загрузки и более чем в два раза сократилось число туристских учреждений детского отдыха и оздоровления. Благодаря действенной государственной политике (адресной программе загрузки средств размещения, льготных авиабилетов) удалось достичь и положительных результатов. Впервые за 23 года в четвёртом квартале 2014 года работающие здравницы были заполнены на 100%. В 2015 году прирост турпотока составил более 16%, а в 2016-м — более 25% [3; 4].

Анализ статистической информации даёт лишь общее представление о развитии гостиничного хозяйства. В то время как вступление Крыма в состав РФ имело неравномерный характер воздействия на разные гостиничные предприятия. Рассмотрим результаты исследования «Impacts of the entry of the Autonomous Republic of Crimea into the Russian Federation on its tourism industry: An exploratory study» [6], чтобы оценить влияние этого события на деятельность отдельных средств размещения. Результаты исследования зарубежных авторов показывают неравномерный характер воздействия переходного периода на развитие гостиничной индустрии. В целом эффективность деятельности гостиниц снизилась. При этом больший негативный эффект ощутили несетевые двух-, трёхзвёздочные гостиницы с номерным фондом менее 100 номеров. Аналогичная ситуация наблюдалась в отношении девальвации рубля и потери деловых партнёров. По мнению отельеров, наибольшее влияние на бизнес оказали фактор транспортной доступности и налоговый режим, причём влияние этих факторов они оценили как положительное. Полярность двух рассмотренных подходов к изучению динамики развития гостиничного хозяйства указывает на то, что при планировании деятельности гостиничных предприятий нужно учитывать категорию, размер, принадлежность к сети и т. д. [6].

Существует ряд проблем, связанных с адаптацией Крыма к новым условиям. В результате проведённого исследования гостиничного комплекса республики с 2013 года до настоящего времени были выделены главные факторы, влияющие на развитие гостиничного хозяйства Крыма. Их можно условно разделить на факторы: безопасности, экономический, природный, информационный, политико-правовой,

инфраструктурно-коммуникационный и социально-демографический. Определяющее воздействие на развитие гостиничного сектора оказывает политическая и правовая сферы.

Рост курсов мировых валют, падение цен на нефть, девальвация рубля, введение крупными европейскими державами и США санкций в отношении России, сокращение потока туристов из Украины, который ранее генерировал основной спрос на туристские услуги полуострова — такие события не могли не отразиться на секторе гостиничных услуг [1].

Немаловажную роль сыграл экономический фактор. По данным Минэкономразвития РФ в 2016 году, из-за размера реальных располагаемых доходов 50% российского населения осталось в период отпусков дома.

Влияние природного фактора проявляется в сезонном спросе на гостиничные услуги курортных регионов и в неравномерном развитии сети туристско-рекреационных предприятий.

В век научно-технических достижений сложно переоценить роль информационного фактора в реализации гостиничных услуг. Несмотря на динамичное развитие данной сферы, есть определённые проблемы: низкая осведомлённость россиян и иностранных гостей о туристских возможностях Крыма, невостроенная маркетинговая политика. Помимо внешних факторов, необходимо выделить достаточно важную группу внутриотраслевых факторов, к которым в первую очередь следует отнести совершенствование гостиничного продукта и фактор трудовых ресурсов.

В блоке инфраструктурно-коммуникационных факторов прежде всего следует выделить проблему транспортной доступности Республики Крым наземным и воздушным транспортом, минуя территорию Украины, низкий уровень развития и изношенность гостиничной инфраструктуры. В КСР Крыма отмечается высокий уровень износа основных фондов (большинство из них изношены на 70–90%) и медицинской базы здравниц. При этом сохранились уникальный опыт и традиции санаторного лечения и оздоровления.

Кроме того, на полуострове отмечается недостаточное количество гостиниц международного уровня. По состоянию на конец 2016 года из 767 средств размещения аккредитованными организациями была проведена классификация 71 средства размещения, в том числе по категориям: пять звёзд — 5 объектов, четыре звезды — 16 объектов, три звезды — 29 объектов, две звезды — 14 объектов, без звёзд — 7 объектов [2].

Выводы

Таким образом, эффективное развитие гостиничного хозяйства Крыма возможно лишь при взаимодействии государства с представителями гостиничной индустрии. Лишь при условии благоприятной среды для деятельности малого и среднего бизнеса возможен положительный эффект в виде реализации новых перспективных проектов в данной сфере и значительных налоговых поступлений. Крым — регион с богатейшими туристско-рекреационными ресурсами и колоссальным потенциалом для развития. Все проблемы Крымского полуострова не уникальны, имеется положительный международный опыт, который необходимо внедрять, адаптировав под реалии Российской Федерации.

Список источников

1. *Кучмаева О. В., Махова О. А.* Развитие туристской сферы в Республике Крым: проблемы и оценка // Статистика и экономика. 2015. № 6. С. 88–89.
2. *Лайко М. Ю., Валединская Е. Н.* Анализ соответствия средств размещения Республики Крым российским и международным классификационным требованиям // Инновации и инвестиции. 2014. № 10. С. 279–283.
3. Туризм и туристские ресурсы Республики Крым за 2015 год : стат. бюл. / под. ред. Н. А. Полонской. Симферополь : Крымстат, 2016. С. 38–104.
4. Туризм и туристские ресурсы Республики Крым за 2014 год : стат. сб. / под. ред. Н. А. Полонской. Симферополь : Крымстат, 2015. С. 27–78.
5. Туристская деятельность в Республике Крым в 2013 году: стат. бюл. / под. ред. Н. А. Полонской. Симферополь : Крымстат, 2014. С. 41–11.
6. Impacts of the entry of the Autonomous Republic of Crimea into the Russian Federation on its tourism industry: An exploratory study / S. Ivanov [et al.] // *Tourism Management*. 2016. Vol. 54. P. 162–169.

*В. А. Судьбина,
студент кафедры геоэкологии географического факультета,
Таврическая академия (с. п.),
Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского, Симферополь*

*Д. С. Трухин,
студент кафедры геоэкологии географического факультета,
Таврическая академия (с. п.),
Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского, Симферополь*

*научный руководитель — Е. С. Шестакова,
кандидат педагогических наук, доцент кафедры
иностранных языков № 1, Институт иностранной филологии,
Таврическая академия (с. п.),
Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского, Симферополь*

АНАЛИЗ АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ВЕРСИИ ТУРИСТИЧЕСКИХ ЗНАКОВ НАВИГАЦИИ В СИМФЕРОПОЛЕ И БАХЧИСАРАЕ

В статье рассмотрены проблемы перевода на английский язык туристических знаков навигации в Симферополе и Бахчисарае. Авторы анализируют ошибки, допускаемые в англоязычной версии туристических знаков навигации. Полученные результаты в дальнейшем могут быть использованы для улучшения единой системы навигации и ориентирующей информации для туристов в Крыму.

Ключевые слова: туристические знаки навигации, туристская дестинация, англоязычная версия туристических знаков навигации, въездной туризм в Крыму, типичные ошибки, Симферополь, Бахчисарай.

THE ANALYSES OF ENGLISH VERSION OF TOURIST DIRECTION SIGNS IN BAKHCHISARAY AND SIMFEROPOL

The problems of translation of tourist navigation signs into English in Simferopol and Bakhchisaray are reviewed in the article. The authors analyze the mistakes which are made in English versions of tourist navigation signs. In the future the results can be used for improvement of unified navigation system in Crimea.

Keywords: tourist navigation signs, tourist destination, English version of tourist navigation signs, inbound tourism in Crimea, typical mistakes, Simferopol, Bakhchisaray.

Введение

Туризм в Крыму является одной из ведущих отраслей экономики и занятости населения Крыма. Так, в 2016 году полуостров посетило 5,57 миллиона человек [1]. Для того чтобы туристская дестинация была привлекательной, она должна не только иметь набор интересных для потенциальных посетителей достопримечательностей, но также целый комплекс услуг и определённую инфраструктуру, обеспечивающую комфорт, доступность и безопасность. Обязательным компонентом туристской инфраструктуры, который призван отвечать как за доступность объекта для туристов, так и за их безопасность, является наличие информационных систем [2].

К наиболее действенным инструментам информирования туристов относятся туристические знаки навигации, разработанные как единая система ориентирующей информации. Согласно статье 1 Федерального закона № 132-ФЗ «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации», система навигации и ориентирования в сфере туризма — совокупность необходимой для ориентирования туристов информации о туристских ресурсах и об объектах туристской индустрии и средств размещения такой информации (информационных знаков, конструкций, сооружений, технических приспособлений и других носителей, предназначенных для распространения информации, за исключением рекламных конструкций) [4].

Однако при наличии ошибок эффективность данного инструмента заметно снижается. В целях нашего исследования мы рассмотрим англоязычные версии таких туристических знаков навигации, как указатели, предназначенные для интеграции иностранных туристов в туристическое пространство. Авторы сохраняют в статье написание и знаки препинания названий объектов, нанесённых на указатели.

Цель и задачи. Исследование ставит целью проанализировать ошибки, допущенные в англоязычной версии туристических знаков навигации в Симферополе и Бахчисарае.

Место исследования. Авторы исследовали туристические знаки навигации в крымских городах Симферополь и Бахчисарай. В Симферополе исследование проводилось в парке имени А. К. Тренёва, на площадях Советская, Куйбышева и Советской Конституции, а также на улицах Киевская, Александра Невского, проспектах Кирова и Победы. Фотофиксация туристических знаков навигации в Бахчисарае осуществлялась авторами в дворцово-парковом комплексе «Ханский дворец», в «пещерном городе» Чуфут-Кале Бахчисарайского историко-культурного и археологического музея-заповедника, а также на улицах Ленина и Симферопольская.

Методы исследования. Для целей данного исследования применялся комплекс теоретических (анализ информационных источников по исследуемой тематике) и эмпирических (наблюдение, сравнение, анализ и обобщение, метод фотофиксации) методов.

Результаты исследований

В рамках исследования в Бахчисарае было изучено 16 объектов: 26 туристических знаков навигации и 8 информационных таблиц. В Симферополе проанализировано 16 туристических объектов, обозначенных на 28 знаках навигации. Приведём наиболее типичные и парадоксальные ошибки, встречающиеся в туристических знаках навигации.

В первую очередь обращают на себя внимание указатели с очевидными несоответствиями. Интересный случай разночтений — разные варианты перевода названия одного и того же туристического объекта на разных навигационных туристических знаках и информационных стендах.

Рассмотрим версии написания названия известного туристического достопримечательного объекта — «пещерного города» Чуфут-Кале. На относительно небольшой территории зафиксированы четыре варианта англоязычного написания: *Cave city Chufut-Kale*, «*cave town*» of *Chufut-Kale*, *Cave town Chufut Kale*, «*cave town*» *Chufut Kale*. На наш взгляд, наиболее парадоксальным является английский вариант: *Cave city Chufut-Kale* (рис. 1), поскольку слово *city* используется для обозначения областного или регионального города [3], но не остатков средневекового населённого локального объекта. В данном случае при переводе фразы «пещерный город» на английский язык следует применять слово *town*. Вариант написания *Cave town Chufut Kale* также не является верным, так как сочетание «пещерный город» определяет тип исторического объекта. Это сочетание следует заключать в кавычки. В варианте перевода «*Cave town*» of *Chufut-Kale* предлог *of* неуместен, потому что отсутствует родительный падеж в названии объекта. Таким образом, указатель «*cave town*» *Chufut-Kale* (рис. 2) является единственным правильным вариантом.

Рис. 1

Рис. 2

На территории самого «пещерного города» Чуфут-Кале были обнаружены и другие случаи различного перевода. К примеру, русская фраза «оборонительная стена» в разных информационных носителях обозначена как *Defense Wall* и *Defensive Wall*. Оба варианта пере-

вода являются верными, однако разночтения в англоязычной версии могут ввести иностранцев в замешательство.

Интересно, что примеры разночтений в англоязычных версиях указателей распространяются и на столицу Крыма Симферополь. Так, название театра «Крымскотатарский академический музыкально-драматический театр» было переведено как *Crimean Tatar Academic Music and Drama Theatre* и *Crimean Tatar state Academic musical-drama theatre*. Можно поспорить о корректности перевода на обоих указателях и их соответствии англоязычным реалиям, но нельзя не отметить, что на разных указателях один и тот же объект называется по-разному. Кроме того, на втором туристическом знаке навигации к названию добавлено слово «государственный».

Zyndzhirly-Madrasah (рис. 2) и *Complex Zyndzhirly medresse* (рис. 1) — весьма оригинальные варианты перевода слова, обозначающего старейшее мусульманское учебное заведение в Крыму, расположенное в Бахчисарае. Интересен перевод слова «медресе». На первом указателе слово «Madrasah» переведено с русского языка на английский, а на втором слово «medresse» — с русского на немецкий!

К этому же типу повторяющихся ошибок можно отнести и часто встречающиеся варианты написания названий одних и тех же объектов с артиклем «the» и без него. Так, указатели на самую известную достопримечательность Бахчисараея Ханский дворец также представлены в двух вариантах: с определённым артиклем «the» — *The Khan Palace*, и без него — *Khan Palace*.

Пожалуй, самым парадоксальным примером некорректного перевода русской фразы на указателе на английский язык является знак туристической навигации «Зоопарк симферопольский» (рис. 3)

Рис. 3

с переводом на английский язык как *Zoo Simferopol*. Данный перевод не является верным, так как *Zoo Simferopol* дословно переводится как «Зоопарковый Симферополь».

Зафиксирован ещё один типичный случай неграмотного перевода из-за неправильного использования или, наоборот, неиспользования предлога «of» для выражения родительного падежа в английском языке. Проиллюстрируем его на примере указателя «*Историко-этнографический музей крымчаков*» в Симферополе с переводом на английский язык как «*Historical and Ethnographic Museum Krymchaks*». В англоязычном названии отсутствует родительный падеж к слову «Крымчаков», то есть название музея в английском варианте звучит так: «*Историко-этнографический музей крымчаки*». К тому же в англоязычном варианте следует поместить слово «Крымчаков» перед словом «Museum».

Выводы

Таким образом, в процессе исследования было выяснено, что в городах Симферополь и Бахчисарай на туристических знаках навигации преимущественно встречаются разные англоязычные версии написания одних и тех же достопримечательных объектов, а также допускаются лингвистические и орфографические ошибки. Можно предположить, что данная ситуация сложилась из-за того, что разные организации отвечали за дизайн, размещение, а следовательно, и перевод разных указателей и информационных щитов. Возможно, даже туристические знаки навигации, выполненные одной и той же организацией в разные временные промежутки, не приводились к единой лексико-грамматической форме. Авторы исследования рекомендуют провести ревизию туристических знаков навигации, создать реестр указателей и информационных бордов и привести повторяющиеся названия к единой форме, которая будет также использоваться в путеводителях и буклетах, на картах и на сайтах туристических компаний. В противном случае данные туристические знаки навигации вместо своей функции обеспечения доступности и безопасности объекта для туристов будут вызывать недоразумения и наводить посетителей на мысль, что речь идёт о разных туристических объектах.

Список источников

1. Каковы туристические перспективы Крыма в 2017 году [Электронный ресурс] // Новости Севастополя «SEVAS». 2016. URL: http://news.sevas.com/crimea/perspektivy_krymskogo_turizma_v_2017_godu (дата обращения: 08.10.2017), свободный. Загл. с экрана.

2. Морозов М. А., Львова Т. В. Моделирование туристских дестинаций [Электронный ресурс] // Современные проблемы сервиса и туризма. URL: rguts.ru/files/electronic_journal/number16/17.doc (дата обращения: 08.10.2017), свободный. Загл. с экрана.

3. Разница между city и town [Электронный ресурс] // Об отличиях «The Difference.ru». 2013. URL: https://thedifference.ru/chem-otlichayutsya-city-i-town/#h2_2 (дата обращения: 12.10.2017), свободный. Загл. с экрана.

4. Федеральный закон от 24.11.1996 № 132-ФЗ (ред. от 28.12.2016) «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации», статья 1. Основные понятия [Электронный ресурс] URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_12462/ (дата обращения: 08.10.2017). Загл. с экрана.

УДК 338.48

А. С. Бурмака,

обучающаяся 1-го курса магистратуры

географического факультета, кафедры туризма,

Таврическая академия (с. п.), Крымский федеральный университет

имени В. И. Вернадского, Симферополь

АНАЛИЗ ВИДОВ МОЛОДЁЖНОГО ТУРИЗМА И ИХ ОСОБЕННОСТЕЙ НА ТЕРРИТОРИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В статье выделены и охарактеризованы виды туризма, указаны конкретные объекты, а также мероприятия, пользующиеся спросом среди молодого поколения. Целью работы стало выявление особенностей молодёжного туризма как отдельного сегмента туристской деятельности, его организации и развития в России. В работе использованы общенаучные и специальные методы исследований, среди которых литературно-аналитический, сравнительно-географический, статистический.

Ключевые слова: туризм, молодёжный туризм, молодёжь, молодёжные форумы.

The article singles out and characterizes the types of tourism, specific facilities, as well as an event that is in demand among the younger generation. The purpose of the work was to identify the characteristics of youth tourism as a separate segment of tourism activities, its organization and development in Russia. In the work general scientific and special methods of research were used, among which are literary-analytical, comparative-geographical, and statistical.

Keywords: tourism, youth tourism, youth, youth forums.

Сегодня молодёжный туризм является одним из лидирующих и популярных направлений как на мировом, так и на внутреннем рынке услуг России. Он развивается наиболее динамично и активно в тех регионах, которые являются наиболее посещаемыми, даёт возможность повышения ресурсного потенциала в целом.

Результаты исследований

Анализ подходов к понятию «молодёжный туризм» выявил ряд проблем понятийно-терминологического характера, в частности отсутствие единого определения данного вида туризма в законодательной базе; выделение молодёжного сегмента в основном по критерию возраста без учёта специфической группы потребностей, формируемых молодёжью. В целом под молодёжным туризмом следует понимать деятельность, предполагающую передвижение молодёжи в пределах национальных границ либо за рубежом в возрасте от 18 до 30 лет в индивидуальной или групповой форме с целью общения, исследования иной культуры, формирования патриотизма, а также ради активных видов отдыха. К главным особенностям молодёжного туризма относятся более продолжительное количество свободного времени (каникулярный период), преобладание либо индивидуальных, либо небольших групповых туров (3–5 чел.), а также предоставление значительного количества льгот для совершения путешествий (сниженные тарифы на транспортные услуги, посещение рекреационных объектов, проживание и пр.).

Оценка динамики на рынке молодёжного туризма свидетельствует о растущей популярности данного направления. Молодёжь в возрасте 20–25 лет составляет более 57% общего числа туристов мира, а поездки «без границ» на 31% сконцентрированы в возрастном сегменте 25–35 лет. На протяжении последних пяти лет объём денежных поступлений от молодёжного туризма в бюджет России вырос на 40%.

Стимулирующим фактором на рынке молодёжного туризма является сотрудничество с молодёжными организациями, в частности с международной конфедерацией студенческого туризма International Student Travel Confederation (ISTC), предоставляющей международные студенческие удостоверения, дающие право на скидки в путешествиях. Наиболее популярными являются International Student Identity Card (ISIC) и его разновидности — ITIC и IYTC.

На сегодняшний момент развитие молодёжного туризма Российской Федерации характеризуется конкурентными преимуществами, а именно: уникальными объектами культурного, исторического, природного, архитектурного наследия, а также рекреационным потенциалом государства.

Предполагается, что данное направление помогает молодёжи повысить свою профессиональную компетенцию (образовательные и экскурсионные туры); улучшить свои познания в истории и культуре другой страны (культурные обмены); проявить себя и полюбить свою страну (молодёжные форумы) и т. д.

Ориентируясь на рассмотренные ранее особенности для молодёжи в направлении молодёжного туризма, можно выделить харак-

терные для молодого поколения виды туризма: образовательный, событийный, индустриальные, спортивный (экстремальный), экскурсионно-познавательный туризм [1].

1. Туризм с обучением, или образовательный туризм

На сегодняшний день рынок образовательного туризма в России находится на первоначальном этапе развития. Самый распространённый вид образовательного туризма — это языковые программы.

Иногда в языковых турах может быть заложена дополнительная развлекательная составляющая. Например, экскурсионное обслуживание, посещение развлекательных комплексов, обучение игры в гольф, теннис и другие [4].

Необходимо отметить, что, участвуя в зарубежных программах, молодёжь преследует цель — получить всестороннее образование. К таким проектам относятся: международная программа Au Pair, программа Swiss Education Academy, программа международного студенческого обмена Work and Travel, программа «Глобальное образование» и другие.

2. Событийный молодёжный туризм

В Российской Федерации событийный молодёжный туризм выгоден для развития на территории, даже не обладающей уникальными туристскими ресурсами [3]. Также следует отметить, что успешно проведённые мероприятия положительно влияют на имидж территории. Таким образом, данное направление туризма может быть связано с посещением фестивалей, форумов, молодёжных спортивных состязаний.

Помимо этого, можно выделить ряд регионов, в которых успешно развивается событийный туризм: Московская область, Ленинградская область, Краснодарский край.

3. Спортивный (экстремальный) молодёжный туризм

Спортивный туризм предполагает преодоление категорированных по трудности препятствий в природной среде или на искусственном рельефе.

В России спортивный туризм получил своё распространение в Северо-Кавказском, Северном, Восточно-Сибирском регионах России.

4. Познавательный (экскурсионный) молодёжный туризм

Познавательный (экскурсионный) молодёжный туризм достаточно активно развивается в России. Деятельность данного направления равномерно распределяется по всей территории страны [2].

5. Индустриальный молодёжный туризм

Данное направление можно рассматривать как сравнительно новый для России вид туризма, и в последнее время его популярность, особенно среди молодых людей, всё больше возрастает.

Любители индустриального туризма формулируют для себя следующую цель: исследование и познание истории новых местностей.

Проанализировав картографические материалы, можно сделать вывод, что заброшенные объекты и города-призраки достаточно плотно расположены друг к другу. Наибольшая концентрация наблюдается в Европейской части, а также в Дальневосточном регионе России.

• **Прогулки крышами (руфинг, руферство).** Например, путешествия по крышам небоскрёбов и многоэтажек. В России руфинг наиболее развит: в Санкт-Петербурге, а также в Москве, Курске, Белгороде.

Выводы

Таким образом, молодёжный туризм является одним из направлений туризма, способным не только удовлетворить непосредственно рекреационные потребности, но и выполняющим социальную функцию формирования социальных, витальных, эстетических и нравственных ценностей среди молодёжи, призванной обеспечить успешное будущее государства.

Среди перспектив развития молодёжного туризма следует выделить активизацию молодёжных проектов, формирование современной инфраструктуры, создание тематических молодёжных туристских баз, активизацию организации и проведения фестивалей и форумов, разработку нестандартных туристских маршрутов.

Список источников

1. *Бабкин А. В.* Специальные виды туризма : учеб. пособие. Ростов н/Д : Феникс, 2008. 252 с.

2. *Большаник П. В.* География туризма : учеб. пособие. М. : Альфа-М ; ИНФРА-М, 2012. 304 с.

3. *Власова Т. И., Алейников А. В.* Событийный туризм — эффективный антикризисный инструмент привлечения туристских потоков в регион // Вестник НАТ. 2015. № 1. С. 38–40.

4. Образовательный туризм [Электронный ресурс]. URL: <http://sokolov33.ru/index.php/rekreazija/tsentr-2/zapad-mor/18-vidy-turizma/77-obrazovatelnyj-turizm> (дата обращения: 17.04.2017).

С. Л. Влиляев,

*обучающийся 1-го курса магистратуры географического факультета,
направление подготовки 43.04.02 — туризм,*

Таврическая академия (с. п.),

Крымский федеральный университет

имени В. И. Вернадского», Симферополь

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ АКТИВНЫХ ВИДОВ ТУРИЗМА В РЕСПУБЛИКЕ АДЫГЕЯ

В статье рассмотрены научные подходы к понятию и сущности активного туризма, охарактеризована география рекреационных ресурсов, а также изучены и выявлены проблемы и перспективные направления конкурентных преимуществ в сфере активного туризма Республики Адыгея. Цель работы заключается в определении основных лимитирующих факторов и перспектив развития активных видов туризма в Республике Адыгея. В статье были использованы методы научного анализа, научного синтеза и обобщения, а также литературный, картографический и статистический методы.

Ключевые слова: туризм, активный туризм, фактор, проблемы, перспективы, Адыгея.

PROBLEMS AND THE DEVELOPMENT PROSPECTS OF ACTIVE TYPES OF TOURISM IN THE REPUBLIC OF ADYGEA

The article deals with scientific approaches to the concept and essence of active tourism, the geography of recreational resources is characterized, and also the problems and perspective directions of competitive advantages in the sphere of active tourism of the Republic of Adygea have been studied and identified. The purpose of the work is to determine the main limiting factors and prospects for the development of active tourism in the Republic of Adygea. The methods of scientific analysis, scientific synthesis and generalization, as well as literary, cartographic and statistical methods are used in the article.

Keywords: tourism, active tourism, factor, problems, prospects, Adygea.

Сегодня активный туризм является одним из перспективных направлений развития экономики как в мире, так и в Российской Федерации. Данное явление можно связать со множеством причин. С одной стороны, это высокие темпы роста урбанизации территорий и ухудшение экологии, что приводит к проблемам со здоровьем и эмоциональным состояниям, которые требуют корректировки, с другой

стороны, это омоложение болезней и влияние мировой тенденции на поддержание здорового образа жизни среди населения.

В официальных источниках определение активного туризма отсутствует. На основе изучения трудов таких авторов, как С. Э. Мышлявцева, Н. Г. Можаяева, В. И. Криворучко, мы сформулировали определение активного туризма: «это форма путешествий, связанная с активными способами передвижения по маршрутам невысоких категорий сложности, в слабоизменённой природной среде, с оздоровительными, познавательными и прочими целями» [5], [3], [4].

В работе также был проведён синтез классификаций активного туризма в РФ, согласно таким существующим ГОСТам, как Национальный стандарт Российской Федерации ГОСТ Р 54601-2011 «Туристские услуги. Безопасность активных видов туризма. Общие положения», ГОСТ Р 53522-2009 «Туристические и экскурсионные услуги. Основные положения», и Единой всероссийской спортивной классификацией туристских маршрутов (ЕВСКТМ).

На основе полученных данных нами была построена «Графическая модель активного туризма в Российской Федерации» (см. рисунок).

«Графическая модель активного туризма в РФ» состоит из таких блоков, как условия, предмет, признаки, выход из системы (логический вывод).

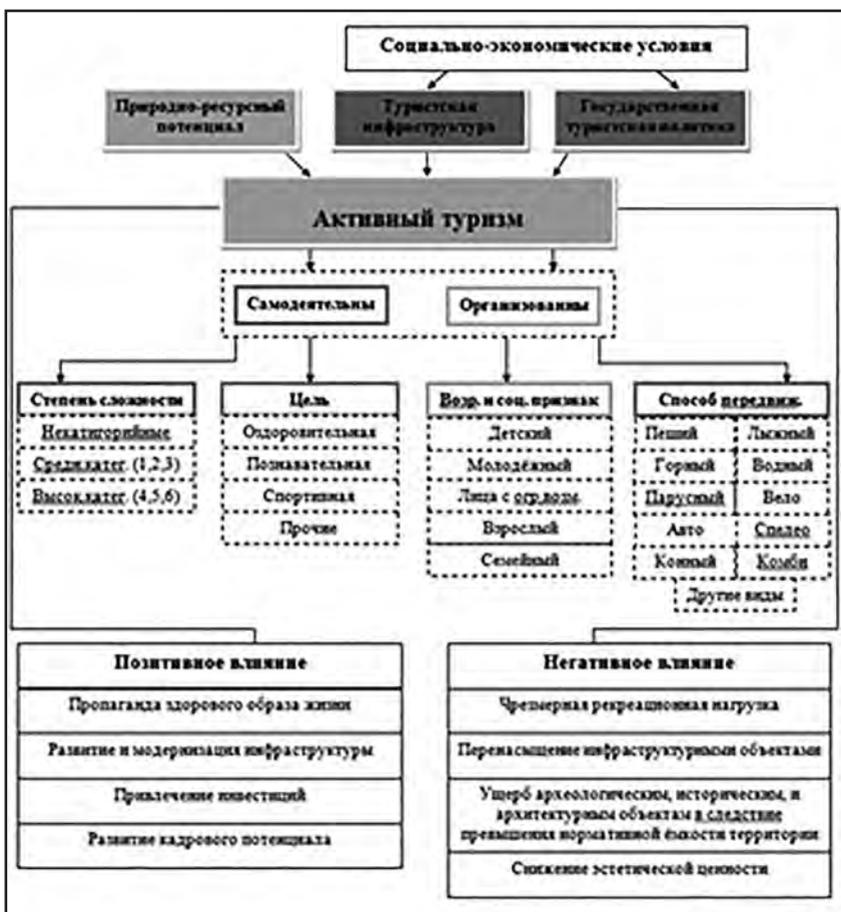
Выходом графической модели было охарактеризовано позитивное и негативное влияние активного туризма на развитие Российской Федерации, которые можно увидеть на рисунке.

Туристско-рекреационный потенциал Республики Адыгея прежде всего основан на природно-климатических и культурно-исторических особенностях территории.

Система ООПТ, сложившаяся вокруг ядра — Кавказского государственного природного биосферного заповедника (82% площади которой сконцентрировано в южной, горной части) с 40% залесённостью территории Республики Адыгея, в комплексе создают благоприятные условия для развития и диверсификации активного туризма [2].

В настоящее время в Республике Адыгея представлены такие виды туризма, как рафтинг, каньонинг, пешеходный, конный, велотуризм, джиппинг, катание на снегоходах, спелеотуризм, оздоровительный туризм, паломнический.

Согласно данным Паспорта государственной программы Республики Адыгея «Развитие туризма» на 2014–2020 годы, можно отметить следующие острые лимитирующие факторы развития активного туризма: недостаточное количество инфраструктуры с низким её качеством, отсутствие площадок для привлечения внебюджетных инвестиций, недостаток профессиональных кадров индустрии, недо-

*Структура активного туризма в Российской Федерации
(составлено автором по данным [7], [6])*

статочное продвижение туристского продукта Республики Адыгея на внутреннем туристском рынке Российской Федерации и мировом туристском рынке [1].

Главными лимитирующими факторами, выделенными нами в ходе работы, являются слаборазвитая сеть транспортного сообщения, удалённость регионов друг от друга и низкое качество дорог, путешествия носят разовый характер, низкий уровень информированности населения о существующем предложении активных туров и слабо-

развитая система продаж внутренних направлений активного туризма, малое количество турфирм, а также недофинансирование этой сферы бизнеса.

Проведённый анализ показал, что из-за перечисленных выше трудностей за последние три года количество мелких турфирм, предлагающих активные туры, сократилось на 17%, количество российских путешественников, предпочитающих активные туры, — на 15%. Количество разработанных маршрутов увеличилось всего на 3% при существующей потребности такого увеличения на 15% в год [2].

Прогноз развития сферы активного туризма в Адыгее позволяет предположить в перспективе полное рекреационное освоение большей её части, особенно горной и предгорной территории. Решение указанных проблем невозможно без помощи государственных органов, органов местного самоуправления. Требуются создание развитых сетей инфраструктуры, коммуникаций, образовательных учреждений высшего и среднего образования, разработка учебно-методического комплекса и программ подготовки специалистов по активному туризму и финансирование мелкого бизнеса. Всё это не только приведёт к развитию активного туризма в Республике Адыгея, но и повлечёт за собой развитие региона и промышленности, приток иностранных инвестиций и др.

Список источников

1. Consultant.ru [Электронный ресурс]: 2017. URL: <http://www.consultant.ru/regbase/cgi/online>
2. Комитет Республики Адыгея по туризму и курортам [Электронный ресурс]: 2017. URL: <https://www.adygcomtur.ru>
3. *Криворучко В. И., Нелобин В. В.* Справочник по курортной медицине и спортивно-оздоровительному туризму в Российской Федерации / [под общ. ред. Б. В. Иванюженкова]. М. : Сов. спорт, 2013. 207 с. : ил.
4. *Можяева Н. Г., Рыбачек Г. В.* Организация туристской индустрии и географии туризма : учеб. для студентов сред. учеб. заведений, обучающихся по специальности 100401 «Туризм». М. : Форум, 2014. 335 с.
5. *Мышлявцева С. Э.* Активный туризм в регионах Урала (маршрутный принцип территориальной организации) : автореф. дис. ... канд. геогр. наук : спец. 25.00.24 «Экономическая, социальная и политическая география». Пермь, 2007. 19 с.
6. Федерация спортивного туризма России [Электронный ресурс]: 2017. URL: www.tssr.ru/files/materials/2017-2018.pdf
7. Электронный фонд правовой и нормативной документации [Электронный ресурс]: 2017. URL: <http://docs.cntd.ru/document/1200094461>

Научное издание

**КОНВЕРГЕНТНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ XXI:
ВАРИАТИВНОСТЬ, КОМБИНАТОРИКА,
КОММУНИКАЦИЯ**

Материалы II Международной
междисциплинарной научной конференции

Симферополь, 30 ноября — 4 декабря 2017 года

На первой странице обложки — фото Т. В. Кислицыной

Корректор *Т. Н. Юкало*
Вёрстка *А. В. Климашинок*
Технический и художественный
редактор *Е. В. Мажарова*

Подписано в печать 26.03.2018
Формат 60×84/16
Усл. печ. л. 15,81. Тираж 300 экз.

Издательство ООО «Антиква»
295000, Российская Федерация, Республика Крым,
г. Симферополь, пер. Героев Аджимушская, 6, оф. 3
Тел.: +7 978 891-37-01, e-mail: antikva07@mail. ru

Отпечатано в типографии ИП Гальцовой Н. А.
Российская Федерация, Республика Крым,
г. Симферополь, пгт Аграрное, ул. Парковая, 7, кв. 908